

И. А. Покровский

ПРАВО И ФАКТ В РИМСКОМ ПРАВЕ

Часть II

ГЕНЕЗИС ПРЕТОРСКОГО ПРАВА

И. А. Покровский

Право и факт в римском праве

**Часть II
Генезис преторского права**

Репринтное издание 1902 г.

**Москва
2022**

УДК 34(37)
ББК 67.3(0)323
П48

Покровский, И. А.

П48 Право и факт в римском праве. В 2 ч. Ч. 2. Генезис преторского права / И. А. Покровский. — Репр. Воспр. изд. 1902 г. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-4499-3187-0 (Ч. 2)
ISBN 978-5-4499-3186-3

Книга «Право и факт в римском праве» известного российского правоведа, доктора римского права Иосифа Алексеевича Покровского (1868–1920 гг.) легла в основу его одноименной магистерской диссертации. Первое издание труда состоялось в Вене в 1895 году. В исследовании предложен оригинальный взгляд на различие между двумя видами римских исков: основанных на законе (*actiones in jus*) и основанных на действиях (*actiones in factum*). Из этой теории следует, что вопрос о делении римских исков на *actiones in jus* и *in factum* *conserptae* перестает быть вопросом о незначительном формальном различии и становится вопросом о глубоком материальном различии в самой структуре гражданских и преторских исков, а вместе с тем и вопросом о различной юридической природе римского гражданского и преторского права. Такой метод позволил И. А. Покровскому подойти к решению более общей задачи — определению роли римского претора в римском юридическом творчестве.

Оригинальная авторская теория и вытекающая из нее концепция юридической природы неразрывного сосуществования гражданского и преторского права впоследствии нашли отражение в его фундаментальной книге «История римского права».

В предлагаемой вниманию читателей второй части исследования установлен «настоящий характер известного дуализма в римском праве» и таким образом достигнуто «истинное понимание как общего развития римского права, так и его исторических особенностей».

УДК 34(37)
ББК 67.3(0)323

Д. А. Покровский.

ПРАВО И ФАКТЪ ВЪ РИМСКОМЪ ПРАВѢ.

ЧАСТЬ II.

ГЕНЕЗИСЪ ПРЕТОРСКАГО ПРАВА.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва печати. и издат. дѣла Н. Т. Корчака-Новицкаго, Мерицговская ул.

1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый въ настоящее время трудъ, съ одной стороны, является естественнымъ продолженіемъ сочиненія „*Право и фактъ въ римскомъ правѣ ч. 1 Право и фактъ, какъ матеріальное основаніе исковъ*“, а, съ другой стороны, представляетъ нѣкоторое самостоятельное цѣлое. Общее происхожденіе этого труда таково.

Въ указанномъ сочиненіи, изслѣдуя вопросъ о различіи между римскими *actiones in jus* и *in factum* conscriptae, я пришелъ къ тому заключенію, что различіе это опредѣляется не чисто внѣшнимъ, редакціоннымъ строеніемъ исковыхъ формулъ (какъ то учитъ господствующее воззрѣніе), а глубоко внутреннею противоположностью въ самомъ матеріальномъ основаніи исковъ гражданскихъ и преторскихъ. Исковъ *in jus* conscriptae являются только гражданскіе и называются они такъ потому, что всегда опираются на субъективное гражданское право истца, на нѣкоторое „*res mea est ex jure Quiritium*“ или „*dare mihi oportet*“—вообще на нѣкоторое *jus*. Искъ преторскій, напротивъ, какъ бы ни была редактирована его формула (съ простымъ перечисленіемъ фактовъ, съ фикціей, съ перестановкой субъектовъ), есть всегда *actio in factum*, ибо во всѣхъ случаяхъ онъ опирается лишь на такой или иной комплексъ объективныхъ фактовъ—вообще на нѣкоторое *factum*.

Этотъ результатъ, однако, выдвигалъ предо мной новый вопросъ. Конечно, преторскій искъ—въ противоположность гражданскому *jus*—опирается всегда на нѣкоторое *factum*: это *factum* приводить проситель передъ преторомъ, это *factum* кладется затѣмъ въ основаніе

исковой формулы. Но, вѣдь, не всякій фактъ достаточенъ для того, чтобы въ глазахъ претора оправдать желаніе просителя и чтобы вызвать власть на такое или иное активное вмѣшательство въ область частныхъ отношеній. Въ однихъ случаяхъ преторъ удовлетворить просьбу и дать искъ, въ другихъ нѣтъ; следовательно, приводимые просителемъ факты для того, чтобы побудить претора къ активному вмѣшательству, должны имѣть нѣкоторый особый характеръ, должны быть съ какой-то точки зрѣнія преторомъ оцѣнены. И вотъ естественно возникаетъ вопросъ, съ какой же именно точки зрѣнія преторъ все представляемое ему просителемъ оцѣниваетъ, или—говори иначе—какой *аспективный критерій*, какой *общій мотивъ* руководилъ всею преторскою дѣятельностью въ области гражданскаго права?

Отвѣтъ, который предлагало мнѣ господствующее ученіе на этотъ вопросъ, былъ несомненно: такой верховный критерій и общій мотивъ есть *Aequitas*. Въ подтвержденіе можно было привести даже десятокъ-другой цитатъ изъ *Corpus juris civilis*, въ которыхъ въ такихъ или иныхъ выраженіяхъ сообщается, что та или иная норма преторскаго эдикта вытекаетъ изъ *Aequitas*.

Несмотря на это, подобный отвѣтъ меня не удовлетворялъ. Что такое *aequitas*, спрашивалъ я себя и другихъ. Попытки опредѣлить это понятіе чертами болѣе точными, въ родѣ, наиримѣръ, принципа равенства всѣхъ передъ закономъ, меня не убѣждали. И видѣлъ, что, какъ у насъ, такъ и въ Римѣ *aequitas* представляла изъ себя нѣчто очень широкое и туманное, нѣчто, охватывавшее въ однихъ общихъ скобкахъ идеи разнообразнаго содержанія—идеи морали, социальный политики и т. п. *Не было-ли, напротивъ, какого-либо болѣе special'но и вѣстнаго съ тѣмъ болѣе опредѣленнымъ мотивомъ, который составлялъ римскаго магистрата занимаясь съ частными отношеніями?*

Получить надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось мнѣ, возможно не путемъ сопоставленія большей или меньшей массы общихъ изреченій изъ *Corpus*, а *путемъ историческаго наблюденія за дѣятельностью римскихъ магистратовъ въ области гражданскихъ отношеній*. Если намъ удастся, думалось мнѣ, опредѣлить *начальную сферу* этой дѣятельности и *начальный мотивъ* ея,—тогда выйдетъ съ тѣмъ же получимъ и наше искомое, т. е. общій и руководящій принципъ преторскаго права *въ его исторически-чистомъ видѣ*.

Такимъ образомъ, поставленный выше вопросъ самъ собою превратился для меня въ вопросъ объ *историческомъ генезисѣ претор-*

свою права, и вмѣстѣ съ тѣмъ работа начала приобретать (по отношенію къ первой части) самостоятельный характеръ.

Предпринятія въ этомъ направленіи изслѣдованія привели меня къ убѣжденію, что дѣйствительно начальный мотивъ преторской дѣятельности мы можемъ опредѣлять весьма точно и ясно, и что этотъ общій мотивъ совершенно одинаково сказывается какъ въ участіи магистрата въ древне-римскомъ гражданскомъ процессѣ, такъ и въ сферѣ его внѣ-судебнаго вліянія. Тотъ же мотивъ замѣтно слышится даже въ позднѣйшихъ созданіяхъ преторскаго права, когда преторское творчество приобрѣло себѣ уже прочную опору въ глазахъ общественнаго мнѣнія и уже въ какихъ либо спеціальныхъ оправданіяхъ не нуждалось.

Результаты этихъ изслѣдованій я и предлагаю теперь вниманію спеціалистовъ, причѣмъ долженъ оговориться, однако, въ слѣдующемъ.

Работа моя имѣетъ характеръ по преимуществу *синтетическій*. Какъ того требовала самая задача, дѣло въ большинствѣ случаевъ заключалось не столько въ установленіи тѣхъ или иныхъ деталей фактовъ, сколько въ общихъ выводахъ изъ того, что уже установлено наукой, въ принципиальномъ осмысленіи этихъ фактовъ, въ приведеніи ихъ къ органическому единству. Лишь въ некоторыхъ отдѣльных вопросахъ мнѣ приходилось углубляться въ детали—именно тамъ, гдѣ среди господствующаго ученія я не находилъ согласія или гдѣ это господствующее ученіе мнѣ казалось ошибочнымъ. Въ виду того, что я писалъ для спеціалистовъ, на такіе детали, относительно которыхъ я не имѣлъ сказать ничего существенно новаго, я считалъ себя вправе только просто указывать.

Налагая *genesis* преторскаго права, я отнюдь не имѣлъ намѣренія прослѣдить развитіе всѣхъ отдѣльныхъ институтовъ преторскаго права, въ какомъ порядкѣ они появлялись, къ какой эпохѣ должны быть отнесены и т. д. Взять на себя подобную трудную задачу—написать *исторію* преторскаго права—я, конечно, не рѣшилъ. Мнѣ казалось, что, прежде нежели приступить къ такой большой работѣ, необходимо сначала подвергнуть разсмотрѣнію общіе и принципиальные вопросы этой исторіи. Поставить эти вопросы и предложить на нихъ послѣдующій отвѣтъ—это только и составляетъ задачу настоящаго сочиненія.

Кіевъ.

Декабрь, 1901 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

СТРАН.

Вопросъ о происхожденіи преторскаго права въ литературѣ.

Господствующее ученіе.—Отступаящія теоріи Puntschart'a
и Schultze . . . . . 1 — 16

ГЛАВА I.

Роль магистрата въ древне-римскомъ гражданскомъ процессѣ.

§ 1. *Характерныя особенности древне-римскаго процесса и попытки ихъ объясненій.*

Дѣленіе римскаго процесса на два стадіи—*ius* и *iudicium* —
центральный пунктъ, всѣхъ характерныхъ особенностей этого
процесса.—Вопросъ объ итогѣ дѣленія въ литературѣ. Теоріи
догматическія. Теоріи конституціонныя. Общія ученія о *legis*
actiones Iеринга, Верригѣта, Шульце и Г. Крюгера . . . . . 17 — 41

§ 2. *Ignoris curio* и *manus injectio*.

Ignoris curio, какъ внѣ-судебный способъ осуществленія
правъ у римлянъ и у другихъ народовъ.—*Manus injectio* (вопросъ
объ *addictio*; внимательство *vindex'a*).—Историческое мнѣніе объ
ихъ формѣ и роль магистрата . . . . . 42 — 53

§ 3. *Legis actio sacramenta*.

Вопросъ о древнѣйшемъ значеніи *sacramentum*. *Sacramen-*
tum, какъ присяга сторонъ. Теоріи Данз'а, ея недостатки и по-
пытки ея исправленія (II. Krüger, Schultze, Pfäfer). Анализъ
ритуала I. а. *sacramento* и выводы относительно происхожденія
и дальнѣйшаго развитія этой формы . . . . . 54 — 72

§ 4. *Общие взгляды о системе legis actiones.*

1. Для понятия legis actio участие магистрата не составляет необходимости.—2. Если магистратъ участвуетъ, то это участие вызывается не его судебной функцией, а функцией познательской.—3. Но это участие въ legis actio не даетъ ему никакой власти надъ материальными гражданскими правами. . . . .

73 — 78

ГЛАВА II.

Формальный генезис преторского права.

§ 5. *Административная cognitio и интердикты.*

Развитіе интердиктовъ изъ cognitio магистрата (господствующее ученіе; ученія Nuschke и Jobbé-Duval'я). Интердикты и cognitio въ позднѣйшемъ правѣ. . . . .

79 — 92

§ 6. *Stipulatio praetoria, missio in possessionem и restitutio in integrum.*

Связь stipulatio praetoria съ интердиктами.—Missio in possessionem.—Restitutio in integrum не есть самостоятельное средство .

93 — 103

§ 7. *Преторскія средства въ эпоху формулярнаго процесса.*

Положеніе старыхъ формъ преторскаго вліянія (интердикты и пр.). Новыя формы: denegatio civilis и exceptio; actiones praetoriae, анализъ ихъ юридическаго характера. Разборъ мнѣнія Schultze объ общемъ характерѣ формулярнаго процесса и экскурсъ относительно процессуальной cognitio . . . . .

104 — 123

§ 8. *Общие результаты главы*

Преторскія средства развились изъ административной cognitio, еще до lex Aebutia и нѣтъ никакой связи съ порождающими гражданскіе процессы . . . . .

129 — 134

ГЛАВА III.

Материальный генезис преторскаго права.

§ 9. *Jurisdictio и imperium.*

Шаткость римской классической терминологіи. Древнѣйшее представленіе о jurisdictio. Jurisdictio и imperium въ классической юриспруденціи. Заключаютъ преторскаго права надобность въ идеѣ охраны общественнаго мира . . . . .

135 — 145

§ 10. *Принципы общественнаго порядка въ исторіи преторскаго права.*

Заключеніе преторскаго права: вопросъ о материальности происхожденіи интердиктовъ. Слѣды принципа общественнаго порядка въ позднѣйшихъ преторскихъ институтахъ, особенно въ исторіи обязательствъ.—Постепенное расширеніе этого принципа и параллельная потеря имъ его первоначальной яркости . . . .

146 — 165

§ 11. *Принципы общественного порядка въ эдильскомъ правомъ.*

Эдильская полиція и эдильская юрисдикція. Вопросъ о развитіи эдильскихъ средствъ. Мысль Терннга и Влассакъ о принципиальной противоположности между претурой и эдильтетомъ. Полная ошибочность этой мысли . . . . . 166 — 176

ГЛАВА IV.

Юридическая природа *jus honorarium*.§ 12. *Вліяніе современной литературы.*

Характеристика римскаго правовоззрѣнія, сдѣлавалъ Виппшайдомъ, Возраженія Muther'a. Мысль Bruus'a. Ученіе Bekker'a и его несостоятельность . . . . . 177 — 182

§ 13. *Юридическая природа права цивильнаго и преторскаго.*

Юридическая характеристика *jus civile: actio* есть лишь функція права. *Jus honorarium: actio* въ случаяхъ, въ эдиктѣ не предусмотрѣнныхъ; зарожденіе и развитіе эдикта; его вліяніе на частныя правоотношенія. Заключение: въ системѣ преторскаго права *jus* является послѣдствіемъ *actio* . . . . . 183 — 193

Заключеніе . . . . . 194 — 209

ВВЕДЕНИЕ.

Вопросъ о происхожденіи преторскаго права въ литературѣ.

Господствующее ученіе.—Отстаивающія теоріи Puntschart'a и Schultze.

Основнымъ явленіемъ исторіи римскаго права, явленіемъ необычайной важности должно быть признано, безъ сомнѣнія, параллельное существованіе двухъ правовыхъ системъ—цивильной и преторской, *jus civile* и *jus honorarium*. Этотъ дуализмъ правовыхъ системъ, эта *compromissio plurimum in solidum* въ области объективныхъ нормъ, не находящая себѣ аналогіи въ исторіи другихъ народовъ, представляетъ, конечно, громаднѣй историческій и теоретическій интересъ.

Если мы прикинемъ къ этому дуализму правовыхъ нормъ нашу обычную юридическую мѣрку, мы тотчасъ попадемъ въ заколдованный кругъ юридическихъ загадокъ и противорѣчій. Мы увидимъ здѣсь судью, повидимому, обязаннаго примѣнить законъ и тѣмъ не менѣе его не примѣняющаго; судью, повидимому, не имѣющаго законодательной власти и тѣмъ не менѣе законодательствующаго. Мы встрѣтимъ здѣсь нормы, одинаково дѣйствительныя и тѣмъ не менѣе опредѣленно другъ другу противорѣчащія. Мы найдемъ здѣсь какія-то „нотія права“, т. е. права, не имѣющія никакой силы и тѣмъ не менѣе все-таки „права“... И т. д. и т. д. Однимъ словомъ, цѣлый рядъ явленій, съ точки зрѣнія нашихъ понятій о правѣ совершенно странныхъ, производящихъ на первый изгладъ впечатлѣніе какой-то необикновенной юридической фантазмагоріи.

Разобраться во всѣхъ этихъ странныхъ явленіяхъ, внести въ нихъ научную юридическую опредѣленность—представляетъ, конечно, насущную необходимость для истиннаго пониманія римскаго права-развитія; безъ этого почти все въ исторіи римскаго права будетъ казаться туманнымъ.

Но разобраться въ этихъ вопросахъ, очевидно, будетъ невозможно, если мы не будемъ знать заранѣе, откуда пошелъ этотъ юридическій дуализмъ, какими причинами онъ вызванъ. Другими словами, теоретическому изслѣдованію о взаимномъ соотношеніи гражданской и преторской системъ должно предшествовать историческое изслѣдованіе о происхожденіи и развитіи преторскаго права. Что именно съ этого вопроса необходимо начинать распутываніе указываемаго сложнаго узла юридическихъ загадокъ,—на этомъ, какъ кажется, останавливаться нечего.

Какъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ наша современная литература? Сущность общепринятаго ученія на этотъ счетъ состоитъ въ слѣдующемъ ¹⁾.

Всякій гражданскій процессъ въ Римѣ, прежде нежели вступить въ стадію фактическаго разбирательства (*in judicio*), долженъ былъ пройти предварительно чрезъ руки претора (*in jure*). Здѣсь процессъ получалъ свою юридическую формулировку, отъ которой зависѣла его дальнѣйшая постановка *in judicio*; здѣсь опредѣлялся предметъ спора и разбирательства; здѣсь устанавливались тѣ рамки, въ которыхъ должна была затѣмъ развиваться дѣятельность сторонъ и судья.

Въ эпоху древнѣйшаго римскаго процесса *per legis actiones* указанная юридическая формулировка спора *in jure* производилась самими спорящими посредствомъ извѣстныхъ словесныхъ формулъ, опре-

¹⁾ Cp. *Puchta*. *Cursus der Institutionen*. Bd. I. § 79—82. — *Rudorff*. *Römische Rechtsgeschichte*. Bd. I (1857) § 4. § 60—61. — *Esmarch*. *Röm. Rechtsgeschichte*. (2-te Aufl. 1880) s. 211—213. — *Karlowa*. *Röm. Rechtsgeschichte*. Bd. I (1887). S. 458 и сл. — *Sohn*. *Institutionen*. § 14. — *Kröniger*. *Geschichte der Quellen und der Literatur des röm. Rechts* (1888). § 5. — *Ihrs*. *Die röm. Rechtswissenschaft zur Zeit der Republik* (1883). S. 156—198. — *Bethmann-Hollweg*. *Der röm. Civilprocess*. Bd. II. (1865) § 57. — *Keller*. *Der röm. Civilprocess*. § 23. — *Muirhead*. *Introduction historique au droit privé de Rome* trad. par Bourcart (1889) p. 322 и сл.; p. 311 и сл. — *Girard*. *Manuel élémentaire de droit romain* (2-me éd. 1893) p. 37 и сл. — *Williams*. *Le droit public romain*. (5-me éd. 1884) p. 273 и сл. — Изъ русскихъ авторовъ см. *Мухоморовъ*. *Гражданское право древняго Рима* (1893) стр. 229 и сл., *Боголюбовъ*. *Учебникъ исторіи римскаго права* (1895) стр. 330 и сл., *Ефимовъ*. *Лекціи по исторіи римскаго права* (1895) стр. 105 и сл.

дѣйствующихъ такъ или инымъ стереотипнымъ выраженіемъ сущность и содержаніе спора. Поэтому преторъ въ эту эпоху не имѣлъ возможности оказать свое вліяніе на постановку дѣла *in iudicio* и на его окончательный матеріальный исходъ: все шло по рукамъ и разрѣшалось сообразно строгимъ правиламъ *iuris civilis*.

Но положеніе претора существенно измѣнилось тогда, когда въсто процесса *per legis actiones* закономъ Эбуціи были установлены процессы *per formulas*. Составленіе формулы, т. е. инструкціи судьямъ приходилось теперь всецѣло въ рукахъ претора, въ силу чего отъ него много разъ зависѣло дать дѣлу то или иное направленіе и тѣмъ преддѣлать его судьбу *in iudicio*.

Конечно, вводи подобную реформу процесса, законъ Эбуціи имѣлъ въ виду исключительно практическія удобства самихъ сторонъ (желать устранить стѣснительный формализмъ *legis actiones*) и вовсе не предполагалъ давать претору какую-либо юридическую власть надъ матеріальными нормами *iuris civilis*. Но *de facto* порядокъ судопроизводства, созданный этимъ закономъ, предоставлялъ претору огромную власть въ области гражданскихъ правоотношеній и мало по малу превратилъ его изъ простаго исполнителя закона въ его контролера, создалъ ему положеніе „почти законодательное“.

Какъ и вслѣдствіи высшій магистратъ, преторъ имѣлъ т. н. *jus edicendi* т. е. право издавать эдикты, касавшіеся функцій его служебной дѣятельности. Эдикты эти имѣли силу для гражданъ обязательную — но лишь на время должностнаго года издаваемаго ихъ магистрата. Одни изъ этихъ эдиктовъ издавались преторами въ теченіе ихъ должностнаго года по тому или другому отдѣльному поводу и имѣли временный, преходящій характеръ; это т. н. *edicta repentina*. Другіе же издавались ими въ самомъ началѣ года, при самомъ вступленіи въ должность, и были предназначены служить руководствомъ на все время службы ихъ автора; это т. н. *edictum perpetuum*. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ „постоянномъ“ эдиктѣ и отлагались постепенно всѣ преторскія нововведенія въ области юрисдикціи.

Постоянный эдиктъ являлся т. обр. должностною программой преторовъ по отношенію къ юрисдикціи; онъ опредѣлялъ тѣ правила, которыми преторы будутъ руководствоваться при управленіи правосудіемъ. Но идеѣ своей преторскій эдиктъ долженъ былъ по отношенію къ *jus civile* занимать лишь служебное положеніе, способствуя его наилучшему примѣненію и осуществленію — т. е. *juris civilis adju-*

caudi vel supplendi gratia. Но мало по малу затѣмъ, когда положеніе претора въ этомъ отношеніи упрочилось, онъ перешелъ и къ исправленію отживающихъ нормъ цивильнаго права—*juris civilis corrigendi gratia*,—и явился въ этомъ случаѣ выразителемъ измѣнившихся условій жизни и новыхъ потребностей оборота. Требованиямъ, потерпевшимъ опору въ глазахъ общественнаго мнѣнія, онъ отказывалъ въ процессуальномъ осуществленіи, въ искѣ; и, наоборотъ, сталъ давать такіе иски изъ правоотношеній, хотя и не признанныхъ въ *jus civile*, но соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ и потребностямъ. Такимъ путемъ въ теченіе столѣтій въ преторскихъ адиктахъ выросла рядомъ со старой системой цивильнаго права новая система *преторскаго права*, которая перекрещивалась съ первой въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, комбинировалась съ нею самымъ различнымъ образомъ, создавая тотъ *юридическій дуализмъ*, который, какъ сказано выше, служилъ такимъ характернымъ явленіемъ римскаго праворазвитія.

Таковъ общій ходъ возникновенія преторскаго права согласно господствующему ученію; отдѣльные отгѣнки, встрѣчающіеся иногда въ изложеніи различныхъ авторовъ, въ ту или другую сторону существеннаго значенія не имѣютъ.

Всмотримся въ это ученіе ближе. Основными делами его являются слѣдующія.

1) *Преторское право возникло изъ судебной дѣятельности претора и по поводу этой дѣятельности*. Имѣлись органы *суда*, органы, черезъ руки котораго должно было пройти всякое дѣло, преторъ сталкивался и съ жизнью и съ нормами цивильнаго права, и естественно, если онъ, имѣя въ эпоху формулярнаго процесса возможность дать спору сторонъ такое или иное направленіе, занялъ мало по малу по отношенію къ *jus civile* положеніе контролирующее и „почти законодательное“. „Aus processleitenden Beamten sind die Prätores, говоритъ по этому поводу *Bekker*, im Laufe der Zeit wenn nicht geradezu Schöpfer und Gesetzgeber, doch Former und Bildner des Rechts geworden“. Ихъ положеніе, продолжаетъ онъ, прежде занимали цари и консулы; для преторовъ при ихъ учрежденіи не были созданы какія либо новыя права и обязанности; но та власть, которую они получили отъ своихъ предшественниковъ, быстро возматривала въ ихъ рукахъ. Съ одной стороны то обстоятельство, что преторы имѣли большія возможности обращать вниманіе на отправление суда, чѣмъ ихъ предшественники, которые часто отлыкали отъ него и

поспыными походами и своими другими дѣлами, съ другой стороны развитіе оборота—все это способствовало расширенію упомянутой власти. Во времена Плавта преторъ является уже магистратомъ часто упоминаемымъ—но всегда лишь какъ магистратъ судебный; Цицеронъ же говорить о немъ уже, какъ о виднѣвшемся фактѣ праворазвитія. „*Aus dem Einfluss auf das Verfahren ist der Einfluss auf das Recht hervorgewachsen*“²⁾).

2) Такой колоссальный результатъ для исторіи римскаго права получился не вслѣдствіе того, что претору было предоставлено *право* контролировать и исправлять *jus civile*, а лишь вслѣдствіе того, что преторъ имѣлъ *фактическую* возможность къ этому, оказывая такое или иное вліяніе на постановку процесса. Въ принципѣ преторъ и послѣ *lex Aebutia* не имѣлъ законодательной власти: онъ „*jus facere non potest*“; онъ, какъ и прежде, по отношенію къ *lex* и *jus* является органомъ подчиненнымъ. И если онъ тѣмъ не менѣе не только примѣняетъ законъ и исполняетъ его пробѣлы, но даже исправляетъ его,—то это лишь потому, что того требуетъ жизнь и преторъ имѣетъ фактическую возможность сдѣлать цивильную норму безсильной, отказать исполненію на ней претенціи въ искѣ. Говоря короче, преторъ воздѣйствуетъ на *jus civile* не потому, что онъ имѣетъ на это право, а лишь потому, что онъ имѣетъ на это возможность.

Эта послѣдняя мысль, однако, тотчасъ же вызываетъ естественное недоумѣніе. Съ нашей точки зрѣнія судебный магистратъ, судья, идущій въ своихъ рѣшеніяхъ наперекоръ существующему закону, нарушаетъ свои обязанности и присваиваетъ себѣ власть, ему не принадлежащую. Если и римскій преторъ стоялъ дѣйствительно ниже закона, какъ то учить господствующая теорія, то, повидимому, и ему долженъ быть поставленъ тотъ же упрекъ: упрекъ въ нарушеніи основного принципа государственнаго права, въ нарушеніи римской государственной конституціи.

И дѣйствительно въ XVIII столѣтіи такой упрекъ претору неоднократно дѣлался³⁾. Но ученые XIX ст. съ насмѣшкой отбросили

---

²⁾ *Becker. Aktionen. Id. II. Cap. 2—3.*

³⁾ Ср. напр. *Hincceius. Historia juris civilis romani ac germanici. Ed. Ritteri (1751). Id. I. § 68.* „*Ipsium equidem jus scriptum directe mutare edictis suis non poterant Praetores, idque non modo ipsi prae se ferunt. quoties in edictis suis leges, seta, edicta decretaque principum diserte excipiunt., sed et jurisconsulti passim profitentur... Enimvero ut mali magistratus potestate, etiam legitima, facile abutuntur:*

это обилие. Если бы преторы действительно обманывали народъ, отыскал мало по малу старое право подъ видомъ его примѣненія, то пеужели этотъ народъ, вообще столь чуткій къ своимъ правамъ и къ своему достоинству, сталъ бы терпѣть подобный обманъ и подобную дерзость ¹⁾?... Упрекъ этотъ вытекаетъ изъ непониманія общаго характера римскаго государственнаго устройства. Основнымъ принципомъ этого послѣдняго является, — „dauernde Herrschaft des Gesetzes und die vorübergehende Herrschaft des Magistrats“ ²⁾. Теоретически магистратъ, конечно, не имѣетъ власти надъ закономъ, практически же это подчиненіе магистрата закону могло быть приведено въ исполненіе лишь путемъ протеста со стороны другаго магистрата равной или высшей власти. Коллизіи и столкновенія т. обр. были не исключены; но въ томъ-то и сказывается по преимуществу политическое величіе римскаго народа, что оба указанные факторы—идеальное господство закона и реальная сила магистрата—не тратались въ безплодныхъ конфликтахъ между собой, а дружно, рука объ руку работали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Пока законы XII таблицъ съ ихъ т. н. *interpretatio* и понтификальными *legis actiones* соответствовали дѣйствительнымъ условіямъ жизни, преторы или вовсе не вышнивались въ область права или же вышнивались очень рѣдко—въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ дѣйствующій законъ обнаруживалъ пробѣлы. Когда же развинулась жизнь и усложнившаяся гражданскій оборотъ перестали укладываться въ рамки стараго права, подвижная преторская юрисдикція нашла пути и средства для удовлетворенія новыхъ запросовъ. Гдѣ оказывалось противорѣчіе между старымъ правомъ и новыми требованиями времени, преторы не побоялись отдать предпочтеніе послѣднимъ и отказать старымъ нормамъ въ процессуальномъ осуществленіи. Они могли рѣшиться на это потому, что они имѣли за собой

---

ita et de praetoribus idem observat Dio Cassius“.—§ 69. „Quod ergo directe non poterant Praetores, id indirecte, adhibitisque quibusdam artibus, eos praestitisse, dudum ostendimus. Nam et novis excogitatis vocabulis leges eludebant, et actiones civiles datis exceptionibus, restitutionibus evertabant, et fictionibus suis efficiebant, ut aliam paene faciem induerant jura civilia“.— Подобные упрёки преторамъ высказывались въ то время очень нерѣдко, хотя съ другой стороны находились и авторы, бравшіе на себя защиту ихъ. Полемикъ съ однимъ изъ такихъ защитниковъ попрежнему горячее примѣчаніе Heineccius'a къ § 70 той же *Historia*.

¹⁾ Ср. напр. *Puchta*. Institutionen. Bd. I (7-te Aufl.). S. 302—303. — *Wlassak*. Römische Prozessgesetze. Bd. I. S. 1.

²⁾ *Jörs*. Römische Rechtswissenschaft. S. 159—159.

общественное правосознание; это послѣднее являлось всегда конечнымъ двигателемъ преторскаго права, и лишь благодаря этому правосознанію преторское право стало тѣмъ, чѣмъ оно оставалось въ теченіе столѣтій—живымъ голосомъ римскаго гражданскаго права ⁶⁾).

Все это, конечно, справедливо, и упрекъ въ томъ, что преторы *обманывали* народъ, конечно, неоснователенъ. Но это объясненіе все-таки не устраняетъ вопроса о томъ, *было-ли подобное поведеніе преторовъ по отношенію къ закону (jus civile) правомѣрнымъ или же неправомѣрнымъ, и только терпимымъ?* Если оно было правомѣрнымъ, тогда придется бросить мысль о томъ, что преторъ стоитъ ниже закона, какъ нѣчто ему подчиненное, придется признать за нимъ силу законодателя. Если же, напротивъ, считать выраженіе „*magistratus jus facere non potest*“ за одинъ изъ основныхъ принциповъ римскаго республиканскаго устройства—тогда, повидному, неизбежно признать, что измѣненіе закона преторскими эдиктами есть нѣчто неправомѣрное, оставшееся безнаказаннымъ только потому, что подобное правонарушеніе соответствовало новымъ потребностямъ жизни и оборота.

Какъ мы видѣли, господствующее ученіе на этотъ вопросъ прямо не отвѣчаетъ, хотя безъ сомнѣнія склоняется въ пользу втораго рѣшенія альтернативы. Оно говоритъ лишь объ отерывшейся съ времени *lex Aebutia* широкой *полномочности* для преторовъ вліять на судъ и право съ одной стороны, и о несомнѣнной поддержкѣ общественнаго мнѣнія—съ другой.

Но если такъ, тогда неизбеженъ слѣдующій дальнѣйшій выводъ: все преторское право, особенно тамъ, гдѣ оно было наиболее плодотворно для развитія римскаго права, т. е. гдѣ оно дѣйствовало *juris civilis corrigendi gratia* (*exceptiones, restitutiones* и т. д.),—выросло изъ злоупотребленія властью, выросло вопреки самому основному принципу не только римскаго, но и всякаго государственнаго устройства—принципу главенства и верховенства закона.

Этотъ послѣдній выводъ, конечно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которые легко рѣшиться и на которыхъ можно успокоиться, не испробовавъ всѣхъ средствъ, чтобы избѣжать его. Не удивительно поэтому, если среди современныхъ писателей нашлись и такіе, которые предлагаютъ иное рѣшеніе поставленнаго здѣсь вопроса.

---

⁶⁾ *Jörs. ibid.*

Уже *Huschke* ⁷⁾ остановился передъ указаннымъ выше выводомъ и усумнившись въ правильности господствующаго ученія, высказалъ предположеніе, что *lex Aebutia* была не простымъ процессуальнымъ закономъ, а напротивъ закономъ, глубоко затрагивавшимъ все римское государственное устройство: «гогоь законъ, говорить *Huschke*, дать претору не только возможность, но и право создавать новыя гражданскія нормы; въ этомъ законѣ мы должны искать ту юридическую почву, на которой выросло все преторское творчество въ области права».

Послѣ этого вопросъ о такомъ государственно-правовомъ значеніи *lex Aebutia* подымался не разъ.

Оригинальную теорію римскаго праворазвитія длетъ прежде всего *Puntschart* ⁸⁾. Изсѣдовавъ юридическую природу римскаго государственнаго устройства въ періодъ царей, *Puntschart* приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. При изданіи принципиальныхъ законовъ („*principieller Justizgesetze*“) царь былъ связанъ согласіемъ народнаго собранія; исполненіе же этихъ принципиальныхъ законовъ („*die Ausführungsgesetzgebung dieser principieller Gesetze*“) принадлежало исключительно ему. Это исполненіе царь осуществлялъ въ формѣ *реальной интерпретации*; онъ имѣлъ т. обр. *potestas legum interpretandarum*, и былъ въ этомъ смыслѣ *custos juris civilis* и *viva vox juris civilis* (стр. 25). По уничтоженіи царской власти эта широкая *potestas legum interpretandarum* перешла не къ консуламъ, а къ понтификамъ, т. е. собственно къ *pontifex maximus* (стр. 36. 37); консулы же, являясь преемниками свѣтской власти царей, получили лишь ихъ *imperium* (стр. 39). Т. обр. въ лицѣ понтификовъ гражданская юрисдикція получила новый постоянный органъ и новое государственно-правовое основаніе: избираемый для этой цѣли коллегіей *pontifex* являлся отнюдь не простымъ подающимъ лишь свое мнѣніе совѣтникомъ какого-нибудь судебнаго магистрата: онъ былъ, напротивъ, самъ судебнымъ магистратомъ, председателемъ гражданскихъ судовъ („*der Vorstand der Civilgerichte*“), аутентичнымъ интерпретаторомъ гражданского права, говорящимъ закономъ, голосу котораго въ силу самой конституціи магистратъ долженъ былъ повиноваться („*das re-*

⁷⁾ *Incerti auctoris etc. expos.* p. 60—65.

⁸⁾ *Puntschart*, *Die Entwicklung des grundgesetzlichen Civilrechts der Römer.* (1872).

dende Gesetz, dessen Stimme zu beachten dem Magistrat die Verfassung gebot^a — стр. 42).

Когда скоро послѣ установленія республики понадобилось пересмотрѣть *jus civile*, то децемвиры, избранные съ этой цѣлью, для того, чтобы имѣть на пересмотръ надлежащее право, получили отъ нихъ именно эту *potestas legum interpretandarum* въ ея полномъ объемѣ (стр. 51). Но когда затѣмъ все снова вернулось къ обычному порядку, то коллегія понтификовъ опять заняла свое прежнее государственно-правовое положеніе—положеніе органа, которому, какъ некогда царю, было поручено все развитіе законнаго гражданского права (стр. 62).

Этому положенію понтификовъ однако пришелъ конецъ. Та власть, которая имъ такъ долго принадлежала, *potestas legum interpretandarum*, была перенесена на преторовъ, и это было сдѣлано закономъ *Эбуція*. Это былъ законъ не только процессуальный, а законъ глубокаго государственнаго значенія (стр. 126), законъ, имѣвшій въ виду создать за-ново полный правовой организмъ римскаго государства (стр. 134). Этотъ законъ далъ претору государственно-правовое основаніе для вѣдѣній на всю область гражданского права. *Lex Aebutia*, говоритъ *Puntschart*, вручилъ всякому будущему *praetor urbanus* („*praetor, qui posthac erit, qui inter cives jus dicet*“) власть (*potestas*) по своему усмотрѣнію (*quando ei videbitur*) въ интересахъ (*ex usu*) гражданской юрисдикціи интерпретировать *jus civile* и въ формѣ эдиктовъ (*edicendo*) его исправлять (*corrigere*) и восполнить (*supplere*) (стр. 131). Т. обр. этимъ закономъ была дана преторамъ широкая власть надъ всею областью гражданского права, и въ этомъ отношеніи они стоятъ даже выше консуловъ.

Не смотря на такую широкую власть претора, онъ не могъ однако измѣнить „*den gesetzlichen Bestand einer grundgesetzlichen Bestimmung*“, вѣдѣствіе чего все его реформы въ области права могли быть лишь фактически дѣйствительными („*thatsächlich wirksam*“). Реформированное преторами гражданское право являлось т. обр. правомъ измѣнимымъ, провизорнымъ, начальственнымъ („*ein veränderliches, provisorisches und obrigkeitliches Recht*“), могущимъ лишь отнять у основнаго гражданского права его фактическую силу, но не могущимъ уничтожить самаго его существа. Законъ *Эбуція* создалъ этимъ вѣкоторую особую форму народнаго законодательства—законодательство посредственное („*eine mittelbare Volkslegislation*“), кото-

рое отличалось от непосредственного (т. е. законодательна въ формѣ постановленій народнаго собранія) тѣмъ, что эдикты судебныхъ магистратовъ не были законами, предназначенными служить долгое время, а лишь законодательскими распоряженіями, дѣйствительными только до тѣхъ поръ, пока ихъ авторъ былъ у власти („dass die Edicte der richterlichen Magistrate keine dauernde Gesetze, sondern gesetzgeberische Verordnungen waren, also nur so lange galten, als ihre Urheber im Amte waren“). По своему юридическому характеру эдикты преторовъ составляли нѣчто среднее между закономъ въ собственномъ смыслѣ и обыкновеннымъ правительственнымъ распоряженіемъ; они были подобны тѣмъ распоряженіямъ, которые могутъ издавать нынѣшніи конституціонныи правительства на случай крайности въ тотъ періодъ времени, когда парламентъ не заседаетъ. Разница заключается только въ томъ, что эти послѣдніи распоряженія могутъ имѣть своимъ содержаніемъ лишь провизорныя дополненія, а отякудъ не исправленія или реформы дѣйствующаго права (стр. 135—136).

Такова въ общихъ чертахъ теорія Puntchart'a. Теорія эта однако не встрѣтила себѣ сочувственнаго отклика въ позднѣйшей литературѣ. И дѣйствительно, вся эта широкая концепція римскихъ историческихъ явленій покоится сплошь на насильственномъ толкованіи немногихъ скудныхъ данныхъ источниковъ⁹⁾ и по многихъ существенныхъ пунктахъ противорѣчитъ неподлежащимъ сомнѣнію фактамъ.

Какъ бы ни было велико значеніе понтификовъ для древнѣйшаго римскаго права, но сказать, что понтифики вплоть до *lex Aebutia* являлись настоящими судебными магистратами, такими же, какими были впоследствии преторы, едва-ли возможно. Утверждать, даже, что понтифики отстраняли въ этой функціи даже консуловъ (до учрежденія претуры), также будетъ совершенно ошибочно уже въ виду того, что даже впоследствии консуламъ принадлежала т. н. *iurisdictio voluntaria*, которая съ точки зрѣнія Puntchart'a въ ихъ рукахъ была бы совершенно необъяснима. Затѣмъ, приписывать закону Эбуція начало преторскаго права также невозможно, ибо несомнѣнно, что до этого закона, еще въ эпоху *legis actiones* возникли нѣкоторые виды преторскаго воздѣйствія—напр. интердикты. Наконецъ, и самая *potestas legum interpretandarum*, которую какъ-то особенно хочетъ

---

⁹⁾ Ср. *Wlassak. Röm. Processgesetze. Bd. I. S. 25—26.*

конструировать Putschart, представляется въ высшей степени неясной. Что собственно должно означать излюбленное авторомъ выражение: царь, преторъ не можетъ измѣнить „den gesetzlichen Bestand einer grundgesetzlichen Bestimmung“? Также совершенно туманна характеристика преторскаго эдикта, какъ чего-то среднего „zwischen der gewöhnlichen Verordnung und dem Volksgesetz“. Правда, въ видѣ поясненія Putschart указываетъ на тѣ распоряженія, которыя допускаются въ настоящее время въ конституціонныхъ государствахъ въ періодъ между сессіями палатъ; но самъ же онъ затѣмъ прибавляетъ, что между этими пропорционными распоряженіями и эдиктами римскихъ преторовъ есть громадная разница: распоряженія эти не могутъ идти вопреки закону, не могутъ его исправлять и реформировать, между тѣмъ какъ преторскій эдиктъ дѣлалъ и то и другое, силою и ридомъ измѣнилъ именно „den gesetzlichen Bestand einer grundgesetzlichen Bestimmung“. А вѣдь именно эта роль преторскихъ эдикторовъ и нуждалась въ объясненіи, и едва-ли ее какимъ бы то ни было образомъ можно вывести изъ *potestas legum interpretandarum*.

Желаніе найти какое нибудь государственно-правовое основаніе для широкой и реформаторской дѣятельности претора въ области гражданскаго права вызвало еще одну попытку освѣтить ходъ римскаго праворазвитія иначе, чѣмъ то дѣлаетъ господствующее ученіе—попытку *Schultze* въ его извѣстномъ сочиненіи „*Privatrecht und Process in ihrer Wechselbeziehung*“ (1883). Намъ придется во многихъ мѣстахъ нашего труда касаться этого интереснаго сочиненія; въ виду этого мы ограничимся здѣсь лишь самымъ общимъ изложеніемъ его воззрѣній на нашъ ближайшій, здѣсь обозначенный вопросъ.

Согласно господствующему ученію, говоритъ *Schultze* (стр. 375), въ эпоху формулярнаго процесса старое *jus civile* продолжало сохранять свое значеніе положительнаго, формально-дѣйствующаго права: оно по прежнему имѣло силу надъ сторонами, судьями и преторами. И только ридомъ съ этимъ *jus civile* существуетъ право претора—при *примѣненіи* этого *jus*—предпринимать тѣ или другія модификаціи его. Для позднѣйшаго времени, когда уже накопилось извѣстное количество этихъ модификацій, говорятъ о т. н. двойственности права („*Duplicität des Rechts*“), причемъ понижаютъ подъ этимъ терминсомъ параллельное существованіе двухъ формально-дѣйствительныхъ правовыхъ системъ. *Jus civile* считается при этомъ правомъ въ собственномъ смыслѣ, правомъ т. е. полносильнымъ („*vollkräftiges Recht*“),

правомъ „an sich“; право же преторское представляется правомъ чрезвычайнымъ, неполноценнымъ, т. е. правомъ второго ранга и низшаго сорта (стр. 376).

Такое неподлежащее представлению; но, говорить Schultze (стр. 381), оно уже логически несостоятельно. Оно допускаетъ существованіе рядомъ двухъ матеріально противорѣчащихъ другъ другу, но формально одинаково дѣйствительныхъ правовыхъ системъ. Такое сосуществованіе однако такъ же немислимо, какъ немислимо одновременное дѣйствіе двухъ другъ другу противорѣчащихъ нормъ. „Es ist durchaus unmöglich, dass zwei sich direkt widerstreitende Sätze gleichzeitig und in demselben Gebiet geltendes Recht sind“.

Въ дѣйствительности же, по мнѣнію Schultze, дѣло обстояло совершенно иначе. Когда закономъ Эбуція было введено формулярный процессъ, то, конечно, собственно имѣлось въ виду предоставить преторамъ только толкованіе, interpretatio дѣйствующаго гражданского права съ тѣмъ, чтобы они могли въ своемъ риторическомъ приговорѣ (а таковымъ, по мнѣнію Schultze, является formula) лучше и легче сообразоваться съ условіями конкретнаго случая. Однако это право на interpretatio заключало въ себя уже зародыши права на модификацію, и амьсти съ тѣмъ и на несоблюденіе leges. Права измѣнять законы, т. е. замѣнять ихъ новыми преторы никогда не имѣли, но они имѣли право не соблюдать ихъ, т. е. могъ путемъ своихъ конкретныхъ приказаній для каждаго индивидуальнаго случая установить иное право, чѣмъ то, которое устанавливали leges. Съ полнотеніемъ такого полномочія въ рукахъ претора, само собою разумѣется, формальная, юридическая обязательность старыхъ leges, какъ таковыхъ, была отмѣнена. Предоставленіе претору подобной право-производящей власти само собою обозначаетъ принципиальную отмѣну стараго ius civile, какъ формально обязательнаго права, и принципиальную замѣну его конкретными, для каждаго отдѣльнаго случая издаваемыми приказаніями и рѣшеніями магистрата. Jus civile, т. обр., не было отмѣнено путемъ замѣны его какими либо новыми общими нормами: оно было лишено силы тѣмъ новымъ государственно-правовымъ принципомъ, въ силу котораго претору предоставлялось рѣшать каждый разъ дѣло такъ, какъ ему покажется наиболее целесообразнымъ по условіямъ конкретныхъ отношеній (стр. 383).

Вслѣдствіе этого послѣ закона Эбуція, въ эпоху формулярнаго процесса мы имѣемъ не дѣлъ, а только одну формально дѣйствующую

правовую систему—именно систему конкретных, указанных для каждого случая — путем декрета или путем формулы — нормъ (стр. 384).

Старое *jus civile*, потерявъ свое значеніе формально дѣйствительнаго права, превратилось теперь въ простое *юридическое содержаніе* („*Rechtsinhalt*“); оно не имѣетъ теперь никакой власти надъ преторомъ; напротивъ, преторъ имѣетъ полную власть надъ нимъ. Преторъ можетъ для того или другого частнаго случая установить норму, соответствующую старому гражданскому праву („*den Inhalt des jus civile als Recht gebieten*“), но онъ можетъ рѣшить дѣло и совершенно по-своему. Въ первомъ случаѣ онъ просто воспользуется формулой *in jus civile concepta*. Чистая *formula in jus civile concepta* есть не что иное, какъ преторскій приказъ („*Rechtsgebot*“), которымъ преторъ для данного конкретнаго случая признаетъ и санкционируетъ, какъ частную норму, *содержаніе* стараго *jus civile* (стр. 385). Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ такимъ путемъ содержаніе гражданского права получаетъ силу и примѣненіе, оно примѣняется не потому, что оно—*jus civile*, а потому, что преторъ усвоилъ его себѣ; не потому, что оно само по себѣ обязательно для притора или для судьи, а потому, что преторъ установилъ его для данного конкретнаго случая (стр. 387). *Jus civile* или *ipsum jus* является, поэтому, только *логической*, или, лучше сказать, *исторической категоріей*, употребляемой лишь съ той цѣлью, чтобы опредѣлить содержаніе того, что когда-то было правомъ, но теперь уже не есть право. Пресловутая „двойственность права“ даже въ самую цвѣтущую эпоху формулярнаго процесса на самомъ дѣлѣ представляетъ не двойственность *права*, а лишь возможное логическое и историческое различіе въ *содержаніи* права (стр. 388).

Lex Aebutia заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, не только реформу процессуальнаго характера. Этотъ законъ знаменуетъ собою глубокій поворотный пунктъ въ состояніи самаго римскаго гражданского права. Формулярный процессъ, говоритъ *Schultze* (стр. 410—411), въ своей основной формѣ обусловленъ тѣмъ, что въ его эпоху не существуетъ никакихъ общихъ граждански-правовыхъ нормъ. Ни содержаніе адикта, ни содержаніе стараго *jus civile* не связываютъ претора въ его юрисдикціи. Преторъ черпаетъ право для каждого конкретнаго случая прежде всего изъ своего собственнаго правосознанія... Формулярный процессъ является, поэтому, не процес-

совъ *примненія* права, а процессомъ *созданія* права—, ist ein Verfahren nicht sowohl lediglich der *Rechtsanwendung*, als vielmehr ein Verfahren der *Rechtsschöpfung*, der *Rechtsproduction*".

Съ теченіемъ времени, однако, этотъ порядокъ оказывается несоотвѣствующимъ измѣнившимся условіемъ государственной жизни Рима, и окрѣпнувшая императорская власть водворяетъ въ Римѣ снова господство закона, господство общахъ, абстрактныхъ нормъ (стр. 373). Это было сдѣлано именно Адрианомъ въ его т. н. *edictum perpetuum*. Адриановская редакція эдикта представляетъ въ этомъ отношеніи актъ громаднаго государственнаго значенія,—значенія, котораго совершенно не подмѣтила господствующая теорія.

Какъ видно изъ изложеннаго, теорія Schultze имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ теоріей Puntschart'a. Какъ и этотъ послѣдній, Schultze связываетъ возникновеніе преторскаго права съ толкованіемъ и примѣненіемъ *jus civile*, съ его *interpretatio* (ср. цитату стр. 383); разница между ними только та, что, по мнѣнію Puntschart'a, подобная широкая *interpretatio* являлась исконнымъ государственно-правовымъ учрежденіемъ Рима, межъ тѣмъ какъ по мнѣнію Schultze, она вошла въ рукахъ преторовъ чѣмъ то новымъ, нѣкоторымъ самостоятельнымъ созданіемъ *lex Aebutia*. Но, какъ и у Puntschart'a, связь *реформирующую* преторскаго права съ *interpretatio* у Schultze плохо обоснована и объяснена. „Diese Befugniss der *interpretatio*, говоритъ только Schultze, trug den Keim in sich zur Befugniss der *Modification* und damit der *Nichtbeobachtung* der *leges*". Какимъ образомъ *interpretatio* закона можетъ дать легальное основаніе для его *ex-interpretatio*, для его непримѣненія, для рѣшенія прямо противоположнаго,—это, конечно, совершенно непонятно.

Точно также, даже, и противъ Schultze можно возразить то же, что мы сказали ранее противъ Puntschart'a: приписывать начало преторскаго права въ какомъ бы то ни было смыслѣ закону Эбуція невозможно, ибо вліяніе преторовъ въ области гражданскаго права гораздо старѣе этого закона и формулярнаго процесса.

Наконецъ, совершенно невозможно согласиться съ Schultze въ томъ, что въ эпоху формулярнаго процесса старое *jus civile* перестало быть положительнымъ, формально дѣйствующимъ правомъ, что оно превратилось въ простое историческое воспоминаніе, въ простую логическую категорію. То толкованіе, которое даетъ Schultze гражданскимъ нормамъ и гражданскимъ институтамъ въ эту эпоху, едва ли мо-

жесть быть признано соответствующимъ ихъ дѣйствительному значенію. Если бы идея Schultze была вѣрна, то мы не имѣли бы въ эпоху формулярнаго процесса примѣровъ возникновенія новыхъ гражданскихъ исковъ. А мы имѣемъ такихъ примѣровъ множество: таковы всѣ *actiones civiles bonae fidei*, являющіяся, какъ извѣстно, непосредственными продуктами развивающагося безъ формальнаго участія претора обычнаго права. Сказать, что и здѣсь „*ipso jure*“ значить лишь „nach den Grundsätzen des früheren, jetzt nicht mehr verbindlichen jus civile“ dari oportet, будетъ, конечно, совершенно невѣрно по той простой причинѣ, что старому *jus civile* всѣ эти иски (*actiones empti-venditi, commodati etc.*) были вовсе неизвѣстны.

Мы останавливаемся только на этихъ крупнѣйшихъ возраженіяхъ, которыя можно сдѣлать теоріи Schultze; уже ихъ достаточно, чтобы признать и эту теорію несостоятельной. И дѣйствительно, и она не нашла себѣ поддержки въ литературѣ, хотя среди массы невѣрныхъ и произвольныхъ выводовъ у Schultze встрѣчается не мало очень тонкихъ и дѣльных замѣчаній, въ справедливости которыхъ мы убѣдимся ниже.

Какъ мы указали выше, всѣ падѣнные попытки вытекали изъ чувства недостаточности господствующаго ученія по вопросу о томъ, вліялъ-ли преторъ на *jus civile* потому, что онъ имѣлъ на это фактическую возможность, или же потому, что онъ имѣлъ на это право. Всѣ эти теоріи въ противоположность господствующему ученію старались найти для широкаго вліянія преторовъ какое-нибудь государственное-правовое основаніе, представить преторскія модификаціи и реформы въ области гражданского права не какъ хроническое терпимое правонарушеніе, а какъ нѣчто конституціонно-правомѣрное. Всѣ эти попытки оказались несостоятельными, но самое чувство, вызвавшее ихъ—чувство неудовлетворенности общепринятыми ученіями на этотъ счетъ—слѣдуетъ признать вполне законнымъ.

Какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе такой важный для всей исторіи римскаго права вопросъ—попросъ объ отношеніи магистрата къ закону, о возникновеніи преторскаго права,—если не считать указанныхъ попытокъ Puntschart'a и Schultze, никогда не былъ предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія¹⁰⁾. Вслѣдствіе этого вообще мно-

---

¹⁰⁾ Ср. *Wlassak, Röm. Prozessgesetze*. Bd. I. Стр. 1: „In der neueren Literatur ist die aufgeworfene Frage (das Verhältniss der römischen Gerichtsobrigkeit zur

гие вопросы, напр. вопросъ объ отношеніи между *jus civile* и *jus honorarium*, о юридической природѣ преторскаго адикта и т. д., лишены надлежащей юридически-научной ясности. Въ общихъ курсахъ по поводу этихъ вопросовъ ограничиваются обыкновенно общими стереотипными фразами, далекими отъ того, чтобы дать чувство научной удовлетворенности. И я думаю, что каждый, кто нѣсколько внимательно вдумается въ общепринятая теоріи по этому предмету, съ полнымъ чувствомъ поднимается подъ слѣдующимъ выразителемъ замѣчаніемъ Schultze: „Die Rechtswissenschaft kann sich mit einem solchen „gewissermassen“ und „beinahe“, mit einer „Quasilegislation“ (des Prätor) и s. w. nicht zufrieden geben; vielmehr hat dieselbe auch hier ihr Bestreben auf durchaus scharfe Begriffe zu richten“ (I. cit. стр. 362—363).

Желаніе избавиться отъ всѣхъ этихъ „приблизительно“, „почти“ и „quasi“, которыми дѣйствительно изобилуетъ господствующее ученіе, желаніе поставить вопросъ на точную научно-юридическую почву, побуждаетъ и насъ взяться за посильный пересмотръ всѣхъ соприкасающихся съ этимъ вопросомъ явленій. Но естественная связь этихъ явленій другъ съ другомъ заставляетъ насъ начать свою работу со временъ очень далекихъ и потому очень темныхъ. Желая найти государственно-правовое основаніе для дѣятельности преторовъ въ области права, Huschke, Puntschart и Schultze обращали свое вниманіе на законъ Эбуціа, о которомъ мы имѣемъ очень скудные свѣдѣнія и который допускаетъ, поэтому, относительно себя невозможныя гаданія. Но иліяніе преторовъ, безъ сомнѣнія, старѣе этого закона; первый реформы преторовъ (а, можетъ быть, еще ихъ предшественниковъ—консуловъ), проведенныя въ формѣ интердиктовъ и нѣкоторыхъ другихъ средствъ, восходятъ еще къ эпохѣ полнаго господства процесса *per legis actiones*. Если предположить, что преторы для своихъ воздѣйствій въ области граждански-правовыхъ отношеній имѣли какое-нибудь государственно-правовое основаніе, то очевидно, что это основаніе надо искать за закономъ Эбуціа. Необходимо, слѣдовательно, взять эту болѣе раннюю эпоху и попытаться опредѣлить участіе претора въ процессѣ *per legis actiones*, т. е. выяснить, въ чемъ состояло это участіе и какими причинами оно вызывалось.

---

lex) in ihrem ganzen Umfang nirgends einer besonderen und genaueren Betrachtung unterzogen“.

Глава I.

Роль магистрата въ древне-римскомъ цивильномъ процесѣ.

---

§ 1.

Характерныя особенности древне-римскаго процесса и попытки ихъ объясненія.

Дѣленіе римскаго процесса на двѣ стадіи—*jus* и *judicium*—центральный пунктъ всѣхъ характерныхъ особенностей этого процесса. Вопросъ объ этомъ дѣленіи въ литературѣ. Теоріи догматическія. Теорія конституціонная. Общія ученія о *legis actiones* Теринга, Бернгёфта, Шульце и Г. Крпфера.

Исторія римскаго процесса позже другихъ областей римскаго права сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія. Такое научное изслѣдованіе стало возможнымъ только съ открытіемъ Институцій Гая; только съ этого момента во многихъ отношеніяхъ сдѣлались понятными различные намеки и въ другихъ источникахъ. Прошло уже около столѣтій съ этого времени, а научное изслѣдованіе въ этой области далеко не дало еще тѣхъ результатовъ, какихъ можно было желать и ожидать. Кажется, что изъ всѣхъ скудныхъ данныхъ источниковъ выжато уже все, что только они могли дать. Всѣ сколько нибудь существенныя и характерныя черты древне-римскаго процесса отмѣчены и всѣ онѣ были подвергнуты болѣе или менѣе тщательному изученію; научныя атаки, такъ сказать, была уже направлена противъ всѣхъ отдѣльныхъ пунктовъ. Много, конечно, позицій заняла наука въ этой борьбѣ, много безспорныхъ приобрѣтеній сдѣлала она,—но многое остается еще нерѣшеннымъ. Съ особеннымъ трудолюбіемъ

разрабатывались различныя *детали* этого древняго процесса. Выводы, сдѣланные каждымъ изслѣдователемъ изъ своихъ ограниченныхъ предѣлахъ, казались сами по себѣ очень вѣскими и вѣроятными, но какъ только возникала мысль о согласованіи всѣхъ подобныхъ выводовъ между собой, о взаимномъ реально-историческомъ соотношеніи этихъ деталей,—то тотчасъ же обнаруживались трудно устранимыя противорѣчія, и все снова оказывалось сомнительнымъ. Съ теченіемъ времени дѣлалось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что всѣ эти детали могутъ быть объяснены только всѣ вмѣстѣ, только тогда, когда мы установимъ ихъ общую гармоническую связь между собой, когда мы поймемъ общій характеръ и общій духъ древняго процесса. Другими словами, послѣ изслѣдованія, по преимуществу аналитическаго, пришлось время для изслѣдованія по преимуществу синтетическаго, для общаго пересмотра всего добытаго до сихъ поръ. Потребность въ подобной общей „ревізій“ высказывается въ настоящее время все чаще и чаще ¹⁾).

Цѣлый рядъ специфическихъ особенностей характеризуетъ древне-римскій процессъ, особенностей, которыя, съ точки зрѣнія нашихъ понятій о судѣ и процессѣ, представляются совершенно необъяснимыми. Принципиальная невозможность нормальнаго процесса безъ личнаго и активнаго участія *обоихъ* сторонъ, загадочная природа *litis-contestatio*, полная обособленность исполненія приговоровъ (*sententia*) отъ предшествовавшаго имъ производства и т. д. и т. д.,—все это черты, которыя придаютъ древне-римскому процессу какой-то совершенно странный характеръ и которыя нуждаются въ такомъ или иномъ объясненіи.

Первымъ узломъ и центральнымъ пунктомъ всѣхъ этихъ особенностей является, однако, *дѣленіе римскаго ordinariaго процесса на два стадіи—jus и iudicium*. Невольно чувствуется, что именно здѣсь заключена разгадка всей сущности этого процесса, ключъ, безъ котораго мы не будемъ въ состояніи разбираться въ цѣлой сѣти другихъ указанныхъ выше загадокъ ²⁾).

---

¹⁾ Ср. напр. *Girard*. Manuel élémentaire de droit romain (2-me ed. 1898) p. 943 note: „La matière est une de celles, qui demanderaient le plus une revision d'ensemble“.—*H. Krüger*. Geschichte der Capitis deminutio (1897); первый томъ итѣре подзаглавіе: „Zugleich eine Neubearbeitung des Legisactionenrechts“.

²⁾ Ср. напр. *Bilow*. Die Lehre von den Processeinreden (1963). S. 235: „Für das Verständniss des römischen Processsystems ist keine Frage von gleicher Wich-

Не удивительно поэтому, что изъ всѣхъ особенностей древне-римскаго процесса эта послѣдняя особенность—т. е. его раздвоеніе—возбуждала въ литературѣ наибольшее къ себѣ вниманіе. И несмотря на это, она до сихъ поръ не нашла себѣ полного и удовлетворительнаго объясненія.

Дѣленіе римскаго процесса на двѣ стадіи—*jus* и *judicium*—является вопросомъ въ двойномъ отношеніи. Во-первыхъ: есть ли это дѣленіе исконное явленіе римскаго процесса, явленіе, возникновеніе котораго теряется въ глубинѣ доисторическаго періода, или же, напротивъ, это есть позднѣйшее установленіе Рима, начало котораго мы можемъ указать, хотя бы и безъ особенной хронологической точности? Во-вторыхъ: въ чемъ заключается смыслъ этого дѣленія, какое оно имѣетъ значеніе матеріальное и процессуальное? Попятно, что оба эти вопроса тѣсно связаны между собой: такое или иное рѣшеніе одного изъ нихъ не можетъ оставаться безъ вліянія и на другой.

Что касается перваго вопроса, т. е. *времени возникновенія этого дѣленія*, то, ввиду скудости и сомнительности источниковъ на этотъ счетъ³⁾, мнѣнія ученыхъ расходятся: одни⁴⁾ склонны считать его

---

kelt, wie die, welchen Grund und welche Bedeutung die Gliederung des Verfahrens in die beiden Stadien in *jura* und in *judicio* hatte".—Также *Schultze*. *Privatrecht und Process in ihrer Wechselbeziehung* (1833). S. 229: „Dass in einer richtigen Auffassung des Verhältnisses dieser beiden Processabschnitte zu einander die Vorbedingung eines Verständnisses des römischen Processes überhaupt liegt, ist stets anerkannt, und daher gerade über diesen Punkt eine unermessliche Literatur vorhanden. Da jede einzelne Specialfrage aus dem römischen Processrecht muss mit Nothwendigkeit in diesem Verhältniss von *jus* und *judicium* gipfeln und kann nur darin ihre Lösung finden“.

3) Наибольшую роль среди нихъ играютъ: *Cicero de republ.* V. 2: „nec vero quisquam privatus erat disceptator aut arbiter litis, sed omnia conficiebatur *judicii regis*“.—*Dionys.* II. 25: „... Τῶν γὰρ πρὸ αὐτοῦ (Serv. Tull.) βασιλέων ἀπάσαις ἀκρίωντων ἐν αὐτοῖς ἵσταν τὰς δίκας, καὶ πάντα τὰ ἐγκλήματα τὰ ἐς ἴδια καὶ τὰ κοινὰ πρὸς τὸν αὐτῶν τρόπον διακρίνοντων, ἐκεῖνος διελὼν ἀπὸ τῶν ἰδιωτικῶν τὰ δημόσια, τῶν μὲν εἰς τὸ κοινὸν φερόντων ἀδικημάτων αὐτὸς ἐπινοεῖτο τὰς διαγνώσεις, τῶν δὲ ἰδιωτικῶν διαβὰν εἶναι δικαστὰς, ὅρους αὐτοῖς καὶ κτῆνες τίετο. εὖς αὐτὸς ἐγράφε νόμους“.

4) Ср. напр. *Puchta*. *Cursus der Institutionen*. § 150: „In dieser Theilung der richterlichen Functionen zwischen Magistratus und *judex* besteht der *ordo judiciorum privatorum*, die regelmässige Ordnung des Verfahrens, die ihrer Grundlage nach ohne Zweifel schon in ältester Zeit bestanden hat“. Ср. тамъ же прим. а.—*Keller*. *Der*

ископнымъ принципомъ римскаго процесса: другіе, напротивъ, полагаютъ, что въ древнѣйшее время царь рѣшалъ дѣло самъ отъ начала до конца и что данное дѣленіе процесса есть продуктъ позднѣйшаго историческаго развитія, вѣроятно учрежденіе Сергія Туллія или начинающейся республики ⁵⁾).

Еще болѣе разногласій возбуждаетъ второй вопросъ: *какой смыслъ имѣло это дѣленіе въ общемъ ходѣ производства?*

Очень многіе изъ современныхъ изслѣдователей ограничиваются только тѣмъ, что такъ или иначе по своему разумѣнію опредѣляютъ задачу той и другой стадіи въ судебномъ разслѣдованіи спора, слѣдовательно остаются, такъ сказать, только на *догматической точкѣ зрѣнія процессуальнаго распределенія матеріи* („*Stoffvertheilung*“). Всѣ авторы данной категоріи отводятъ магистрату—органу суда *in iure*—только такую или иную предварительную, формальную или формализирующую роль, хотя въ ближайшемъ опредѣленіи этой роли можно замѣтить различныя отбѣнкія. Цѣлью всего производства *in iure* и слѣд. участія магистрата въ процессѣ выставляются: одинъ—„*Einleitung und concrete Anordnung des Processes*“ (Keller ⁶⁾), другіе—„*Eröffnung und Instruction des Rechtsstreites*“ (Bethmann-Hollweg ⁷⁾), третьи—„*Feststellung der streitigen Punkte, die processuale Gestaltung der beiderseitigen Ansprüche*“ (Puchta ⁸⁾), четвертые—„*Solemnisierung des Processes*“ (Kuntze ⁹⁾). Bekker ¹⁰⁾ думаетъ опредѣлить дѣленіе процесса на *jus* и *judicium* устанавливаемымъ имъ различіемъ между

---

römische Civilprocess. 6-te Aufl. S. 3: „... erscheint es als uralte Einrichtung“.—(1) другихъ будетъ сказано ниже.

⁵⁾ Haupt. Waller. Geschichte des röm. Rechts. § 692: „Ausdrücklich bezeugt wird aber, dass der König alles selbst abmachte und nicht einem Privatreichter die Entscheidung überwies. Eine Aenderung machte jedoch Servius Tullius, welcher für Privatrechtshändel ein besonderes Gericht einsetzte.—Bethmann-Hollweg. Der röm. Civilprocess. § 22—23, оcoб. S. 56: „... als erster Begründer wird... Servius Tullius genannt“.—Schmidt Ueber die legis actio per iudicis postulationem въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Bd. II (1881) S. 155 и сл.—A. Pernice въ томъ же журналѣ Bd. V (1884) Parerga II. Beziehungen des öffentlichen röm. Rechts zum Privatrechte. S. 38, 51 (дѣленіе на *jus* и *judicium* есть учрежденіе республиканское).

⁶⁾ Der römische Civilprocess. S. 3.

⁷⁾ Der römische Civilprocess. Bd. II. S. 203.

⁸⁾ Cursus der Institutionen § 150.

⁹⁾ Cursus des röm. Rechts. 2-te Aufl. § 93 и сл.

¹⁰⁾ Aktionen. Bd. I. S. 11 и сл.

actio и Anspruch: *Bülow* ¹¹⁾ полагаетъ, что изъ первой стадіи разрѣшается лишь вопросъ о формальныхъ предположеніяхъ процесса (*Processvoraussetzungen*), межъ тѣмъ какъ разборъ матеріальныхъ отношеній подлежитъ производству *in iudicio* и т. д. и т. д.

Однако, какъ бы мы ни опредѣляли процессуальное значеніе производства *in iure* въ общемъ ходѣ процесса, мы ни изъ какомъ случаѣ не можемъ допустить, чтобы это „распредѣленіе матеріи“ вызвало и самое раздѣленіе процесса на двѣ стадіи. Подобное распредѣленіе процессуальныхъ вопросовъ могло возникнуть *уже на почвѣ существующаго дѣленія процесса*, а не наоборотъ. Къ какому бы времени мы ни отнесли возникновеніе этого дѣленія—къ періоду до-историческому, къ эпохѣ С. Туллія или къ началу республики,—во всякомъ случаѣ мы будемъ имѣть передъ собой столь далекое время, когда о такихъ тонкихъ юридическихъ понятіяхъ, какъ понятіе о формальныхъ и матеріальныхъ предположеніяхъ процесса и т. п.,—и рѣчи не могло быть.

Это дѣйствительно сознаютъ даже нѣкоторые изъ только что перечисленныхъ авторовъ и пытаются дать другое—болѣе историческое—объясненіе интересующему насъ явленію. Наиболѣе распространеннымъ является при этомъ мнѣніе, что дѣленіе процесса на *jus* и *iudicium* вызвано было отчасти стремленіемъ облегчить магистратовъ, главнымъ же образомъ, такъ сказать, *конституціонной тенденціей* (по преимуществу плебейскъ) *облегчить спорящихъ отъ произвола магистратовъ и создать извѣстную гарантію непристрастности приговоровъ* ¹²⁾.

Эта мысль кажется уже гораздо болѣе вѣроятной, но и она едва ли можетъ быть признана при ближайшемъ разсмотрѣніи состоятельной.

Что касается, прежде всего, желанія облегчить магистрата отъ неизбежнаго съ увеличеніемъ населенія обремененія дѣлами, то такое

---

¹¹⁾ Die Lehre von den Processvoraussetzungen. S. 289 и сл.

¹²⁾ Ср. *Puchta* I. cit. § 150.—*Walter* I. cit. § 692 („Diese Einrichtung diente ebenso sehr zur Erleichterung der Magistrate, als den Parteien zur Bürgschaft einer unparteiischen Untersuchung“).—*B.-Holtweg* I. cit. § 22—23.—*Виллемсъ*. Римское государственное право. Пер. подъ ред. Бодянского. Кіевъ. 1888. Стр. 372.—*Huschke*, Die Multa. S. 101 („... das volksfreundliche Princip des S. Tullius, dass Jurisdiction und Iudication unter verschiedene Behörden vertheilt sein müsse“).—*Girard*. Manuel p. 20 ср. p. 953.—*A. Perrier*. Zeitschr. d. Sav.-St. Bd. V. S. 38.

облегчение прощ и естественнѣе достигалось бы увеличеніемъ количества надлежащихъ магистратуръ; нигдѣ въ другихъ мѣстахъ мы не видимъ, чтобы подобная потребность приводила къ такому крайне искусственному дѣленію процесса.

Но точно такъ же очень сомнительно, чтобы это дѣленіе возникло изъ конституціонныхъ стремленій.

Если даже мы согласимся съ тѣми изъ авторовъ, которые относятъ происхождение нашего дѣленія къ эпохѣ Сервія Туллія, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ принять, что *legis actio* съ такимъ характеромъ существовала уже въ эпоху царей. Если, такимъ образомъ, уже царь сталъ передавать разборъ дѣла и постановленіе приговора какому нибудь другому лицу или учрежденію, то, конечно, онъ дѣлалъ это не съ цѣлью ограничить самого себя. Если даже въ силу обычая или общественнаго мнѣнія царь и былъ обязанъ передавать рѣшеніе *in iudicium*, то опять таки мотивомъ подобнаго общественнаго мнѣнія едва ли могло быть стремленіе оградить гражданъ отъ произвола царя: если бы такое стремленіе действительно существовало, оно направилось бы прежде всего на другія, болѣе чувствительныя, сферы — политическую, административную, уголовную. Гражданская юрисдикція во всѣхъ конституціонныхъ движеніяхъ выступаетъ на сцену гораздо позже этихъ послѣднихъ. Было бы поэтому очень странно, если бы конституціонное ограниченіе царской власти прежде всего коснулось гражданскихъ дѣлъ, межъ тѣмъ какъ напр. въ уголовныхъ дѣлахъ до самаго конца царскаго періода *provocatio ad populum* была, какъ извѣстно, для царя не обязательна ¹³⁾.

Конечно, римскія преданія объ эпохѣ, предшествовавшей установленію республики, во многихъ отношеніяхъ сомнительны, и, можетъ быть, многія реформы, приписываемыя С. Туллію, относятся къ дѣйствительности къ моменту народженія республики, а въ томъ числѣ и реформа гражданского процесса. При такомъ взглядѣ на эту темную эпоху римской исторіи конституціонныя гарантіи — политическая, уголовная и гражданская — относились бы къ одному и тому же моменту, паходились бы другъ съ другомъ въ органической связи, и недоумѣніе, только что нами высказанное, при такихъ условіяхъ не имѣло бы мѣста. Такого именно воззрѣнія придерживается напр.

---

¹³⁾ Ср. *Mommsen. Römisches Staatsrecht. Bd. II. S. 9.*

A. Pernice, который считает дѣленіе процесса на двѣ стадіи съ передачей рѣшенія по существу частному судѣ основнымъ учрежденіемъ республики и соconstавляютъ его съ *provocatio ad populum* по дѣламъ уголовнымъ ¹⁴⁾.

Однако и въ такой постановкѣ съ конституціонной гипотезой едва ли можно согласиться.

Если дѣленіе гражданскаго процесса на *jus* и *judicium* одного происхожденія и одного назначенія съ уголовной *provocatio ad populum*,—тогда совершенно непонятна несомнѣнная существенная разница между ними. Въ уголовныхъ дѣлахъ вслѣдствіе допущенія апелляціи къ народному собранію *откуда не возникло никакой раздвоенія процесса*; магистратъ по прежнему рѣшалъ дѣло самъ и постановлялъ свой приговоръ, и если дѣло вслѣдствіе *provocatio* переходило къ народному собранію, то процессъ передъ комиціями также былъ процессомъ полнымъ, процессомъ отъ начала до конца. Ничего аналогичнаго *jus* и *judicium* мы ни тамъ, ни здѣсь не находимъ. Откуда взялось подобное дѣленіе гражданскаго процесса, это остается необъяснимымъ, и съ точки зрѣнія даже этой модифицированной конституціонной гипотезы оно является тѣмъ то крайне страннымъ и неестественнымъ. Если желательно было гарантировать справедливость и безпристрастность приговоровъ по гражданскимъ дѣламъ, то проще всего этого можно было, конечно, достигнуть или установленіемъ апелляціи (подобно уголовной *provocatio*) или же передачей гражданской юрисдикціи въ другія, болѣе надежныя руки. Остатки нѣкоторой формальной части процесса въ рукахъ магистрата кажется, съ этой точки зрѣнія совершенно ненужнымъ.

Но еще болѣе противъ этой теоріи говорить другія особенности древне-римскаго легисакціоннаго процесса, особенности, вса совокупность которыхъ немольно наталкиваетъ на мысль, что всѣ онѣ, а въ томъ числѣ и наше дѣленіе процесса, имѣютъ какой то иной смыслъ и какое то иное происхожденіе. И въ литературѣ минувшаго столѣтія не было недостатка въ попыткахъ раскрыть этотъ общій смыслъ и это общее происхожденіе римскаго процесса *per legis actiones* со

---

¹⁴⁾ Цитированное выше мѣсто (Z. der Sav.-St. Bd. V. S. 33): „Es gehört vielmehr zu den grundgesetzlichen Einrichtungen des republikanischen Staatswesens, dass ein *judex* bestellt wird.“ Прим. 2: „Von hier aus könnte man auch die Zweitheilung des Civilprocesses mit der *provocatio ad populum* zusammenstellen“.

исъями его на нашъ взглядъ странными, но несомнѣнно характерными особенностями. Мы остановимся здѣсь только на тѣхъ изъ этихъ попытокъ, которые были развиты ихъ авторами въ болѣе или менѣе полную систему.

Во главѣ этихъ попытокъ и по исторической послѣдовательности и по авторитетности автора должно быть поставлено ученіе *Ihering'a* въ его „*Geist des römischen Rechts*“ ¹⁵⁾.

Въ ту дальнюю эпоху, когда государству еще не имѣло органовъ для защиты и осуществленія частныхъ правъ, говорить *Ihering*, права защищались и осуществлялись частными средствами самихъ заинтересованныхъ лицъ подъ широкимъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Единственнымъ средствомъ такой защиты было, конечно, самоуправство (*Selbsthilfe*). Ввиду того, что самоуправство въ этомъ случаѣ получало свою санкцію въ общественномъ мнѣніи и въ немъ находило себѣ оправданіе и поддержку, оно безпрепятственно могло быть допущено только тогда, если осуществляемое такимъ путемъ право было для всѣхъ ясно и очевидно. Только тогда, если право одного и не-право другого были несомнѣнны для всѣхъ, могло самоуправство быть увѣрено въ той моральной и физической поддержкѣ, на которой покоилась возможность его успѣха. Тамъ же, гдѣ претензіи имѣли сомнительный характеръ, осуществленіе ея путемъ самоуправства могло повести лишь къ дикой борьбѣ и къ совершенной анархіи. Очевидно, что въ этомъ случаѣ для рѣшенія споровъ нуженъ былъ пѣкоторый иной путь—путь мирнаго улаженія ихъ.

Соотвѣтственно этому построень и древнѣйшій римскій процессъ—*legis actiones*. *Legis actio per manus injectionem* и *per pignoris capionem* являются отраженіемъ древнѣйшаго самоуправства: первая форма представляетъ изъ себя „*Personalexecution*“, вторая— „*Realexecution*“. Однако, и здѣсь необходимъ былъ коррективъ противъ возможнаго неосновательнаго самоуправства надъ личностью или надъ вещью, и этимъ коррективомъ былъ послѣдующій процессъ, которымъ долженъ былъ оправдать себя истецъ на случай, если *vindicta* при *manus injectio* или собственникомъ захваченной вещи при *pignoris capio* будетъ потомъ возбужденъ споръ о правомѣрности захвата. Ради этого-то „оправдательнаго“ процесса (*Justificationsverfahren*) *manus injectio* и *pignoris capio* и причислялись къ *legis actiones*.

¹⁵⁾ Bd I. § 11—12.

Legis actio sacramento представляет собою, напротивъ, путь мирнаго улаженія споровъ. Однако, этотъ путь въ Римѣ имѣетъ своеобразный характеръ. Потребность въ разрѣшеніи споровъ удовлетворялась, говорить Inering, не вездѣ одинаковымъ способомъ. У нѣкихъ народовъ съ этой цѣлью обращались къ божеству, которое изрекало свое рѣшеніе посредствомъ судовъ божіихъ, оракуловъ, жребія и т. п.; у другихъ эту роль исполняли власти. Въ обоихъ случаяхъ, однако, стороны подчиняли себя такой или иной высшей власти. Совершенно другой путь избрали себѣ издревле римскій народъ, и позднѣйшая исторія не могла затемнить основного характера древности. Эта характерная черта римской древности—*рѣшеніе споровъ третейскимъ судомъ*. Въ случаѣ спора лицо, право котораго было нарушено, предлагало своему противнику или передать дѣло на рѣшеніе третейскаго судьи или же подтвердить свою претензію присягой и—значить—закончить дѣло безъ суда.

Институтъ третейскаго суда, такъ же какъ и институтъ внѣ-судебной присяги, дополняли систему самоуправства. Оба средства въ Римѣ были чрезвычайно распространены даже еще въ позднѣйшее время, и оба они повторяются въ торжественныхъ формахъ древнеримскаго процесса. Послѣдній представляется ничѣмъ инымъ, какъ вылившимся въ твердыя формы осадкомъ этого существовавшаго задолго до него договорнаго рѣшенія споровъ. Внѣ-судебная присяга превращается въ судебную, третейскій судья становится судьей оффиціальнымъ, причѣмъ оба института вслѣдствіе этой перемѣны отнюдь не утрачиваютъ своего прежняго характера. Наипъ вышній судья производилъ свою власть отъ государства, а не отъ добровольнаго подчиненія сторонъ; его власть состояла не только въ томъ, чтобы констатировать спорное право, но и въ томъ, чтобы его осуществить. Ничего подобнаго мы не находимъ въ Римѣ: функціи римскаго судьи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ функцій судьи третейскаго.

Но если такъ, то какимъ же образомъ объясняется участіе въ судѣ магистратовъ? На этотъ вопросъ Ineringъ даетъ такой отвѣтъ: Часто много случалось, что стороны обращались съ просьбой о третейскомъ рѣшеніи къ магистрату, извѣстному въ народѣ своею юридическою опытностью и своею справедливостью. Исполненіе такого желанія сторонъ было первоначально для магистрата только дѣломъ его чести, а впоследствии стало его должностною обязанностью. Обремененіе

такого рода порученіями привело магистрата къ тому, что онъ сталъ указывать сторонамъ какое либо другое лицо вмѣсто себя.

Всматриваясь далѣе въ другой мѣстѣ того же сочиненія ¹⁶⁾ въ древнѣйшую природу *legis actio sacramento*, Ihering останавливается на несомнѣнномъ участіи въ этомъ процессѣ понтификовъ. Въ „*sacramentum*“ древнѣйшаго времени Ihering усматриваетъ присягу сторонъ, благодаря которой они могли всегда подчинить споръ духовному суду и т. обр. вызвать юрисдикцію понтификовъ. Во второмъ изданіи своего сочиненія Ihering оставилъ мысль о присягѣ, участіе же понтификовъ въ судѣ сталъ объяснять просто добровольнымъ соглашеніемъ сторонъ о подчиненіи спора третейскому рѣшенію послѣднихъ. Объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже, здѣсь же намъ нужно отмѣтить только то, что, каково бы ни было ближайшее объясненіе Ihering'a, участіе понтификовъ выводится имъ, во всякомъ случаѣ, изъ добровольнаго компромисса сторонъ (простаго или облеченнаго въ двѣ вѣтрѣнныхъ присяги). Стороны по различнымъ причинамъ желали вызвать третейское рѣшеніе понтификовъ и тѣмъ или другимъ способомъ достигали желаемаго.

Тягова въ самыхъ общихъ чертахъ гипотеза Ihering'a о происхожденіи древнеримскаго процесса. Многа она содержитъ несомнѣнно истиннаго, и многое дѣйствительно сдѣлалось нынѣ общимъ достоинствомъ науки—напр., признаніе въ *legis actio per manus injectionem* и *per pignoris capionem* элемента самоуправства, признаніе участія понтификовъ въ *legis actio sacramento* и т. д.—Обо всемъ этомъ намъ придется говорить ниже, и тамъ истинное достоинство ученія Ihering'a выступитъ въ полной мѣрѣ. Здѣсь же мы остановимся только на одномъ пунктѣ: *что даетъ намъ это ученіе для разрѣшенія вопроса о дѣленіи древнеримскаго процесса на *jus* и *judicium*?*

Какъ мы видѣли, Ihering этого вопроса прямо не ставитъ, и потому отвѣтъ, который даетъ на него все его ученіе, полнѣея чрезвычайнѣе неопредѣленнымъ и перѣшительнымъ.

Въ одномъ мѣстѣ Ihering какъ бы подсказываетъ такой отвѣтъ: стороны очень часто обращались съ просьбой о третейскомъ рѣшеніи къ магистрату; обремененіе дѣлами заставляло послѣдняго отсылать ихъ въ какому либо другому лицу; повидимому т. обр. мы должны искать начало нашего дѣленія процесса именно здѣсь. Но, очевидно,

---

¹⁶⁾ Ibid, § 18 a.

съ другой стороны, что этиъ предположеніемъ самое *дѣленіе* процесса еще не объясняется: если обремененіе дѣлами заставляло магистрата отказаться отъ разбора дѣла, то естественнѣе всего, что онъ ограничился бы просто указаніемъ судьи, который и разслѣдовалъ бы потомъ все дѣло отъ начала до конца. Съ другой стороны, участіе магистрата въ процессѣ *in jure* („mittite ambo rem“, *vindicatum datio* и пр.) указываетъ ясно на то, что и эта стадія производствъ имѣла какую-то особую функцію, которую магистратъ или не желалъ или не могъ отключить отъ себя, перебросивъ ее на плечи *judex*'а. Какова эта функція, изъ ученія Ihering'a вывести нельзя¹⁷⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Ihering говоритъ уже о понтификахъ, какъ о третейскихъ судьяхъ по соглашенію сторонъ. Здѣсь опять возникаетъ ридъ недоумѣній. Какъ согласить эту гипотезу съ первой: если въ *legis actio sacramento* судьями являлись понтифики, то гдѣ же оставалось мѣсто магистрату? Могли-ли стороны обращаться или къ тѣмъ или къ другому по своему свободному усмотрѣнію, или же, напротивъ, компетенція обѣихъ властей (если здѣсь вообще можно говорить о компетенціи) была какъ либо разграничена? Наконецъ, и то объясненіе, которое даетъ Ihering участію понтификовъ въ судѣ, не объясняетъ опять-таки самаго раздѣленія процесса на *jus* и *judicium*: разъ стороны желаютъ передать свое дѣло рѣшенію понтификовъ, то нѣское участіе магистрата излишне: понтифики разобрали бы дѣло отъ начала до конца. „Mit dieser Hypothese ins Gericht zu gehen, erscheint überflüssig“, говоритъ совершенно справедливо по поводу этого ученія *Pflüger*¹⁸⁾.

Т. обр. для вопроса о дѣленіи процесса на *jus* и *judicium* ученіе Ihering'a не даетъ ничего и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснилъ многія характерныя особенности древнеримскаго процесса чрезвычайно мѣтко и вѣрно, самую существенную особенность его оставляетъ совершенно

---

¹⁷⁾ Самъ Ihering въ примѣч. 71^a (стр. 169, 2-го изд.) къ сказанному въ текстѣ о третейской роли магистратомъ прибавляетъ: „Für die historische Zeit hebt sich das *imperium* des mit der *jurisdictio* versehenen Königs oder Magistrats zu sehr von der im Text dem Richter zugewiesenen Stellung ab, als dass man den Versuch machen könnte beide auf eine Linie zu stellen. Der Befehl des Prätors im *Vindicationsprocess*: *mittite ambo hominem* zeigt deutlich, dass seine Macht nicht bloss so weit reichte, als die Parteien ihm dieselbe eingeräumt hatten, dass er nicht *unter*, sondern *über* ihnen stand“.

¹⁸⁾ *H. H. Pflüger*. Die *Legis Actio sacramento*. Ein Versuch auf dem Wege der Rechtsvergleichung. 1898. S. 13.

необъясненной. Значительно позже—въ III томѣ того-же „Geist des römischen Rechts“¹⁹⁾ Ihering упоминаетъ, правда, о раздѣленіи на *jus* и *judicium*, но уже въ всякой связи съ изложеннымъ ученіемъ о происхожденіи *legis actiones* и трактуетъ это раздѣленіе, какъ проназваніе римской методы „der stückweisen Erledigung“ процессуальной задачи, причемъ производство *in jure* опредѣляется имъ, какъ „das Stadium der Vorbereitungshandlungen und der Feststellung des Streitpunktes“. Ihering становится т. обр. на догматическую точку зрѣнія „распредѣленія процессуальной матеріи“, но уже выше было замѣчено, что эта точка зрѣнія не можетъ дать намъ отвѣта на вопросъ объ историческомъ происхожденіи нашего лѣнія.

Много общаго съ Iерингомъ въ своихъ исходныхъ идеяхъ обнаруживаетъ *Bernhöft*²⁰⁾, хотя въ концѣ своего ученія этотъ послѣдній авторъ далеко уже расходится съ Iерингомъ.

У римлянъ и германцевъ, говоритъ *Bernhöft*, процессъ выросъ изъ самоуправства, но такими различными путями, что в какой-либо исторической связи между обоими народами не можетъ быть и рѣчи. У римлянъ рядомъ съ самоуправствомъ вторымъ элементомъ, изъ котораго развился процессъ, является третейскій судъ. Многочисленные соображенія должны были заставлять уже древнихъ вѣсто чисто личной силы для возстановленія нарушенныхъ правъ прибѣгать къ разрѣшенію споровъ третейскимъ судомъ. Судьями въ такихъ случаяхъ могли быть всѣ тѣ, кто пользовался довѣріемъ сторонъ; но особенно часто, конечно, избирали такихъ лицъ, которыя или пользовались уваженіемъ вообще или въ частности были извѣстны своими юридическими познаніями. Къ первымъ принадлежатъ царь, ко вторымъ—жрецы. Между тѣмъ какъ въ дѣятельности царя не всегда можно ясно различить, что онъ дѣлаетъ въ силу своей власти и что въ силу соглашенія сторонъ,—въ юрисдикціи жрецовъ третейскій характеръ ся обнаруживается вполне опредѣленно.

Что касается юрисдикціи царя, то *Bernhöft* считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что царь въ древнѣйшее время рѣшалъ все дѣло отъ начала до конца лично и заканчивалъ процессъ своимъ приговоромъ. Остаткомъ этого окончательнаго приговора въ позднѣйшихъ *legis actiones* является, по мнѣнію автора, *vindictiarum datio*. На вопросъ же,

---

¹⁹⁾ § 50 въ концѣ (стр. 26 2-го изд.).

²⁰⁾ Staat und Recht der röm. Königszeit. 1892. S. 226 и сл.

какимъ образомъ произошла эта эволюція римскаго процесса, Bernhöft предлагаетъ слѣдующую гипотезу.

Переходъ дѣла изъ одной стадіи (jns) въ другую (judicium) въ историческое время совершался, какъ извѣстно, посредствомъ пари сторонъ (sacramentum). Это sacramentum, говоритъ Bernhöft, обнаруживаетъ такое рѣшительное сходство съ аттическимъ институтомъ *πρωταρχεία*, что о какомъ-либо случайномъ совпаденіи едва-ли можно думать, тѣмъ болѣе, что древніе писатели очень рѣшительно сообщаютъ о реценціи аттическаго права въ законахъ XII таблицъ. Римское производство *in jure* точно соответствуетъ аттическому предварительному производству передъ магистратомъ (*ἀρχιμαγίστρου*), а производство *in judicio*—процессу передъ аттическимъ народнымъ судомъ. Вслѣдствіе этого сама собою напрашивается мысль о томъ, что римскіе центумвиры скопировали съ греческихъ *γελιαστών*.

Если аттическое производство передъ народнымъ судомъ определяется какъ *ἔφεσις*, т. е. какъ апелляціонное производство по отношенію къ предшествовавшему приговору магистрата, то вѣроятно, думаетъ Bernhöft, что первоначально подобное же значеніе имѣло и въ Римѣ производство *in judicio*. Какъ только подобная апелліація къ центумвирамъ стала явленіемъ общимъ, значеніе *vindictiarum datio* „сморщилось“ (*schrumpfte sich zusammen*) совершенно такъ же, какъ значеніе уголовнаго производства передъ магистратомъ подѣляемъ *provocatio*.

Какъ видимъ, отираемые пункты Bernhöft'a тѣ же, что и у Iеринга: самоуправство, какъ единственная мыслимая для древности форма осуществленія поправныхъ правъ, и третейскій судъ, какъ порективъ и необходимое восполненіе системы самоуправления. Къ сожалѣнію, ученіе Bernhöft'a содержитъ еще болѣе недоговореннаго, чѣмъ даже ученіе Iеринга, вслѣдствіе чего оно на многіе естественно возникающіе вопросы вовсе не даетъ никакого отвѣта.

Bernhöft, напримѣръ, для древнѣйшаго времени допускаетъ, по видимому, юрисдикцію (третейскую) царя или юрисдикцію понтификовъ альтернативно, по выбору сторонъ. Но въ какомъ видѣ мыслима эта юрисдикція понтификовъ? Обыкновенно всѣ тѣ, которые принимаютъ участіе понтификовъ въ древнѣйшемъ процессѣ, думаютъ, какъ и Iерингъ, о *lexis actio sacramento*. Bernhöft, однако, этой формѣ даетъ совершенно другое объясненіе, причемъ въ видѣ органа, разбирающаго дѣла *in judicio*, представляетъ себѣ судъ центумвировъ.

Понтификамъ, слѣдовательно, въ процессѣ мѣста нѣтъ. Bernhöft предполагаетъ, впрочемъ, что центумвиальный судъ сконпроваивъ съ греческаго суда *religastov* и, вѣроятно, около эпохи законовъ XII т.: можетъ быть, т. обр., до этого превращенія органы суда *in judicio* были понтифики? Но тогда они—согласно общему воззрѣнію Bernhöft'a на производство *in judicio*, какъ на производство апелляціонное, оказались бы по отношенію къ царю инстанціей высшей, чего, конечно, самъ Bernhöft не допустить. Если же *legis actio sacramento* вовсе никакого отношенія къ жрецамъ не имѣла, то на чемъ же тогда вообще можетъ опираться гипотеза о юрисдикціи этихъ послѣднихъ?

Далѣе, относительно раздѣленія этого процесса на *jus* и *judicium*, Bernhöft предполагаетъ, что оно подъ вліяніемъ аттическаго образца выросло изъ апелліи на рѣшеніе магистрата къ суду центумвиальному, причемъ произошло нѣчто подобное тому, что совершилось въ уголовномъ процессѣ подъ вліяніемъ института *provocatio*. Оставшая совершенно въ сторонѣ въ высокой степени спорные вопросы о греческомъ вліаніи на законы XII т., о времени появленія въ исторіи центумвиальнаго суда,—мы укажемъ опять-таки на то, что въ уголовномъ процессѣ подъ вліаніемъ *provocatio* все-таки дѣленіе производства на двѣ стадіи не возникло. Почему гражданскій процессъ пошелъ—при предполагаемой одинаковости условій—совершенно иной дорогой,—этого изъ ученія Bernhöft'a никакимъ образомъ усмотрѣть нельзя. Да и вообще проводимые Bernhöft'омъ параллели съ аттическимъ процессомъ имѣютъ въ себѣ чрезвычайно много сомнительнаго.

Понятно, что при такихъ серьезныхъ пробѣлахъ, при цѣломъ лабиринтѣ недоумѣній, которыми оно возбуждается, ученіе Bernhöft'a, поскольку оно отклоняется отъ ученія Леринга, не могло оказать существеннаго вліанія на послѣдующую разработку вопроса. Въ частности, мысль Bernhöft'a о процессѣ *in judicio*, какъ о процессѣ апелляціонномъ, была совершенно оставлена.

Иную общую концепцію древнеримскаго процесса даетъ *Schultze* въ уже цитированномъ раньше сочиненіи „*Privatrecht und Process in ihrer Wechselbeziehung*“, хотя его система въ вѣкоторыхъ пунктахъ также соприкасается съ ученіемъ Леринга.

Schultze начинаетъ свое изслѣдованіе природы римскаго процесса съ процесса формулярнаго. Въ этомъ послѣднемъ, говоритъ онъ, находить и опредѣлять нормы права, которыя должны быть примѣнены къ данному случаю, самъ преторъ. Онъ не провѣряетъ

фактических данныхъ сторонъ, но подъ условіемъ ихъ истинности произносить заранѣе свой условный, *гипотетическій* приговоръ, и этотъ гипотетическій приговоръ есть *формула*. Судья (*judex*), провозгласивъ тѣ данныя, о которыхъ шла рѣчь *in jure*, превратитъ этотъ гипотетическій приговоръ въ положительный—*матическій*. Преторъ могъ, конечно, рѣшить дѣло и лично, своимъ *декретомъ*; но, если онъ этого не сдѣлалъ, если его производство *in jure* заканчивается не декретомъ, а формулой, на основаніи которой будетъ затѣмъ произнесенъ приговоръ *in judicio*,—то во всякомъ случаѣ и здѣсь авторитетная сила приговора (*sententia*) будетъ истекать не отъ судьи, а отъ самого претора. Преторъ придаетъ этому приговору судьи юридическую силу не *a posteriori*, какъ это имѣло мѣсто въ германскомъ процессѣ относительно приговора шёффеновъ, а заранѣе, давая своею формулой судѣи какъ-бы нѣкоторый „*Blankett-Rechtsbefehl*“ ²¹⁾.

Переходи затѣмъ къ системѣ *legis actiones*, Schultze даетъ ей слѣдующее объясненіе. Въ древнѣйшее время римскаго государства единственнымъ и исключительнымъ источникомъ права былъ законъ—*lex*,—который обладалъ и абсолютной силой. Права, вытекающія изъ *lex*, не нуждались уже для своего осуществленія въ какомъ-либо активномъ участіи государственныхъ органовъ, въ дѣятельности суда въ нашемъ смыслѣ: законъ самъ являлся и судьей. Поэтому *legis actio* есть не искъ въ нашемъ значеніи, а *непосредственное осуществленіе закона, непосредственное осуществленіе права самимъ его субъектомъ*. Таковы именно древнѣйшія формы *legis actio*—*manus injectio* и *rigoris curiae*: обѣ представляютъ изъ себя чистый частный актъ, и, если *manus injectio* должна быть повторена передъ магистратомъ, то во всякомъ случаѣ магистратъ фигурируетъ здѣсь не въ качествѣ судьи, а лишь для того, чтобы частному осуществленію права обезпечить легальную силу ²²⁾.

Съ теченіемъ времени, однако, необходимо должны были прійти къ мысли, что и отвѣтчику нужно предостаивть возможность спора,—и это послужило причиной появленія *legis actio per sacramentum*. А съ допущеніемъ спора сама собою естественно возникала необходимость и приговора. Но подобно тому какъ раньше осуществленіе права было дѣломъ его субъекта, такъ и теперь *приговоръ* *прямомъ*

²¹⁾ Стр. 233—236

²²⁾ l. cit. стр. 452 и сл.

Указаннымъ характеромъ древнеримскаго процесса, говорить въ заключение Schultze, объясняется не только раздѣленіе процесса на *jus* и *judicium*, но и всё прочіе непонятныя до сихъ поръ особенности: необходимость воспроизводить въ формулѣ *legis actio* слова самаго закона, консумирующее дѣйствіе *litiscontestatio*, вліяніе *pluspetitio* и т. д. Последнія явленія связываются всегда съ приговоромъ, и потому они будутъ до тѣхъ поръ необъяснимыми, пока мы будемъ смотрѣть на *legis actio*, какъ на простое, хотя бы и торжественное, заявленіе сторонами другъ другу своихъ взаимныхъ претензій²⁷⁾.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что въ изложенномъ ученіи Schultze, которое представляется, т. ск., цѣлою философіей римскаго процесса, многочисленныя особенности этой области, служившія для другихъ теорій камнемъ преткновенія (а въ томъ числѣ и дѣленіе процесса на двѣ стадіи), находятъ себѣ цѣлостное и гармоническое объясненіе. Къ сожалѣнію, однако, вся эта красивая, гармоническая постройка покоится на очень зыбкой почвѣ весьма произвольныхъ общихъ предположеній автора²⁸⁾.

Такъ, во-первыхъ, Schultze отводитъ для древнѣйшаго права слишкомъ большое мѣсто закону—*lex*. Онъ утверждаетъ, напр. (и это является основой всего его ученія о *legis actio*), что „въ древнѣйшее исторически намъ извѣстное время въ Римѣ исключительнымъ и единственнымъ источникомъ всего гражданскаго права былъ законъ, *lex*. О какомъ-нибудь правѣ, которое не было бы ясно и опредѣленно („*ausdrücklich oder wörtlich*“) установлено въ законѣ, не могло быть и рѣчи“²⁹⁾. Думаемъ, что нѣтъ необходимости доказывать, насколько это неумѣрно именно по отношенію къ гражданскому праву, гдѣ, какъ справедливо учить господствующее воззрѣніе, преимущественнымъ (если не единственнымъ до законовъ XII таблицъ) источникомъ права былъ обычай.

Во-вторыхъ, Schultze для оправданія своихъ дальнѣйшихъ построений утверждаетъ, что законъ у древнихъ римлянъ имѣлъ и абсолютную—„*jede ihr (der lex) widerstreitende Subjectivität vernich-*

---

²⁷⁾ Стр. 493 и сл.

²⁸⁾ О книгѣ Schultze см. *Bekker. Zu den Lehren von l. a. sacramento, dem uti possidetis und der possessio* въ *Zeitschr. der Sav.-St. Bd. V (1884). S. 136—143.—Demelius. Zeitschr. f. priv. u. off. Recht. Bd. XI (1884). S. 728* и сл.

²⁹⁾ Стр. 452.

tende³⁰—силу. „Ни у какого народа и ня въ какую нигю эпоху мы не находимъ, говорить онъ, подобной имманентной закону силы“. Господство закона проникаетъ всю римскую жизнь въ такой степени, что намъ въ настоящее время даже трудно составить себѣ объ этомъ надежащее представлѣніе. Законъ въ Римѣ не только создаетъ право, но въ то же время и ставитъ его въ сомнѣніи³⁰; законъ есть и судья, при которомъ въ другомъ судѣ уже нѣтъ необходимости: „die lex bedient sich der Partei als ihres Mundes“³¹).

Въ этой особенной силѣ древнеримскаго закона, по мнѣнію нашего автора, лежитъ и причина коренныхъ различій между процессомъ эпохи *legis actiones*, съ одной стороны, и процессомъ формулярнымъ и средневѣковымъ германскимъ—съ другой. Оба послѣдніе процессы, говоритъ *Schultze*, являются не средствомъ установленія (констатированія) уже существующаго и признаваемаго права (таковы ни въ эпоху римскаго формулярнаго процесса, ни въ средніе вѣка въ Германіи—по мнѣнію автора—нѣтъ), а средствомъ созданія права (*Privatrechtszeugung*): въ обоихъ этихъ процессахъ судьи путемъ своихъ рѣшеній для каждаго даннаго случая только еще создаютъ, творятъ право. Напротивъ, *legis actio* является первоначальнымъ процессомъ исполненія, а въ формѣ *legis actio sacramento*—процессомъ констатированія уже существующаго и дѣйствующаго права³²).

Намъ кажется, достаточно уже этихъ выдержекъ, чтобы стало очевиднымъ, насколько все широкія и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересныя обобщенія *Schultze* покоятся на шаткомъ фундаментѣ. Если авторъ всю свою философію *legis actiones* строитъ на томъ основаніи, что законъ въ древнемъ Римѣ имѣлъ какую-то особенную природу и силу, отличную отъ той, которую онъ имѣетъ вездѣ, то эту свою основную посылку онъ долженъ былъ бы обставить особо солидными доказательствами, а таковыхъ мы у *Schultze* совершенно не находимъ. Съ другой стороны, едва-ли кто согласится съ утвержденіемъ *Schultze*, что, если нѣтъ закона, то нѣтъ вовсе и болѣе или менѣе прочнаго гражданскаго правопорядка, нѣтъ „*allgemein gebotene und mithin aus und in sich verbindliche Privatrechtsnorm*“. Обычай имѣетъ часто еще болѣе прочную обязательную силу, чѣмъ законъ.

³⁰) Стр. 452—453.

³¹) Стр. 494.

³²) Стр. 527.

Для характеристики древнеримского закона Schultze ссылается на слова Lotze: „In voller logischer Form ist Gesetz ein allgemeines hypothetisches Urtheil, welches sagt: wenn U (Ursache) ist oder gilt, gilt oder ist auch W (Wirkung)“³³⁾. Но эти слова можно сказать о всякомъ законѣ вообще, а не только спеціально о древнеримскомъ. О всякомъ законѣ можно сказать, что онъ не только творитъ право, но и ставитъ его въ то же время въ всякаго сомнѣніи, что онъ есть и самъ судья. Какъ бы ни высоко стояло въ Римѣ уваженіе къ закону, въ самой юридической природѣ его мы не можемъ отыскать ничего такого, что не заключалось бы и въ идеѣ нашего, да и всякаго закона вообще.

Т. обр. самая основная посылка Schultze не доказана, да и не можетъ быть доказана, а выѣстъ съ нею падаетъ и все его объясненіе особенностей процесса *per legis actiones*. Правда, въ идеяхъ Schultze заключается нѣкоторое зерно истины, но это зерно обутано такой массой совершенно произвольныхъ построений, что оно въ нихъ множиъ теряется и пропадаетъ.

Не менѣе общую и, пожалуй, не менѣе стройную теорію легисакціоннаго процесса развиваетъ и *Hugo Krüger* въ сочиненіи: „*Geschichte der Capitis deminutio. Bd. I Zugleich eine Neubearbeitung des Legisactionenrechts*“ (1897). Теорія Н. Крүгера въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

„*Legis actio*“, по мнѣнію автора, есть вообще всякій актъ лица на основаніи *lex*, какъ судебный, такъ и внѣ-судебный; это есть торжественный актъ осуществленія права и притомъ односторонній актъ того, кто право осуществляетъ (*ein solennier Rechtsverfolgungsakt—und zwar ein einseitiger Akt des Rechtsverfolgenden*“³⁴⁾). Древнѣйшее римское право знало только одинъ такой актъ осуществленія права—именно *оладѣніе или лицомъ или вещью*, причемъ дальнѣйшій процессъ происходитъ въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково.

Опладѣніе можетъ быть направлено, во-первыхъ, *на лицо*; тогда это есть *legis actio per manus injectionem*. Эта форма процесса представляетъ изъ себя въ древнѣйшемъ правѣ не что иное, какъ *vindicatio должника in servitutem*; если появляется *vindex*, который *manum creditoris depellit*, то онъ совершаетъ не что иное, какъ *vindi-*

³³⁾ Logik. S. 379.

³⁴⁾ L. cit. стр. 165—166.

catio in libertatem, причемъ онъ объявляетъ совершенную истцомъ manus injectio неправомѣрнымъ насиліемъ, vis (vim esse dicit, откуда и самое его названіе—vindex). Если истецъ все-таки продолжалъ настаивать на своей manus injectio, то между нимъ и vindex'омъ завязывался тогда споръ въ формѣ legis actio sacramento—совершенно такъ же, какъ при обыкновенной vindicatio rei. Если vindex оказывался неправымъ, то должникъ (первоначальный объектъ процесса) приговаривался истцу. Рѣшена dupli имѣла по отношенію къ неправому vindex'у мѣсто лишь тогда, если должникъ въ теченіе спора между истцомъ и vindex'омъ успѣлъ скрыться ³⁵⁾.

Во-вторыхъ, legis actio, какъ актъ овладѣнія, можетъ быть направлена на вещь; тогда мы имѣемъ vindicatio rei. Но эта vindicatio rei по своему существу есть не что иное, какъ manus injectio rei; ибо, говоритъ Н. Krüger, manus injectio можетъ быть не только rei, но и rei, и въ обоихъ случаяхъ это есть одинъ и тотъ же актъ, часть одной и той же legis actio, именно vindicatio ³⁶⁾.

Общій ходъ древнѣйшаго процесса представляется затѣмъ Н. Krüger'у въ слѣдующемъ видѣ. Manus injectio или vindicatio совершается истцомъ прежде всего нѣгъ суда, тамъ, гдѣ истецъ найдетъ должника или вещь ³⁷⁾. Вызвать процессъ было уже затѣмъ дѣломъ ответчика. Истецъ не обязанъ былъ звать ответчика въ судъ (in ius vocatio есть институтъ болѣе позднѣго времени), но, овладѣвъ должникомъ или вещью нѣгъ суда, истецъ, чтобы придать своей vindicatio характеръ явный и законный, долженъ былъ явиться съ захваченнымъ должникомъ или съ захваченной вещью въ судъ и здѣсь повторить manus injectio или vindicatio (что, какъ сказано, по мнѣнію Н. Krüger'a, одно и то же). Если vindicatio была направлена на лицо, т. е. имѣла характеръ manus injectio въ обычномъ смыслѣ, то дальнѣйшее зависѣло отъ появленіи vindex'a. Если же vindicatio была направлена на вещь (т. е. была vindicatio не rei, а rei), то вызовъ, брошенный истцомъ (въ видѣ заявленія „это вещь моя“ и т. д.) всѣмъ, прежде всего, конечно, приметъ прежній владѣлецъ вещи, и тогда завязывается настоящій споръ. Обѣ стороны накладываютъ vindicta, и это положеніе vindicta представляетъ собою ихъ обоюдное

---

³⁵⁾ Стр. 207 и сл.

³⁶⁾ Стр. 202.

³⁷⁾ Стр. 182—183.

обращение къ магистрату съ просьбой объ *addictio* спорной вещи тому или другому ³⁹⁾. Выражение „*tibi*“ въ формулѣ „*esse tibi vindictam imposui*“ относится не къ противнику, какъ обыкновенно думаютъ, а къ магистрату ³⁹⁾. Вслѣдъ затѣмъ стороны вызываютъ другъ друга подтвердить и доказать свои утвержденія присягой (*provocatio sacramento*), ибо, и по мнѣнію Krüger'a, *sacramentum* было первоначально присягой ⁴⁰⁾. До принесенія этой присяги процессъ передъ магистратомъ приостанавливается; магистратъ только высказываетъ свой предварительный приговоръ, т. е. передать спорную вещь тому или другому изъ спорящихъ (*vindicicias dare*) ⁴¹⁾. Затѣмъ совершается *litiscontestatio*, которая есть не что иное, какъ лишь актъ, удостоверяющій, что *provocatio sacramento* произошла ⁴²⁾.

Присяга приносилаь сторонами уже у понтификовъ и, какъ предполагаетъ Krüger, на слѣдующій день послѣ *litiscontestatio*. Затѣмъ понтифики рѣшали вопросъ о томъ „*cujus sacramentum iustum sit, cuius iniustum*“. По рѣшеніи этого вопроса дѣло снова возвращалось *in ius*, гдѣ магистратъ на основаніи рѣшенія понтификовъ произносилъ уже свой окончательный приговоръ—*addictio* ⁴³⁾.

И *legis actio per pignoris capionem* не представляетъ, по мнѣнію Krüger'a, исключенія изъ общаго единства процесса: *pignoris capio* есть также *vindicatio rei* въ формѣ *manus injectio* на вещь. Вслѣдствіе *pignoris capio* лицо, совершившее ее, дѣлалось первоначально полнымъ собственникомъ захваченной вещи; право выкупа развилось только впоследствии. Споръ о неправомерной *pignoris capio* велся также въ обычной формѣ *vindicatio* и *legis actio sacramento* ⁴⁴⁾.

Что касается спеціально вопроса о происхожденіи и смыслѣ дѣленія процесса на *ius* и *judicium*, то Н. Krüger въ связи съ его общимъ изложеніемъ представленіемъ о *legis actiones* рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Присяга (*sacramentum*) является въ древнѣйшую эпоху единственнымъ средствомъ доказательства; но разъ она принесена обѣими

³⁹⁾ Стр. 175.

³⁹⁾ Стр. 169.

⁴⁰⁾ Стр. 212.

⁴¹⁾ Стр. 223.

⁴²⁾ Стр. 251.

⁴³⁾ Стр. 236, 237, 239.

⁴⁴⁾ Стр. 342 и сл.

сторонами, то повѣрка этого доказательства естественно принадлежить духовнымъ властямъ, т. е. понтификамъ. Отсюда и необходимость приостановить процессъ *in jure* и передать его *in judicium*. Дѣленіе процесса на двѣ стадіи вытекаетъ, т. обр., изъ того обстоятельства, что по поводу гражданскаго спора возникаетъ споръ сакральный. Производство *in judicio* имѣетъ поэтому двойное значеніе: съ одной (сакрально-правовой) стороны это есть самостоятельный жреческій процессъ по вопросу объ *expiatio* или *exsecratio* за ложную присягу („ein Ermittlungsverfahren für das priesterliche Expiations—oder Exsecrationsverfahren“); съ другой стороны—для гражданско-правового, приостановленнаго *in jure* процесса—производство *in judicio* имѣетъ значеніе производства о доказательствахъ („Beweisverfahren“)⁴⁵⁾.

Вытекая, т. обр., изъ различія компетенціи свѣтскихъ и духовныхъ властей, дѣленіе процесса на *jus* и *judicium* въ эпоху царей не существовало или, по крайней мѣрѣ, не было необходимо: соединяя въ своемъ лицѣ и свѣтскаго судью и качество *pontifex maximus*, царь, конечно, могъ рѣшать и вопросъ „*cujus sacramentum iustum sit*“, и потому могъ вести все дѣло лично отъ начала до конца. Необходимымъ такое дѣленіе стало только съ установленіемъ республики, когда свѣтская и духовная власти были другъ отъ друга отдѣлены⁴⁶⁾. Когда же впоследствии *sacramentum* потеряло свое сакральное значеніе, переставъ быть присягой, то и дѣленіе процесса естественно утратило свой смыслъ, и если сохранялось, то лишь по традиціи⁴⁷⁾.

Какъ видимъ, теорія II. Krüger'a такъ же, какъ и теорія Schultze, даетъ цѣлую и стройную систему и въ такой же мѣрѣ, какъ и теорія Schultze, можетъ быть названа философіей древнеримскаго процесса. Но точно такъ же, какъ и эта послѣдняя теорія, она, къ сожалѣнію, построена на такихъ предположеніяхъ, которыя авторомъ вовсе не доказаны, и потому—по совершенно вѣрному замѣчанію одного изъ критиковъ⁴⁸⁾—представляетъ изъ себя „ein seltsames Gemisch von Bezeugtem und Unbezeugtem“.

---

⁴⁵⁾ Стр. 227, 231.

⁴⁶⁾ Стр. 227—228.

⁴⁷⁾ Стр. 229.

⁴⁸⁾ Kipp. Рецензія на сочиненіе Krüger'a въ Zeitschr. d. Sav.-St. Bd. IX (1886). Стр. 159—177.

Не разбирая учения Н. Krüger'a по отдельным пунктам (съ ними мы будем иметь дѣло ниже), мы укажемъ здѣсь только на одинъ существенный недостатокъ его, недостатокъ, который уже самъ по себѣ можетъ дискредитировать все это странный учение. Какъ мы только что видѣли, Krüger придаетъ акту *litiscontestatio* въ общемъ ходѣ процесса чрезвычайно второстепенное значеніе: это—съ его точки зрѣнія—есть только актъ, удостоверяющій, что *provocatio sacramenti* совершилась. Какъ же объяснить тогда то обстоятельство, что процессуальная *consumtio* связывалась именно съ этимъ моментомъ? Н. Krüger, признавая вѣсть съ Schultze, что процессуальная *consumtio* есть всегда погашеніе вѣдѣствіе состоявшагося по дѣлу приговора („*Urtheilsconsumtion*“) и что въ эпоху формулярнаго процесса такимъ приговоромъ (но, конечно, гипотетическимъ) назвалась формула, вслѣдъ заѣмъ говорить: иначе обстоило дѣло при *legis actio sacramenti*: здѣсь надо различать, нужно-ли было для дальнѣйшаго теченія дѣла производство *in judicio* или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ приговоромъ, имѣющимъ консумирующее дѣйствіе, будетъ приговоръ магистрата, т. е. *addictio*. Если же дѣло дошло до *sacramentum* и производства *in judicio*, то консумирующее значеніе будетъ имѣть *sententia* ⁴⁹⁾. Это утвержденіе Krüger'a, что въ эпоху *legis actiones* консумирующее дѣйствіе имѣла не *litiscontestatio*, а *sententia*, есть, во-первыхъ, очевидное *petitio principii*, а во-вторыхъ, оно противорѣчитъ собственному ученію Krüger'a. Видѣ, если производство *in judicio*, какъ то полагаетъ Krüger, имѣетъ лишь вѣтапной характеръ „*Beweisverfahren*“, если процессъ потомъ снова долженъ возобновляться *in jure*, чтобы дойти до *addictio*, то мы никакъ были-бы ожидать, что онъ консумирующее дѣйствіе свлжетъ не съ *sententia*, а именно съ этимъ окончательнымъ приговоромъ магистрата по возобновленіи процесса *in jure*, съ *addictio*.

Какъ бы то ни было, но полное отрицаніе консумирующаго значенія за *litiscontestatio* совершенно противорѣчитъ общезнаѣстнымъ показаніямъ источниковъ, которые, напротивъ, придаютъ этому моменту значеніе огромной важности. Если же вѣрить этимъ источникамъ, то очевидно, что *litiscontestatio* моментъ, заключающій производство въ первой стадіи, имѣетъ не совсемъ такое назначеніе, какое приписываетъ ему Krüger. Съ другой стороны, также ни на чемъ

---

⁴⁹⁾ Стр. 177—178.

не основано утверждение Krüger'a, будто передача дѣла in iudicium представляет собою только *прѣстаповку* процесса in iure до разрѣшенія вопроса о доказательствахъ, будто процессъ послѣ этого возобновляется, чтобы закончиться addictio магистрата. Источники неоспоримо изображаютъ производство in iudicio, какъ нѣчто самостоятельное и окончательное.

Вслѣдствіе этого все ученіе Krüger'a объ общемъ ходѣ legis actio sacramento и о раздѣленіи процесса на ius и iudicium должно быть признано совершенно несостоятельнымъ.

Мы ограничимся здѣсь только изложенными ученіями; со многими другими мы познакомимся ниже: но только ученія Ierrius, Bernhöft'a, Schultze и Krüger'a представляют собою попытку дать полную и цѣлостную систему древнеримскаго легисакціоннаго процесса, попытку проникнуть въ его общіе историческіе принципы и въ его основной, характерный тонъ.

Если мы теперь окинемъ всѣ эти ученія общимъ взглядомъ, съ точки зрѣнія нашихъ основныхъ вопросовъ о томъ, какую роль игралъ магистратъ въ этомъ процессѣ, какое значеніе имѣло дѣленіе этого послѣдняго на ius и iudicium,—то мы увидимъ, что отвѣты даются самыя противоположныя. По ученію Ierrius, магистратъ въ принципѣ только третейскій судья, заимствующій свои полномочія не изъ своего должностнаго положенія, а изъ добровольнаго согласія сторонъ; по духу его ученія, дажѣ, главнымъ элементомъ древнеримскаго процесса является производство in iudicio, межъ тѣмъ какъ производство in iure имѣетъ значеніе только подготовительное. По ученію Bernhöft'a, магистратъ принципиально также третейскій судья, хотя въ древнѣйшее время онъ (въ лицѣ царя) разбиралъ все дѣло лично; производство же in iudicio явилось въ исторіи какъ производствомъ апелляціонное. По воззрѣнію Schultze, въ процессѣ per legis actiones магистратъ вовсе не судья; судьями являются сами стороны, которыя и произносятъ надъ собой приговоръ на основаніи закона; на случай столкновенія двухъ противоположныхъ приговоровъ оказывается необходимъ дальнѣйшій разборъ и новый не-партийный приговоръ: но это дѣлается уже in iudicio. По этой системѣ обѣ стадіи процесса имѣютъ свою самостоятельную функцію и обѣ въ одинаковой степени важны. Наконецъ, по теоріи Krüger'a, магистратъ уже въ эту эпоху есть настоящій судья, начинающій слуханіе дѣла и заканчивающій его своимъ приговоромъ; производствомъ же in iudicio

имѣть вставной, служебный характеръ; появленіе этого вставнаго произвождства объясняется условіями чисто историческими, отдѣленіемъ сибирской власти отъ духовной съ установленіемъ республики...

Какъ видимъ—полное разногласіе по всѣмъ основнымъ пунктамъ. Въ отдѣльныхъ частности всѣ понменованные авторя часто между собою сходятся, но общее пониманіе смысла и духа всего процесса радикально разнятся. Къ тому же всѣ теоріи построены на одинаково шаткихъ основаніяхъ, одинаково оказываются несостоятельными,—и понятнo поэтому, что вопросъ о древнеримскомъ процессѣ наука наша должна считать перѣшаннымъ.

Попытаемся, однако, пересмотрѣть вопросъ еще разъ, проанализируемъ возможно внимательнѣе всѣ основныя формы древнеримскихъ *legis actiones*.

---

§ 2.

Pignoris capio и manus injectio.

Pignoris capio, какъ вѣс-судебный способъ осуществленія правъ у римлянъ и у другихъ народовъ.—Manus injectio (вопросъ объ addictio, вѣдѣтельность vindicta).—Историческое мѣсто обѣихъ формъ и роль магистрата.

Изъ пяти перечисленныхъ формъ legis actio наименѣе соответствуетъ нашему представленію о судѣ и процессѣ *legis actio per pignoris capionem*. Извѣстенъ рассказъ Гая о томъ, что даже пѣ-которымъ изъ римскихъ юристовъ казалось невозможнымъ считать эту форму осуществленія правъ за legis actio¹⁾.

Овладѣніе какою-либо вещью должника совершается безъ предварительнаго суда или разрѣшенія магистрата, и едипственнымъ обстоятельствомъ, которое придавало этому овладѣнію нѣкоторое сходство съ прочими legis actiones, были тѣ „certa verba“, которыя при этомъ произносились²⁾.

---

¹⁾ Gai. IV. 29: quibusdam autem contra placebat, primum quod pignoris capio extra ius peragebatur id est non apud praetorem, plerumque etiam absente adversario, cum alioquin ceteris actionibus non aliter uti possent, quam apud praetorem praesente adversario, praeterea quod nefasto quoque die, id est quo non licebat lege agere, pignus capi poterat.

²⁾ Какія это были слова, неизвѣстно. *Huschke* (Multa. S. 402) напр. предполагаетъ слѣд. формулу: Quod te mihi pro hostia, quam a me emisti, decem asses dare oportet cosque mihi non reddidisti, ob eam rem pro decem assibus hanc rem pignus capio.

Такой порядок осуществленія правъ долженъ былъ естественно возбуждать массу недоумѣній, и во главѣ этихъ недоумѣній стоялъ вопросъ: что-же служило гарантiей противъ неосновательной *pignoris capio*? „*Legis actio per pignoris capionem* безъ гарантiи ея правомѣрности, т. е. безъ такого или пятаго процесса, который бы оправдывалъ совершенный захватъ вещи, была бы *carte blanche* для всякаго насяльника и грабежа“—говорилъ еще *Иеринг*³⁾. Онъ предполагаетъ поэтому, что за *pignoris capio* долженъ былъ, въ случаѣ заявленiя протеста со стороны собственника захваченной вещи, послѣдовать дѣйствительный процессъ (*Justificationsverfahren*), въ которомъ роль истца долженъ былъ занять тотъ, кто совершилъ *pignoris capio*. Только вслѣдствiе постоянной юридической возможности такого процесса *pignoris capio*, по мнѣнiю *Иеринга*, и причислялась къ *legis actiones*.

Большинство позднѣйшихъ ученыхъ, однако, такого взгляда *Иеринга* не раздѣляютъ, хотя вопросъ о гарантiи противъ неосновательной *pignoris capio* рѣшается ими неодинаково.

Такъ, по мнѣнiю *Huschke*⁴⁾, если въ случаѣ неосновательной *pignoris capio* не были установлены какiе-либо особые штрафы, то во всякомъ случаѣ собственникъ захваченной вещи могъ предъявить или *rei vindicatio* или *condictio* или искъ по поводу *furtiva* (ноже *actio ex lege Aquilia*), причемъ обязанность доказать правомѣрность *pignoris capio* лежала, конечно, на отвѣтчикѣ, т. е. лицѣ, совершившемъ *pignoris capio*. По мнѣнiю *Bekker'a*⁵⁾, неосновательная *pignoris capio* составляла, во всякомъ случаѣ *furtum usus* и подвергалась, слѣдовательно, виновника отвѣтственности по *actio furti*. Подобное же мнѣнiе высказываетъ и *Johbbé-Durand*⁶⁾. *Karlowa*⁷⁾ съ своей стороны полагаетъ, что относительно характера могущаго послѣдовать за *pignoris capio* процесса, нѣкоторые указанiя можетъ дать сообщенiе Цицерона объ эдиктѣ Верреса для Сицилiи, гдѣ для одного частнаго случая (отношенiя между публиканомъ, откупщикомъ податей—*decumanus*—и *agatores*) устанавливается нѣчто въ родѣ *pignoris capio*; въ случаѣ неосновательнаго захвата вещей *agator'a* послѣднiй можетъ

³⁾ Geist. Bl. I. Стр. 159 и сл. (2-го изд.).

⁴⁾ Multa. Стр. 402.

⁵⁾ Aktionen. Bd. I. Стр. 45.

⁶⁾ Etudes sur l'histoire de la procédure civile chez les romains (1896). p. 10—11.

⁷⁾ Der römische Civilproceß zur Zeit der Legisaktionen. Стр. 202 и сл.

потомъ предъявить противъ *decumanus actio in factum* на восьмерную стоимость захваченныхъ вещей ⁸⁾).

Какъ бы то ни было, надо, дѣйствительно, признать вмѣстѣ со всѣми этими учеными, что „*Justificationsprocess*“ въ такой формѣ, какъ его представлялъ себѣ Iерингъ, едва-ли мыслимъ; совершенно справедливо по этому поводу замѣчаніе *Bekker'a*: какимъ образомъ *pignerator*, послѣ того, какъ онъ уже захватилъ вещь, могъ быть принужденъ къ предъявленію иска ⁹⁾? Несомнѣнно, должно было существовать какое-либо средство на случай неправомерности *pignoris capio*, и, конечно, это средство въ концѣ концовъ, по своему матеріальному значенію, лился „оправдательнымъ процессомъ“ по отношенію къ совершившейся *pignoris capio*. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ дальнѣйшій процессъ отнюдь не есть, какъ то думалъ Iерингъ, необходимая интегральная часть *legis actio per pignoris capionem*. Это будетъ или особый штрафной искъ противъ *pignerator'a* (какъ то полагаетъ *Karlowa* и допускаетъ *Huschke*), или искъ собственника о вещи (*rei vindicatio* или *condictio*—*Huschke*) или, наконецъ, *actio furti* (*Bekker*, *Jobbé-Duval*). Какимъ бы ни былъ этотъ искъ, онъ, во всякомъ случаѣ, представляеть изъ себя уже нѣчто совершенно отдѣльное отъ *pignoris capio*, какъ особый *legis actio*. *Pignoris capio*, какъ извѣстная форма *legis actio*, заканчивается захватомъ вещи, п. т. обр., сама по себѣ она является извѣстнымъ формальнымъ актомъ самоуправства, черпающимъ свою юридическую силу не изъ приговора суда или администратіи, а исключительно изъ своей формальности. Совершенно основательно поэтому изъ параллель съ *pignoris capio* ставится часто другой формальный институтъ римскаго права съ отпечаткомъ глубокой старины—*peris pori nuntiatio* ¹⁰⁾).

Конечно, такой актъ въ-судебнаго осуществленія правъ, актъ чистаго самоуправства съ точки зрѣнія нашихъ понятій о процессѣ долженъ казаться явлениемъ страннымъ—быть можетъ, даже въ большей степени, чѣмъ то казалось тѣмъ нѣкоторымъ изъ римскихъ юристовъ, о которыхъ намъ повѣствуетъ Гай. Но такъ будетъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсматривать его изолированно,

⁸⁾ Ср. къ этому вопросу еще *Pernice. Rarerga II. Beziehungen des öffentl. röm. Rechts zum Privatrechte in Zeitschr. d. Sav.-St. Bd. V. Crp. 128—129.—Wassauk. Röm. Prozessgesetze. Bd. I. Стр. 252—253.*

⁹⁾ *Aktionen. Bd. I. Стр. 44, прим. 2.*

¹⁰⁾ Ср. напр. *Bekker. Aktionen. Bd. I. Стр. 49 и сл.*

только какъ извѣстное явленіе *римской* исторіи. Напротивъ, вся странность нашего института исчезаетъ, какъ только мы бросимъ взглядъ на древнѣйшіе способы осуществленія правъ въ исторіи другихъ народовъ. Уже нѣкоторые изъ только что упомянутыхъ романистовъ для объясненія особенностей древнеримскаго процесса стали прибѣгать къ аналогіямъ изъ области права древнегерманскаго ¹¹⁾. Новѣйшія изслѣдованія въ области сравнительнаго правовѣденія многиѣ убѣдительно выяснили, что *ignoris curio*, какъ способъ осуществленія правъ, есть явленіе весьма распространенное на извѣстной ступени правоваго развитія ¹²⁾.

Наиболѣе изслѣдованнымъ и потому наиболѣе полезными оказываются для насъ аналогичныя явленія въ исторіи древнегерманскаго права. Германское право знало въ широкой степени самоличное и виѣ-судебное осуществленіе претензій путемъ овладѣнія какой-либо вещью должника (*Pfändung, aussergerichtliche Pfändnahme*). Къ такой *Pfändung* уполномочивало всякое обязательство, заключенное посредствомъ *vadia* (*gewettete Schuld*). Захватъ вещи должника было предшествовать, однако, соблюденіе извѣстныхъ, обычными правомъ установленныхъ формальностей, въ особенности надлежавшее (и притомъ обыкновенно троекратное) назомишаніе должнику. Разъ всѣ эти формальности были соблюдены, то затѣмъ какого-либо процесса или судебного позволенія на захватъ первоначально уже не требовалось. Такъ стоятъ еще дѣло въ правѣ лангобардскомъ, которое требуетъ судебного позволенія лишь въ томъ случаѣ, когда за немнѣишемъ у должника другаго имущества, исполненіе претензій приходится направить на такія вещи, которыя обыкновенно отъ *Pfändung* изъяти. То же мы находимъ въ индскихъ правахъ и въ правѣ саксонскомъ; въ этомъ послѣднемъ виѣ-судебная *Pfändung* была запрещена только закономъ Карла—*Capitulatio de partibus Saxoniae*. Напротивъ, другія законодательства (напр., бургундское, франкское, баварское и и. др.) уже требуютъ предварительнаго судебного разрѣшенія ¹³⁾.

¹¹⁾ Ср. *Beckkr. Aktionen*. Bd. I. Стр. 20 прим., *Karlota Legisaktionen* стр. 207. Особенное значеніе оказало въ этомъ отношеніи изслѣдованіе *Sohn's* *Der Process der Lex Salica*.

¹²⁾ Ср. въ особ. *Sumner Maine. Études sur l'histoire des institutions primitives*. trad. par Durieu de Leyritz (1890). Chap. IX и X.—*Leist. Altarisches Jus Civile*. Bd. II (1896) стр. 311 и сл.—Ср. также авторовъ, цитированныхъ у *Johbi-Ducal. Études sur l'histoire de la procédure civile chez les romains*. p. 9, note 3.

¹³⁾ Ср. *Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte*. Bd. II. S. 446 и сл.—*Hrussler*.

Такимъ образомъ, въ ту древнѣйшую эпоху, когда еще не требовалось судебного разрѣшенія, мы и въ древне-германскомъ правѣ встрѣчаемся съ тѣмъ же вопросомъ: не даетъ-ли возможность виѣсудебнаго захвата *carte blanche* для всевозможнаго произвола, не нуженъ-ли и здѣсь какой-нибудь послѣдующій *Justificationsprocess*? Источники германскаго права даютъ на этотъ вопросъ болѣе точный отвѣтъ, чѣмъ источники права римскаго. „Несвоевременная, чрезмѣрная или неправомерная Pfändung, говоритъ *Brunner* ¹⁴⁾, наказывалась штрафомъ или какъ грабежъ, или какъ воровство, или, наконецъ, какъ особый самостоятельный деликтъ“.

Pignoris capio оказывается, слѣдовательно, явленіемъ не специфически римскимъ, а довольно общимъ, причемъ вездѣ она встрѣчается съ болѣе или менѣе одинаковыми чертами. „C'est là un moyen de contrainte, говоритъ совершенно правильно *Girard* ¹⁵⁾, qui vient assez naturellement à l'esprit, qui, en un certain sens, vit toujours dans la conscience populaire et qui a fonctionné plus ou moins largement dans beaucoup de législations peu avancées a peu près partout, ou l'organisation judiciaire n'a pas encore arrêté l'initiative du créancier“.

Правда, въ римскомъ правѣ *pignoris capio* встрѣчается только въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ, отмѣченныхъ публицистическимъ или сакральнымъ характеромъ ¹⁶⁾, изслѣдованіе чего въ литературѣ перѣдко высказывается мысль, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ уступкой (*cessio*) того *jus pignoris capionis*, которое вообще имѣли магистраты для вынужденія своихъ должностныхъ требованій ¹⁷⁾. Мы не становимъ вдаваться въ этотъ вопросъ, потому что онъ, между прочимъ, связанъ съ вопросомъ о томъ, насколько перечисленіе случаевъ *pignoris capio*, данное Гаемъ, можетъ быть признано истерпывающимъ ¹⁸⁾. Для насъ во всякомъ случаѣ важенъ лишь тотъ фактъ, что

Institutionen des deutsch. Privatrechts. Bd. II. S. 241.—*Schröder*. Lehrbuch des deutschen Rechtsgeschichte. S. 238.

¹⁴⁾ I. cit. стр. 449.

¹⁵⁾ *Manuel*. p. 955.

¹⁶⁾ *Ср. Gai. IV. 27—28.—Keller. Civilprocess. § 20.—Karlowa. Legisaktionen. S. 207—218.*

¹⁷⁾ *Peruice. Zeitschr. d. Sav.-St. V. S. 137—128; также Girard. Manuel. p. 956. Напротивъ, Jobbé-Duval. Études p. 9, note 4 склоненъ видѣть въ римскихъ случаяхъ *pignoris capio* „délais d'une institution plus ancienne“.*

¹⁸⁾ *Ср. напр. предположеніе B.-Holtzreg'a (Civilprocess. Bd. I. S. 204), что*

въ *pignoris capio* мы имѣемъ осуществленіе правъ въ видѣ совершенно внѣ-судебнаго, лишь обставленнаго извѣстными формальностями, частнаго акта. Мы имѣемъ здѣсь *legis actio*, при которой не только о *judicium*, но даже и о *ius* не можетъ быть речи.

Если въ источникахъ римскаго права *pignoris capio* встрѣчается только въ немногихъ особо привилегированныхъ случаяхъ, то, напр., въ древне-германскомъ правѣ *Pfändung* имѣетъ гораздо болѣе широкое примѣненіе; а, если припомнить по вниманію, что *Wettschuld*, обязательство, заключенное *per vadia*, является въ древне-германскомъ правѣ первымъ типомъ искового обязательства¹⁹⁾, то для этого послѣдняго права *Pfändung* надо будетъ признать древнѣйшимъ нормальнымъ средствомъ осуществленія обязательствъ (*Klagen um Schuld*).

Какъ мы только что видѣли, *Pfändung* въ германскомъ правѣ въ болѣе позднюю эпоху начинаетъ нуждаться въ предварительномъ разрѣшеніи со стороны властей. Этотъ фактъ чрезвычайно характеренъ для исторіи древняго процесса вообще. Если мы совершившуюся, такимъ образомъ, эволюцію *Pfändung* выразили бы въ терминахъ римскаго права, то мы сказали бы, что *pignoris capio* приобрѣла первую стадію процесса—*ius*,—хотя и не нуждается еще во второй—*judicium*.

Нормальнымъ средствомъ исполненія явилась въ древнемъ Римѣ, какъ извѣстно, другая форма *legis actio*—*manus injectio*. Вышній ходъ ея описывается Гаемъ (IV. 21) слѣдующимъ образомъ:

„Qui agebat, sic dicebat „Quod tu mihi judicatus (sive damnatus) es sest. X milia, quandoe non solvisti, ob eam rem ego tibi sest. X milium judicati manum inicio“, et simul aliquam partem corporis ejus prehendebat. Nec licebat judicato manum sibi depellere et pro se lege agere; sed vindicem dabat, qui pro se causam agere solebat; qui vindicem non dabat, dominum ducebatur ab actore et vincebatur“.

Согласно этому описанію, *manus injectio* состоитъ въ торжественномъ произнесеніи кредиторомъ извѣстной формулы (*certa verba*),

---

pignoris capio въ древнѣйшее время имѣла мѣсто и по поводу *damnum infectum*.—Ср. *Karlowa* *Legisaktionen*. S. 216, *Keller*. *Civilprocess*. § 20. Anm. 267 a.

¹⁹⁾ *Schröder*. *Lehrbuch d. deutsch. Rechtsgeschichte*. S. 288, *Heussler*. *Institutionen*. Bd. II. S. 231.

обращенной къ должнику и въ положеніи на должника руки. Этотъ актъ совершается передъ трибуналомъ магистрата, но и только: приведенныя слова Гая о какомъ бы то ни было дальнѣйшемъ участіи магистрата (послѣ приговора) ничего не говорятъ: „*qui vindicem non dabat, domum duccebatur et vinciebatur*“. Точно также и дошедшій до насъ текстъ закона XII т. говорить просто:

„*ni iudicatum facit aut quis endo em* ²⁰⁾ *iure vindicit, senum ducito, vincito*“ etc.

Въ другихъ, однако, мѣстахъ источника говорится уже объ *addictio* со стороны магистрата. Напр., (Gell. XX. 1. 44:

„... post deinde, nisi dissolverent, ad praetorem vocabantur et ab eo quibus erant indicati addicebantur“.

По поводу такого видимого разногласія источниковъ *Huschke* ²¹⁾ высказалъ мысль, что первоначально, въ эпоху законовъ XII т., никакой *addictio* при *manus injectio* не было; ея необходимость установилась гораздо позже—„*wo die höhere Gewalt des Staates bei der Rechtsverfolgung nicht mehr nach dem Gesetz in dem Kläger selbst lag, sondern auf den Prätor ausschliesslich überging, der ebendemit nur allein noch fähig war, dem Kläger eine solche Gewalt über den Verurtheilten zu geben*“. Это случилось, по мнѣнію *Huschke*, только послѣ *lex Ictelia*, который превратилъ право кредитора на самовольную *ductio* должника въ простое право просить о преторскомъ разрѣшеніи на такую *ductio*.

Противъ такого взгляда высказался *Bethmann-Hollweg*. Если законы XII т. не требуютъ *addictio*, если истецъ не нуждается въ признаніи своего права со стороны государственной власти, говорить онъ, то зачѣмъ тогда необходима вся процедура *in iure*, вся эта *in ius ductio*? Едва-ли вѣроятно, чтобы преторъ предоставлялъ право увести должника простымъ молчаніемъ ²²⁾.

Лерингъ, раздѣляющій вообще мнѣніе *Huschke*, относительно приведеннаго возраженія *B.-Hollweg*'а замѣчаетъ: *vindex* можетъ выступить только *in iure*: а такъ какъ при всякой *manus injectio* необхо-

---

²⁰⁾ Или eo in? Ср. *Lenel*. Edictum perpetuum S. 323.

²¹⁾ Ueber das Recht des Nexum (1840). S. 79 и сл., S. 149.

²²⁾ Civilprocess. Bd. I. S. 118, прим. 12, ср. S. 198, прим. 19.

можно предполагать возможность появления такой защиты, то понятно поэтому, что акт *manus injectio* долженъ быть совершенно непременно публично и передъ лицомъ магистрата, т. е. *in iure* ²³⁾.

Съ тѣхъ поръ вопросъ остается спорнымъ. Изъ позднѣйшихъ писателей одинъ склоняется къ мнѣнію *Huschke* и *Termona* ²⁴⁾, другіе—къ мнѣнію *В.-Н. Шweg'a* ²⁵⁾, третьи, наконецъ, оставляютъ вопросъ просто открытымъ ²⁶⁾.

Мы, съ своей стороны, признавая, что вопросъ едва-ли можетъ быть рѣшенъ на основаніи источниковъ къ ту или другую сторону, полагаемъ, однако, что древнѣйшая *manus injectio* не требовала какой-либо *addictio*. Въ пользу этого говорить весь строй до-историческаго процесса, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ новѣйшихъ данныхъ сравнительнаго правовѣденія. У многихъ древнихъ народовъ неплатежъ денежнаго и безспорнаго долга нуждается только въ публичномъ констатированіи этого факта, чтобы повлечь затѣмъ для должника, такъ сказать, *ipso iure* неизбежное послѣдствіе—долговую кабалу ²⁷⁾.

Но даже, если бы мы признали, что *addictio* была всегда цѣлью и непремѣннымъ концомъ *manus injectio*,—то и въ такомъ случаѣ мы должны были бы согласиться съ *Demelius'омъ*, что эта *addictio* не имѣла значенія преторскаго приговора, а лишь являлась актомъ, констатирующимъ, что всѣ законныя формальности были соблюдены и что *manus injectio* не была прекращена появленіемъ *vindex'a* ²⁸⁾.

Второй спорный и темный вопросъ въ области *manus injectio*

---

²³⁾ *Geist*. *l. d.* I. S. 152, прим. 59^b.

²⁴⁾ *Keller*. *Civilprocess*. § 83, прим. 1018. Сами *Huschke* и позже сохранили свой взглядъ—ср. *Mulla* (1874). S. 456.—*Girard* также признаетъ *addictio* доказанной только для эпохи вост. законовъ XII в.—*Mannel*. p. 959.—Ср. еще *Wlassak*, *Röm. Proceßgesetz*, *l. d.* I. S. 96, прим. 27.—*G. May*. *Éléments de droit romain* (1898), p. 610.

²⁵⁾ *Karlouca*. *Legisaktionen*. S. 158, *Röm. Rechtsgeschichte*. *l. d.* II. (1892). S. 550.—*M. Voigt*. *Die XII Tafeln* (1883). *l. d.* I. S. 622.—*Lenel*. *Edictum perp.* S. 328.—*Hartmann*. *Obligation*. S. 121 и н. др.

²⁶⁾ *Hamp*. *Johib-Dural Etudes*. p. 7—8.

²⁷⁾ Ср. *Leist*. *Alt aris les lus Civile*. *l. d.* II. S. 304 и сл. Въ особ. S. 306 оговор. римскаго права. „Die prätorische Addiction ist die speciell latinsche magistratische Aktkonstatierung in Betreff Dessen, was ursprünglich überhaupt die vor Göttern und Menschen manifeste Greifung und Caput-Unterwerfung des Schuldners gewesen war“.

²⁸⁾ *Demelius*. *Die Confessio im röm Civilprocess* (1880). S. 43, 56.

заключается въ слѣдующемъ: *если полагается vindex, то какой тогда принимается процессъ въ дальнѣйшемъ?*

Что касается, прежде всего, должника, то нѣтъ современныхъ ученыхъ почти все согласны въ томъ, что онъ вступленіемъ vindex'a окончательно и навсегда освобождается ²⁹⁾. Весь процессъ обрывается теперь на vindex'a, и освобожденіе должника не зависитъ отъ такого или иного исхода процесса. „Вѣдѣтельность vindex'a, говорить *Demelius*, отнюдь не есть вступленіе его въ процессъ между кредиторомъ и должникомъ: это есть самостоятельный актъ, своею собственною силою тотчасъ же освобождающій должника отъ кредитора. Должникъ освобождается не только въ томъ случаѣ, если vindex въ послѣдующемъ процессѣ докажетъ неосновательность истинной претензіи, и не только въ моментъ приговора по этому процессу, а просто въ силу формальнаго „*manum depellere*“ со стороны vindex'a. Это есть такой же формальный актъ, какъ и самая *manus injectio*, только съ противоположнымъ дѣйствіемъ. Если послѣдствіи вѣдѣтельности vindex'a окажется неосновательнымъ, то не возстановляется прежній процессъ противъ должника, а кредитору отбѣчаетъ теперь исключительно только vindex“ ³⁰⁾.

„Если, такимъ образомъ, продолжаетъ далѣе *Demelius*, вступленіе vindex'a не есть осанованіе долга въ томъ смыслѣ, что только окончательный приговоръ освобождаетъ должника, если оно приводитъ окончательное освобожденіе послѣднего отъ власти кредитора независимо отъ дальнѣйшаго исхода спора,—то очевидно, что въ этомъ отношеніи между кредиторомъ и должникомъ при *manus injectio* не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо спорѣ, о какомъ-либо приговорѣ, о какой-либо *confessio*“.—Весь процессъ *in iure* имѣетъ опять-таки

²⁹⁾ Ср. *Keller*. *Civilprocess*. 16-te Aufl. S. 97—98: „vindex, der für Process und eventuelle Zahlung entstand und in diesem Sinne seine Defension übernahm. — *B.-Hollweg*. *Civilprocess*. 14. I. S. 156, 197. — *Maschke*. *Multa* S. 299 (въ прим. 128 Maschke конструируетъ причудливую формулу, произносимую при этомъ vindex'омъ такъ: „Quid ille tibi iure iudicatus sive damnatus non est sest. X m., neque ea quando oportet non solvit, ob eam rem ego pro eo tibi vindex sum indicatque manum hinc depello.“). — Ср. еще *Girard* *Mannet* p. 958. — Исключеніе составляетъ только *H. Krüger*, который, какъ было указано выше, полагаетъ, что должникъ со iure не освобождается и что отбѣгненность vindex'a *in duplum* была установлена только на нѣтъ случаевъ, если должникъ во время окончанія спора съ vindex'омъ укрывался. Но въ источникахъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшей опоры для подобной гипотезы.

³⁰⁾ Die *Confessio*. S. 56—57.

и въ этомъ случаѣ характеръ простаго констатированія извѣстнаго факта—факта виновности vindex'a и полнаго прекращенія вѣдѣнтіе этого начатою manus injectio.

Но пойдѣмъ теперь дальше. *Какой видъ могъ имѣть процессъ между кредиторомъ и vindex'омъ?* Въ виду полнаго молчанія источниковъ на этотъ счетъ мы обречены на догадки. По мнѣнію однихъ, этотъ процессъ разыгрывался въ формѣ обыкновенной legis actio sacramento³¹⁾, другіе считаютъ это по различнымъ причинамъ невозможнымъ, хотя сами отъ предположеній воздерживаются³²⁾; наконецъ, третьи думаютъ, что безспорительное виновительство vindex'a составляетъ самостоятельный деликтъ, обложенный роено dupli³³⁾.

Намъ кажется, что, какъ бы мы ни представляли себѣ этотъ дальнейшій процессъ противъ vindex'a (мы съ своей стороны думаемъ, что не существуетъ никакихъ пренитетій къ предположенію legis actio sacramento),—этотъ процессъ *съ формальной стороны* уже выходитъ за предѣлы manus injectio. Съ пониженьемъ на счету vindex'a, въ моментъ его формальнаго „manum depellere“ manus injectio, какъ таковая, заканчивается, а все дальнейшее должно совершиться уже въ какой нибудь иной формѣ.

Какъ извѣстно, терминъ и здѣсь предполагать нѣкоторый iustificationsprocess, который явился, по его мнѣнію, только извѣстной составной частью legis actio per manus injectionem, и ради котораго manus injectio и называлась Legis actio. По подобно тому, какъ при pigrioris capio, такъ и при manus injectio процессъ противъ vindex'a, какую-бы форму мы для него ни предположили, формально находится уже за предѣлами manus injectio, *съ матеріальной точки зрѣнія* являлся для насъ необходимымъ „оправдательнымъ“ процессомъ. Неканіе такого „оправдательнаго процесса“ *въ предѣлахъ самой manus*

---

³¹⁾ Puchta. Institutionen. Ed. II. § 162 (7-te Aufl. S. 95), Rudorff. Röm. Rechtsgeschichte. Ed. II. § 21. S. 86. Huschke. Multa. S. 389 и и. др.

³²⁾ Keller. Civilprocess (6-te Aufl. S. 101, прим. 259) и сараетъ, что роена dupli съ 1 а sacramento несовмѣстима.—Bethmann-Hollweg. Civilprocess. Ed. I. S. 163, прим. 33 считаетъ невозможнымъ переходъ одной legis actio (per manus injectionem) въ другую (per sacramentum).—Karlows. Legisaktionem S. 186—187.

³³⁾ Girard. Manuel. p. 951, прим. 3. „A notre avis, le manum depellere du vindex est un acte formel symétrique au manum injicere du demandeur, qui, s'il est fait sans droit, constitue un délit. Il plaide en son nom à lui. et il plaide sur le point de savoir, s'il a commis un délit, ce qui explique la peine du double“.

injectio, какъ это мы видимъ у Теренція, по справедливому замѣчанію *Demelius'a* ³⁴⁾, „beruht auf einer aus den Verhältnissen der späteren Zeit abstrahirten Schablone“. Истинно ли *vindex* или нѣтъ, *manus injectio* во всякомъ случаѣ будетъ *legis actio* ³⁵⁾; появленіе *vindex'a* и возникновеніе послѣдствіе этого *опора*, нуждающагося въ разборѣ и разрѣшеніи, по отношенію къ *legis actio per manus injectionem* играть только роль возможнаго инцидента ³⁶⁾.

Такимъ образомъ, если мы при *ignoris cario* имѣли форму процесса совершенно внѣ-судебную, имѣли *legis actio* безъ *jus* и безъ *judicium*, то при *manus injectio* мы имѣемъ *legis actio*, въ которой изъ этихъ двухъ стадій есть уже первая—*jus*, хотя все еще нѣтъ второй—*judicium*. Позднѣйшая *Pfämlung* германскаго права, когда для захвата вещей должника уже требовалось предварительное судебное разрѣшеніе, по своей структурѣ представляетъ параллель римской *manus injectio* и имѣетъ съ тѣмъ, какъ намъ кажется, даетъ указаніе на историческій ходъ образованія этой формы древне-римскаго процесса.

Въ древнѣйшее время осуществленіе претенцій, безъ сомнѣній, совершалось собственною силой самого кредитора, безъ всякаго участія властей—на подобіе *ignoris cario*, причемъ у однихъ народовъ подобное взысканіе обращалось *prima facie* на имущество должника (германцы, ирландцы и т. д.), у другихъ—какъ у римлянъ—на личность этого послѣднего. Способомъ взысканія послѣдствіе этого было захватъ или вещей, или самого должника. Необходимо было только, чтобы этотъ захватъ былъ совершенъ публично, чтобы при этомъ въ обычныхъ установленныхъ формахъ (*certa verba*) „передъ богами и передъ людьми“ было заявлено, что этотъ захватъ есть не грабежъ и насиліе, а именно осуществленіе права. Публичность договорныхъ формъ, ограниченность государственной территоріи—дѣлали то, что всѣ дѣловыя отношенія, всѣ требованія и долги между частными лицами, членами маленькаго государственнаго міра, были всегда всѣмъ извѣстны. При такихъ условіяхъ не было необходимости въ судѣ и приговорѣ начальства, ибо здѣсь дѣйствовалъ общепародный судъ, судъ общественнаго мнѣнія, который по большей части уже заранее

³⁴⁾ Die Confessio. S. 40, прим. 2.

³⁵⁾ *Demelius*. *ibid.* S. 41.

³⁶⁾ *Johbé-Dural* Etudes p. 6.

стоять на сторонѣ того или другаго изъ лицъ заинтересованныхъ. Должникъ, вступая въ обязательство, уже заранее на случай своего неисполненія осуждалъ себя самъ, и кредиторъ теперь только приводитъ это самоосужденіе въ исполненіе.

Но дѣлю, конечно, должно было измѣниться съ расширеніемъ территоріи, съ увеличеніемъ населенія, съ усложненіемъ условій общественной жизни. Прежняя простота, несложность и общезвѣстность юридическихъ фактовъ и отношеній стала исчезать, а вмѣстѣ съ тѣмъ прежнія формы осуществленія правъ стали все больше и больше отсрывать возможность злоупотребленій. Тогда-то устанавливается требованіе, чтобы всѣ подобныя акты осуществленія правъ совершались тамъ, гдѣ лежитъ центръ общественной жизни—на форумѣ, предъ лицомъ того, кто является представителемъ общества съ одной стороны и блюстителемъ гражданского порядка—съ другой,—т. е. передъ магистратомъ. Такимъ образомъ, возникаетъ требованіе предварительнаго разсѣненія на *Pfändung* въ германскомъ правѣ, необходимости совершенія *manus injectio in iure*—въ правѣ римскомъ.

Магистратъ, однако, при этомъ отнюдь не является судьей: судить ему здѣсь не о чемъ. Какъ опять-таки совершенно справедливо говоритъ *Demelius* ³⁷⁾, въ древнемъ процессѣ истецъ ни о чемъ не жалуется магистрату, ни о чемъ его не проситъ: онъ просто осуществляетъ въ его присутствіи свое право или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ попытку его осуществить. „Er erstrebt dem Gegner gegenüber die Durchsetzung seines Rechts“.

Употребляя современные выраженія, мы могли бы сказать, что магистратъ присутствуетъ при этомъ отчасти въ роли нотаріуса, отчасти въ роли полицейскаго чиновника, который смотритъ затѣмъ, чтобы осуществленіе права (частный актъ) не перешло должныхъ границъ и тѣмъ не нарушило бы спокойнаго теченія общественной жизни.

---

³⁷⁾ Die Confessio. S. 41.

§ 3.

Legis actio sacramento.

Вопросъ о древнѣйшемъ значеніи sacramentum. Sacramentum, какъ присяга стороны. Теорія Danz'a, ея недостатки и попытки ея исправленія (H. Krüger, Schultze, Pfäzger). Анализъ ритуала l. a. sacramento и выводы относительно происхожденія и дальнейшего развитія этой формы.

—

Вспомогаясь дѣленіемъ на *jus* и *judicium* мы встрѣчаемся въ третьей формѣ древнеримскаго процесса—*legis actio sacramento*. Но если двѣ рассмотрѣнныя нами формы—*pignoris capio* и *manus injectio*—представляютъ много трудностей для современныхъ исследователей, то еще больше такихъ трудностей мы имѣемъ при *legis actio sacramento*.

Многіе изъ современныхъ писателей, впрочемъ, ограничиваются лишь общей, слухомъ характеристикою этой формы. *Legis actio sacramento* есть процессъ—парі; спорящіе стороны въ подтвержденіе своей правоты устанавливаютъ извѣстный залогъ (*sacramentum*), и сторона проигравшая терять его жалъ въ пользу государства. *Sacramentum*, т. обр., представляетъ изъ себя одинъ изъ видовъ т. н. *poenae foemere litigantium*, штрафовъ за неосновательное возбужденіе спора¹⁾.

Другимъ, однако, такое объясненіе кажется недостаточнымъ. *Legis actio sacramento* даже въ такомъ видѣ, какъ она изображена

---

¹⁾ Ср. *Keller*. Civilprocess § 13.—*Puchta*. Institutionen. Bd. II. § 161.—*Bethmann-Hollweg*. Civilprocess. Bd. I. S. 120.—*Rudorff*. Röm. Rechtsgeschichte. Bd. II. § 21 и н. др.

нать Гаеть, содержатъ въ себѣ столько странныхъ, но характерныхъ чертъ, что мысль несколько стремится проникнуть глубже этой внешней характеристики, стремится понять эту форму процесса по возможности въ связи съ вызвавшими ее реально-историческими условиями. Къ чему весь этотъ слогъ за слогомъ определенный ритуаль, который даже самымъ римлянамъ время республики казался только естественнымъ²⁾? Почему денежный залогъ посылъ для него, повидимому, неподходящее названіе *sacramentum*? Почему этотъ залогъ, какъ свидѣтельствуемъ Varro³⁾, полагался „ad pontem“, т. е. имѣлъ какое-то отношеніе къ каасѣ понтификовъ? и т. д., и т. д.

„Что теперь только ритуаль, то въ былые время имѣло серьезное значеніе; гдѣ былъ лишь куча пенья, тамъ, безъ сомнѣнія, когда-то горѣло“—такими словами одинъ изъ современныхъ писателей⁴⁾ характеризуетъ настроеніе, заставлявшее, конечно, не одного только автора этихъ словъ издумывать въ значеніе всѣхъ этихъ странныхъ черточекъ *legis actio sacramento*. Подъ вліяніемъ этого настроенія, о *legis actio sacramento* выросла, можно сказать, огромная литература, старавшаяся выиснить эту форму процесса по всѣмъ ея деталямъ. Мы ограничимъ въ этой литературѣ лишь славнѣйшія направленія.

Первую попытку поставить вопросъ о происхожденіи *legis actio sacramento* глубже и шире и при томъ до нѣкоторой степени на почвѣ сравнительнаго правовѣденія мы находимъ у Asverus'a⁵⁾. Наблюдая тотъ фактъ, что у германскихъ племенъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ способовъ разрѣшенія тяжбъ въ древнѣйшее время былъ поединокъ, Asverus наватъ на мысль, не есть ли и римскій процессъ *per sacramentum* отголосокъ того-же способа? Въ этой мысли укрѣпляютъ автора не только засвидѣтельствованные источниками случаи поединковъ у римлянъ, но въ особенности выраженіе *sacramentum*. Такимъ именемъ у римлянъ называлась прежде всего

²⁾ Cicero Pro Murena 12 26.

³⁾ Varro, De lingua latina. V. 180 (Bruns. Fontes. Scriptores, ed. 6. p. 56). Ea pecunia, quae in iudicium venit in litibus, sacramentum a sacro. Qui petebat et qui inficiabatur, de aliis rebus uterque quingenos aeris ad pontem deponebant, de aliis rebus item certo alio legitimo numero assum: qui iudicio vicerat, suum sacramentum e sacra auferbat, victi ad aerarium redibat.

⁴⁾ Gradenwitz. Zwangsvollstreckung und Urtheilssicherung, in Festgaben für Gneist. Berlin 1884. S. 284.

⁵⁾ Ueber die *Legis actio sacramenti*. 1837.

присяга солдаты. Смысль этой присяги, говорить *Asverus*, тотъ, что воинъ с.о. получаетъ отъ божества разрѣшеніе убивать непріятелей и освобождается отъ отвѣтственности предъ нимъ (божествомъ) за убійство. Если мы и при частномъ процессѣ встрѣчаемъ выраженіе *sacramentum*, то отсюда мы должны сдѣлать тотъ выводъ, что и здѣсь въ древности это выраженіе обозначало не сумму денегъ, а также пѣ-которую клятву сторонъ передъ поединкомъ, клятву, которая давала сторонамъ право безнаказанно убивать противника: такое же право, какое получали и воины, принесшіе *sacramentum*. Т. обр., заключаетъ *Asverus*, *legis actio sacramento* первоначально была не чѣмъ инымъ, какъ именно судебнымъ поединкомъ сторонъ; когда же впоследствии поединки были признаны явленіемъ антигосударственнымъ, то клятва замѣнилась положеніемъ известной суммы денегъ *ad pontem*, которая затѣмъ и терялась побѣжденнымъ противникомъ въ пользу казны въ видѣ штрафа, а самъ поединкомъ отразился лишь въ символическихъ дѣйствіяхъ *manum consensio*.

Предположеніе *Asverus'a* о возникновеніи *legis actio sacramento* изъ судебныхъ поединковъ въ послѣдующей литературѣ было единодушно отвергнуто⁶⁾; но данное имъ толкованіе *sacramentum*, какъ признаю, обратило вниманіе на этотъ вопросъ и вызвало скоро цѣлую массу дальнейшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Если *sacramentum* въ древности было присягой сторонъ, то какое значеніе имѣла эта присяга въ процессуальномъ спорѣ? Въ этомъ вопросѣ сосредоточивалась задача дальнейшихъ изслѣдованій.

Въ 1853 г. появилась работа *Stintzing'a*⁷⁾, въ которой авторъ по поводу природы древнѣйшаго *sacramentum* развиваетъ слѣдующую мысль. Слово *sacramentum* въ своемъ первоначальномъ значеніи обозначаетъ не что иное, какъ средство посвященія, то, что посвящается, обрекается—*ein Mittel zur Weihe, das Medium, durch welches man weicht*⁸⁾. Средства же эти могутъ быть различны. Однимъ изъ такихъ средствъ является клятва, торжественное призваніе божества, которымъ человекъ посвящаетъ божеству самого себя, всю свою личность,—и это обыкновенное средство обреченія носить по преимуществу на-

---

⁶⁾ Ср. рецензію *Huschke* въ *Bichters und Schneiders Jahrbücher*. Jahrgang 8. S. 672—677.

⁷⁾ Ueber das Verhältniss der *Legis actio sacramento* zu dem Verfahren durch *Spousio praedjudicialis*. S. 10 и сл.

zanie sacramentum. Но есть и другое sacramentum, при котором человекъ обрекаетъ не самого себя, а лишь избыточную часть своего имущества, которая передается въ руки жрецовъ. Такой именно характеръ имѣть и sacramentum при legis actio sacramento. Если кто-либо обращается къ предусмотрѣннымъ хранителямъ права и закона, жрецамъ, съ просьбой произнести приговоръ о его правѣ, то нѣтъ ничего естественнѣе, говорить Stintzing, какъ потребовать отъ него, чтобы онъ посвятилъ богамъ избыточную часть своего имущества. Такое посвященіе есть, слѣдовательно, средство вызвать противника на то же самое, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и юрисдикцію жрецовъ.

Гораздо болѣе ясный и послѣдовательный видъ получили, однако, эта теорія sacramentum, какъ признали, въ работахъ Danz'a *). По мнѣнію Danz'a, присяга сторонамъ также являлась первоначально лишь средствомъ вызвать процессъ и рѣшеніе спора компетентными властями. Если два частныя лица спорили между собой о томъ или иномъ правѣ, то, говоритъ Danz, вѣшаться въ этотъ споръ и рѣшить его своимъ приговоромъ въ древнѣйшее время было для магистрата или для pontifex'a, конечно, его правомъ, но едва-ли было его обязанностью. Если же, однако, стороны подтвердили свои претензіи обоюдною присягой, то здѣсь уже, несомнѣнно, одною изъ сторонъ была принесена ложная присяга, было совершено преступленіе противъ божества, которое impius facinus. При такихъ условіяхъ представитель и хранитель сакрального права, pontifex, не могъ уже оставаться равнодушнымъ; онъ уже долженъ былъ вѣшаться въ дѣло и разслѣдовать, кто изъ спорящихъ falsum iuravit. Сторона, оказавшаяся по разслѣдованію присягнувшей ложно, должна была подвергнуться такому или иному штрафу въ пользу оскорбленнаго божества для очищенія себя и всего общества отъ его vitium. Размеры этого штрафа (piamentum) первоначально, вѣроятно, опредѣлялись pontификами въ каждомъ конкретномъ случаѣ, а впоследствии были такепрояваны въ зависимости отъ цѣнности спорной вещи.

Подобное же воззрѣніе на sacramentum, какъ на присягу съ цѣлью вызвать юрисдикцію жрецовъ, высказалъ и *Iervitz* въ первомъ

---

*) Der sacrale Schutz im röm. Rechtsverkehr. 1859. Свою теорію Danz старается поддѣлать аналогіей съ некоторыми явленіями греческаго права (Jahrbuch des gem. deutsch. Rechts. Bd. V) и некоторыми новыми приложениями (Zeitschr. f. R. Geschichte. Bd. VI. 1867. Das Sacramentum und die lex Pinaria).

издании своего „Geist des röm. Rechts“⁹⁾. Въ древнемъ Римѣ, говорить онъ, было въ обычай тѣ договоры, для которыхъ не существовало формы, могущей придать имъ юридическую силу, подтверждать присягой и этимъ ставить ихъ подъ защиту религіи. Непослѣдовательное такое договоръ являлось нарушениемъ клятвы и естественно вызывало юрисдикцію понтификовъ. Обязаны-ли были послѣдніе въ такихъ случаяхъ безусловно привлечь виновника къ своему суду, какъ духовные суды среднихъ вѣковъ, этого Терпигъ утверждаетъ не рѣшается; во всякомъ же случаѣ говорить онъ, такой процессъ у понтификовъ могъ начаться, если на то были согласны обѣ спорящія стороны. Тогда каждая сторона принесла и въ то же самое время платала известную сумму денегъ *ad pontem*, и сторона проигравшая процессъ терила свой залогъ, какъ штрафъ или за совершеніе лжеприсяги или за ложное обвиненіе въ таковой.

Слѣва понтификовъ, какъ знатоковъ права, преимущество ихъ, какъ постоянной коллегіи, заставляло спорящихъ и во многихъ другихъ случаяхъ, гдѣ не было договора, заранее подписаннаго клятвой, стремиться къ тому, чтобы сдѣлать споръ подлежащимъ компетенціи понтификовъ. А этого можно было достигнуть, принося присягу теперь въ видѣ подтвержденія каждой стороной своихъ тяжбныхъ претензій. Это и есть *legis actio sacramento* въ ея древнѣйшемъ видѣ. Позже эта форма была перенесена на свѣтскіе суды, но при этомъ она потеряла, конечно, свой первоначальный религіозный характеръ; *sacramentum* превратилось въ простой залогъ, который идетъ теперь уже въ кассу государства.

Такимъ были взгляды Терпига въ первомъ изданіи. Но уже во второмъ изданіи¹⁰⁾ (1866 г.) Терпигъ значительно измѣнилъ свои воззрѣнія по причинамъ, которыхъ онъ, однако, не излагаетъ. Онъ оставляетъ теперь мысль о *sacramentum*, какъ о присягѣ, вовсе; участие же понтификовъ и процессуальный залогъ онъ объясняетъ теперь такъ. Стороны и безъ присяги могли обращаться къ понтификамъ съ просьбой разрѣшить ихъ споръ. Обиліе такихъ обращеній заставляло коллегію избирать ежегодно съ этой цѣлью одного изъ своей среды. Но такъ какъ этотъ трудъ отвлекалъ избраннаго отъ его непосредственной службы божеству, то поэтому, говорить Терпигъ,

⁹⁾ *Ibid.* I. S. 263—268; перепечатано и во 2-мъ изданіи S. 302 и сл.

¹⁰⁾ *Ibid.* I. S. 297 и сл.

было только справедливо, чтобы боги были за это вознаграждены. Такимъ вознагражденіемъ и являлась summa sacramenti стороны, проигравшей процессъ.

Тѣмъ не менѣе идея *Stintzing'a* и *Danz'a* о древнѣйшемъ sacramentum, какъ о присягѣ, съ теченіемъ времени приобретала себѣ все большее и большее количество сторонниковъ, хотя каждый изъ этихъ послѣднихъ поддерживать эту идею тѣмъ или другимъ модификаціямъ. Къ числу ученыхъ этой категоріи, кромѣ упомянутыхъ уже раньше *Schultze* и *H. Krüger'a*, принадлежать, напр., *Karlowa*¹¹⁾, *Huschke*¹²⁾, *Kuntze*¹³⁾, *Sohm*¹⁴⁾, *Eisele*¹⁵⁾; изъ французскихъ ученыхъ—*Girard*¹⁶⁾, *Cuyq*¹⁷⁾ и др.¹⁸⁾. И мы съ своей стороны думаемъ, что противъ основной мысли этой теоріи, т. е. противъ того, что sacramentum было когда-то присягой, едва-ли могутъ быть сдѣланы какія-либо серьезныя возраженія. Напротивъ, при этомъ предположеніи становится понятнымъ и названіе sacramentum, и положеніе его ad pontem. При этомъ предположеніи, дагѣе, находятъ себѣ полное и прочное объясненіе тотъ несомнѣнный фактъ, что pontифики являлись древнѣйшими юристами; одно установленіе календари и забота о непрекращеніи семейныхъ сагга едва-ли бы доставило pontификамъ такое всеобъемлющее значеніе въ области гражданскаго права, какое они, по свѣдѣтельству источниковъ, имѣли.

Но лишь основная мысль этой теоріи можетъ быть признана правильной: иное дѣло то дальнѣйшее развитіе ея, которое мы находимъ у *Stintzing'a*, *Danz'a* и др.; здѣсь многое при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается въ высокой степени сомнительнымъ.

Какъ было отмѣчено, *Stintzing*, *Danz*, *Лерингъ* (въ первомъ изданіи) и др. смотрятъ на присягу, какъ на средство для стороны имѣвать юрисдикцію pontификовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще открыть

¹¹⁾ *Legisaktionen*. S. 17 и сл.

¹²⁾ *Multa*. S. 361, 367, 390 и др.

¹³⁾ *Cursus des röm. Rechts*. 2-te Aufl. 1879. S. 89.

¹⁴⁾ *Institutionen*. § 35 Ann. 2.

¹⁵⁾ *Beiträge zur röm. Rechtsgeschichte* (1896). Das Sacramentum und die Lex Pinaria. S. 217 и сл.

¹⁶⁾ *Mannet*. (1898). p. 962.

¹⁷⁾ *Institutions juridiques des romains*. (1891). p. 409.

¹⁸⁾ Въ Россіи однако эта теорія находитъ себѣ гораздо менѣе сочувствія. Ср. *Муромцевъ*, *Гражд. право древняго Рима* (1883) стр. 78 и сл., *Ефимовъ*, *Лекціи по Исторіи рим. права* (1895), стр. 428, *Богдановъ*, *Учебникъ Исторіи рим. права* (1895), стр. 301, которые всѣ слѣдуютъ *Лерингу* въ его 2-мъ изданіи.

спору путь судебного процесса, который без этого для сторонъ былъ бы вовсе невозможенъ.

По поводу этого въ литературѣ было уже неоднократно высказано сомнѣніе: при такомъ предположеніи оказывалось бы, что для того, чтобы могъ возникнуть процессъ, по крайней мѣрѣ, одно изъ спорящихъ лицъ должно было принести ложную присягу, совершить клятвопреступленіе. Стороны желаютъ покончить дѣло путемъ суда, но для нихъ нѣтъ иного средства найти себѣ судью и вызвать этотъ судъ, какъ путь обоюдной клятвы и, слѣдовательно, путь непремѣннаго клятвопреступленія со стороны, по крайней мѣрѣ, одного изъ спорящихъ. Но возможно-ли это? Возможно-ли, чтобы иначе, т. е. безъ такой опасной (по возрѣвшимъ всякой древности) игры съ гнѣвомъ боговъ, нельзя было найти себѣ суды и рѣшенія²⁹⁾?

Но еще болѣе противъ указанной теоріи говорить, какъ намъ кажется, слѣдующее соображеніе. Если стороны путемъ обоюдной присяги могли вызвать судъ и въ частности судъ понтификальскій, то тогда совершенно непонятно все производство *in iure*: зачѣмъ оно? Зачѣмъ стороны должны предварительно идти къ магистрату? Вѣдь и присяга сторонъ нѣ въ *jus*, казалось-бы, ставила понтификальскій необходимость разслѣдовать, на чьей сторонѣ есть *imprium facinus*, т. е. разобрать дѣло по существу³⁰⁾? Съ другой стороны, древнѣйшій магистратъ, т. е. царь, какъ извѣстно, соединялъ въ своемъ лицѣ и званіе верховнаго жреца; разъ стороны явились къ нему и облекли свой споръ въ дѣйствительныя присяги, то вѣдь самъ царь могъ бы разслѣдовать и сакрально-правовой вопросъ объ *imprium facinus*, и передача дѣла *in iudicium* была бы совершенно ненужна.

Иными словами, съ точки зрѣнія этой теоріи раздвоеніе процесса на *jus* и *iudicium* оказывается совершенно непонятнымъ; или тѣ или другая стадія является совершенно ненужною.

Недостатки теоріи Danz'a вызвали, конечно, попытки ея исправленія. О двухъ изъ нихъ—*Schultze* и *H. Krüger'a*—мы упоминали уже выше при общемъ изложеніи ихъ ученій о характерѣ древнеримскаго процесса. Мы видѣли, что, по мнѣнію *H. Krüger'a*, присяга (*sacramentum*) явилась не средствомъ вызвать прісудительную по-

²⁹⁾ Ср. *M. Voigt. Münch. krit. Vierteljahrschrift. Bd. XIX (1877). S. 138, Schultze. Privatrecht u. Process. S. 511, Pfäfer. Die l. a. sacramento S. 16.*

³⁰⁾ Мы упоминали выше, что по поводу теоріи Германа *Pfäfer* (l. cit. S. 10) сказано: „Mit dieser Hypothese ins Gericht zu gehen erscheint überflüssig“. Эти слова, какъ видно, могутъ быть сказаны вообще по поводу изложеннаго ученія.

обще, а лишь способом доказательства: по своему сакральному характеру она должна была вызывать и сакральную проверку, но в эпоху царей эту проверку производил сам царь. Когда же с установлением республики духовная власть была отдѣлена отъ свѣтской, тогда возникла необходимость прежде до рѣшенія духовными властями вопроса о томъ, *utrius sacramentum iustum sit*, приостанавливать производство у магистрата. Такимъ-то образомъ и возникло раздѣленіе процесса на двѣ стадіи — *ius* и *judicium*. По окончаніи производства *in iudicio* дѣло должно было снова выразиться къ магистрату, который на основаніи приговора понтификовъ постановлялъ свое окончательное рѣшеніе въ видѣ *addictio*.

Гипотеза II. Krüger'a устраниваетъ, конечно, тѣ возраженія противъ теоріи Danz'a, которыя были сдѣланы выше: но мы упоминали уже, что измѣреніе Krüger'a на производство *in iudicio*, какъ на производство истинное, предполагающее возвращеніе дѣла къ магистрату, — рѣшительно не имѣетъ никакой опоры въ источникахъ и даже болѣе, противорѣчить всему характеру того, что мы знаемъ изъ описаній Гая и др. о дремтерийскомъ процессѣ.

По мнѣнію *Schultze*, присяга (*sacramentum*) являлась опять-таки не средствомъ вызвать юрисдикцію понтификовъ, а необходимымъ клятвеннымъ подтвержденіемъ того приговора стороны о своемъ правѣ, который усматривается *Schultze* въ дремтерийской *legis actio*. Лишь по необходимости — въ слѣдствіе наличности двухъ другъ другу противорѣчающихъ, но клятвенно подтвержденныхъ приговоровъ — возникала юрисдикція жрецовъ. Съ точки зрѣнія этого ученія опять-таки понятно раздвоеніе процесса; но это ученіе, помимо уже раньше указанныхъ соображеній, размѣнается о слѣдующій вопросъ. Если *sacramentum* есть присяга, которой долженъ быть подтвержденъ для своей полной юридической силы всякій приговоръ лица о своемъ правѣ, то почему тогда мы не видимъ подтвержденія присягой приговора стороны о своемъ правѣ при другихъ формахъ *legis actio* — напр. при *manus injectio*?

Новѣйшую попытку исправить теорію Danz'a и вывести съ тѣмъ нарисовать полный историческій *renesans* *legis actio sacramento* пред-ставляетъ попытка *Pflüger'a* ²¹⁾.

---

²¹⁾ Die *Legis actio sacramento*. Ein Versuch auf dem Wege der Rechtsvergleichung. 1899.

Pfäger считает утверждение многих, что деление процесса на *jus* и *judicium* есть исконный принцип римского судопроизводства, недоказанным и ошибочным. Не столько свидетельством Цицерона, сколько опыту, сколько внутренняя вѣроятность и логика исторического развития говорить въ пользу того, что царь соединял въ своихъ рукахъ и *jus* и *judicium*, самъ рассматривалъ доказательства и самъ же произносилъ свой приговоръ²¹⁾. И только мало по малу изъ этого единого процесса царскаго періода развился тотъ процессъ *per sacramentum*, описание котораго мы имѣемъ.

Въ древнѣйшее время царь самъ разбираетъ дѣло и самъ постановляетъ свой приговоръ. Доказательство этого Pfäger находитъ въ словахъ, съ которыми послѣ „*mittite amb* hominem“ обращается къ отиѣтчику истецъ: „*postulo anne dicas, qua ex causa vindicaveris*“, и въ отвѣтъ отиѣтчика: „*jus feci, sicut vindictam imposui*“. Вопросъ истца, по мнѣнію Pfäger'a, заключаетъ въ себѣ вопросъ о *causa acquirendi*, отвѣтъ же отиѣтчика на этотъ вопросъ является не чѣмъ инымъ, какъ полнымъ отказомъ отъ всякаго отвѣта. Въ эпоху позднѣйшаго процесса *per sacramentum*, т. обр., весь этотъ диалогъ стороны, очевидно, не имѣетъ поканого смысла, и нахождение его въ ратушѣ является совершенной загадкой. Но эта загадка разбирается тѣмъ, что прежде—въ эпоху царей—здѣсь имѣлся въ виду дѣйствительный отвѣтъ отиѣтчика по существу и затѣмъ дѣйствительный разборъ дѣла²²⁾.

Если отиѣтчикъ указывалъ на пріобрѣтеніе спорной вещи отъ какого-либо *auctor*'а, то этотъ *auctor* долженъ былъ выступить въ процессъ. Подобное примеченіе *auctor*'а, по свидетельству Цицерона, было возможно еще въ его время. Очевидно, что въ такомъ случаѣ въ *legis actio sacramento* имѣлся дѣйствительный отвѣтъ по существу выѣта *rixarum* и ничего не говорящаго „*jus feci*“. Но, съ другой стороны, также очевидно, что случай этотъ есть не нововведеніе позднѣйшаго времени, а лишь наследствіе эпохи царей²³⁾.

Однако, и въ эпоху царей возможно было отказъ отъ отвѣта и простое замечаніе „*jus feci*“. Это именно тогда, когда отиѣтчикъ могъ сослаться на *damnum*, на *usus*. Тогда уже неимѣть было смы-

²¹⁾ l. cit. S. 20—21.

²²⁾ *ibid* S. 32—33.

²³⁾ *ibid* S. 37.

даться на auctoritas по—подобно тому какъ въ нѣкоторыхъ древне-германскихъ системахъ ссылака отвѣтника на „*gesichte Gewehrte*“ нуждались еще въ подтвержденіи присягой,—также точно и въ римскомъ правѣ ссылака на данность требовала присяги. Эта присяга и есть *sacramentum*. Въ случаѣ принесенія этой присяги весь процессъ тѣмъ и оканчивался; присяга имѣла рѣшительное, для отвѣтника оправдывающее значеніе²⁵⁾.

Истецъ въ такомъ случаѣ могъ, однако, (опять-таки подобно древне-германской *Eidesschelte*) опорочить присягу отвѣтника. Но такъ какъ онъ этимъ подвергалъ послѣдняго риску быть обвиненнымъ въ лже-присягѣ и быть обвиненнымъ *homo sacer*, то очевидно говорить *Pflichter*, что и истецъ съ своей стороны долженъ былъ въ противнѣе подвергнуть себя такому же риску, т. е. въ свою очередь также присягнуть. Тогда возникалъ процессъ о лживости присяги той или другой стороны, процессъ, который конечно („*wir brauchen es nicht weiter zu begründen*“—прибавляетъ *Pflichter*) былъ уже дѣломъ хранителей сакрального права—понтификовъ²⁶⁾.

Въ этой возможности опороченія присяги и лежало начало дальнейшей эволюціи римскаго процесса. Магистраты (тогда еще консулы) естественно стремились по возможности облегчить себя и, не выпуская изъ своихъ рукъ высшаго веденія юрисдикціи, по крайней мѣрѣ сбросить съ себя кропотливую работу разбора доказательствъ и составленія рѣшеній. Съ другой стороны и сами спорящіе тяготѣли болѣе къ понтификамъ, куда влекло ихъ, какъ уже указалъ Терентій, преимущественно постоянная коллегія, въ которой путемъ практики накоплялась съ теченіемъ времени прочная юридическая традиція²⁷⁾.

Но такъ какъ компетенція понтификовъ ограничивалась лишь случаями *Eidesschelte*, то для того, чтобы по всѣхъ прочихъ случаяхъ достигнуть передачи дѣла въ руки этихъ послѣднихъ, оказывалось необходимымъ совершить процессъ передъ магистратомъ, принесеніе присяги и ея опороченіе по крайней мѣрѣ для вида. Величье этого изъета дѣйствительной присяги стали допоздноваться „*мнужественной клятвой*“ (*Vieheid, Geldeid*)²⁸⁾.

Конечно, эта эволюція совершилась не сразу. Первоначально,

---

²⁵⁾ *ibid.* S. 46—50.

²⁶⁾ *ibid.* S. 53—54.

²⁷⁾ *ibid.* S. 51.

²⁸⁾ *ibid.* S. 55.

иногда, магистратъ передавалъ pontificibus для только особенно трудныя и только съ согласія стороны. Позже затѣмъ, быть можетъ, признавалось достаточнымъ желаніе одной стороны, и лишь наконецъ магистратъ сталъ безусловно отказывать въ старомъ порядкѣ производства Закона XII т., повидимому, приходится какъ разъ на этотъ переходный періодъ ²⁹⁾.

Какъ ни много остроумія заключается и въ этой повѣстной попыткѣ разобраться въ исторіи legis actio sacramento, тѣмъ не менѣе и она, какъ намъ кажется, не можетъ быть признана удачною.

Совершенно вѣрно, конечно, что вопросъ *pastulo anme dicas etc.* и отвѣтъ *jus feci* въ позднѣйшей legis actio sacramento кажутся лишь безсодержательнымъ діалогомъ. Вѣроятно также и то, что на этомъ мѣстѣ возможно было указаніе auctor'a и его вступленіе въ процессъ. Но это единственное, что можно изъ всего ученія Rfänger'a считать за предположеніе сколько-нибудь обоснованное. Rfänger, однако, идетъ гораздо дальше, причемъ съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ его построенія дѣлаются все болѣе и болѣе произвольными.

Если отвѣтчикъ могъ опереться на давностное владѣніе, говорить Rfänger, то онъ на вопросъ истца о *causa vindicandi* могъ отвѣтить простымъ „*jus feci*.“ но обязанъ былъ подтвердить эту свою ссылку на давность присягой. Въ источникахъ, однако, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни малѣйшихъ намеконъ на то, чтобы давность нуждалась еще въ присягѣ. Т. обр. это первое утвержденіе Rfänger'a, имѣющее большое значеніе для всѣхъ его дальнѣйшихъ предположеній, оказывается совершенно произвольнымъ.

Переходъ отъ неразрывнаго процесса царскаго періода къ legis actio sacramento, какъ изложено выше, представляется Rfänger'у въ слѣдующемъ видѣ: желая облегчить себя, магистратъ отказывался выслушивать объясненія и доказательства стороны и этимъ принуждалъ ихъ къ принесенію присяги, чтобы добиться приговора отъ pontificibus. Rfänger не замѣчаетъ при этомъ, что онъ впадаетъ въ существенное противорѣчіе съ самимъ собой.

Обсуждая теорію Danz'a, въ силу которой присяга являлась средствомъ для того, чтобы дать спору ходъ законнаго судебного процесса. Rfänger высказывается этой теоріи зоріанціе за то, что съ ея точки зрѣнія для предоставленія спору нормальнаго хода

²⁹⁾ *ibid* S. 56.

непремѣнно нужно было совершить клятвенное преступленіе. Могъ-ли допустить что-либо подобное извѣстный религиозный духъ древнихъ римлянъ? Никогда, отвѣчаетъ Rñnger³⁰). Но развѣ не къ тому же самому приводитъ и собственная гипотеза Rñnger'a? Магистратъ отказывается въ разборѣ дѣла и этимъ заставляеть стороны — съ единственною цѣлью вызвать юрисдикцію понтификовъ и облегчить себя — принести двѣ противоположныя присяги, изъ которыхъ одна, конечно, непремѣнно должна быть ложною!

Затѣмъ, допустимъ даже, что самихъ спорящихъ влекло къ понтификамъ преимущество постоянного суда, ихъ слава, какъ юристовъ и т. д. Но дѣло въ томъ, что это преимущество должно было покупаться въ дѣйствительности дорогою цѣной — цѣной потери одною или другою изъ сторонъ суммы залога. Легко сказать, что въ этомъ рискѣ потери лежала гарантія серьезности иска и возраженій, но въ дѣйствительности дѣло далеко не такъ просто. Стороны могли быть исполнѣ добросовѣстно убѣждены въ своемъ правѣ, но для нихъ далеко не все равно, разберутъ-ли и рѣшатъ-ли ихъ дѣло безъ залога или съ залогомъ. Несмотря на всю свою убѣжденность, каждая сторона всегда можетъ рассчитывать, что при разборѣ, особенно въ виду извѣстнаго формализма древнѣйшаго права, окажется, что ей упущена та или другая формальность, что она, слѣдовательно, будетъ признана неправой и потеряетъ залогъ. Прибавимъ къ этому еще необходимость предварительнаго представленія залога³¹), — и мы убѣдились, что предполагаемая Rñnger'омъ замѣна стараго процесса, процесса безъ затрудненій и риска, процессомъ *per sacramentum* являлась для сторонъ замѣной совершенно невыгодной. Это было бы не облегченіе и улучшеніе процесса, а его существенное ухудшеніе. А при такихъ условіяхъ едва-ли стремленіе магистрата облегчить себя могло бы одержать побѣду надъ противоположными и весьма сильными интересами гражданъ.

Т. обр. и попытка Rñnger'a не даетъ вѣроятной картины развитія *legis actio sacramento*, и вопросъ остается открытымъ. Гдѣ же, однако, искать разрѣшенія этого вопроса?

По нашему мнѣнію, единственно прочнымъ базисомъ для дальнейшихъ разысканій въ области нашего вопроса можетъ служить

---

³⁰) *ibid.* S. 16.

³¹) Ср. по этому поводу *Ihering. Scherz und Ernst.*

идея древнѣйшаго самоуправства и идея третейскаго суда,—отправные пункты, честь установленія которыхъ принадлежитъ безусловно Герингу.

Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ сравнительнаго изученія правовой исторіи является установленіе того факта, что въ древнѣйшее время защита правъ есть дѣло частное самихъ заинтересованныхъ лицъ. Еще только зарождающаяся государственная власть ограничивается на первыхъ порахъ выдачами выѣздовой охраны и въ отношеніи частныхъ лицъ между собою совершенно не вмешивается.

Это касается одинаково какъ области уголовныхъ правонарушеній, такъ и области гражданскихъ правъ, тѣмъ болѣе, что въ древнѣйшее время объ эти области, какъ извѣстно, рѣзко не разграничиваются. Въ области уголовного права древнѣйшими періодами является періодъ частной мести, въ области гражданского права ему соответствуетъ періодъ чистаго самоуправства. И тамъ и тутъ споръ разрѣшается физическою борьбою спорящихъ при участіи ихъ родственниковъ, пособниковъ и т. д. Общепризнаннымъ отраженіемъ этого порядка въ римскомъ процессѣ являются *rigoris capio* и *in ius injectio*.

Однако, уже въ эту эпоху часты случаи рѣшенія споровъ путемъ *компромисса* между спорящими. Такого происхожденія, какъ извѣстно, въ области уголовного права т. н. частныя композиціи. Другимъ способомъ полюбовнаго, мирнаго улаженія споровъ является *третейскій судъ*. Но и то и другое зависитъ отъ согласія сторонъ и потому, несмотря на свою обычную распространенность въ жизни, является исходомъ необязательнымъ.

Когда упрочивался и окрѣпнѣвшая государственная власть начинаетъ обращать вниманіе на внутреннее устройство государства, реальныя распри частныхъ лицъ, ихъ семей и родовъ по поводу всякихъ (уголовныхъ и гражданскихъ) обидъ должны показаться ей, безъ сомнѣнія, явленіемъ нежелательнымъ. И вотъ тогда-то на мѣсто прежняго, неорганизованнаго порядка правовой защиты устанавливается новый.

При этомъ, однако, мысленныя различныя дороги. Большинство извѣстныхъ намъ народовъ, запрещая месть и самоуправство, создаютъ постепенно особые судебные органы, которые и рѣшаютъ споры авторитативно, выводя свою компетентность и силу не изъ какого-

либо соглашеніи сторонъ, а изъ понятія государства и власти. Говоря иначе, государственная власть, запрещая самоуправство, сама беретъ на себя рѣшеніе споровъ и защиту поправленныхъ правъ.

Римскій народъ, однако, избралъ себѣ, какъ справедливо замѣтилъ уже Іерингъ, иной путь — не путь созданія государственныхъ судовъ, а путь усвоенія и обобщенія института третейскихъ судовъ.

Іерингъ, Bernhöft и др., высказывал эту мысль, представляютъ себѣ этотъ переходъ къ новому гражданскому строю такъ: частныя лица все чаще и чаще стали набирать въ третейскіе суды или магистратовъ или понтификовъ, и такимъ путемъ мало по малу развился государственный судъ, на которомъ, однако, остался отпечатокъ его происхожденія изъ суда третейскаго.

Мы говорили уже, что при такомъ предположеніи должны были бы развиться или суды магистратовъ или суды понтификовъ или и тѣ и другіе параллельно, но мы не получили бы соединенія въ одномъ и томъ же процессѣ участія и тѣхъ и другихъ, не получили бы и дѣленія процесса на *jus* и *judicium*.

Намъ кажется, напротивъ, что уже самый ритуалъ *legis actio sacramento* содержитъ въ себѣ лепныя отложенія совершенно иного историческаго развитія; надо только отнестись къ этому ритуалу внимательнѣе.

Ритуалъ этотъ, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ³²⁾. Истецъ, касался одной рукой спорной вещи и затѣмъ накладывая на нее палку (*festuca*), которую онъ держитъ въ другой рукѣ, произноситъ слѣдующую формулу:

„Nunc ego hominem ex iure Quiritium meum esse aio secundum suam causam.

Sicm dixi ecce tibi vindictam imposui“.

Затѣмъ тоже самое повторить отвѣтчикъ. Но тутъ выступаетъ на сцену магистратъ и отдаетъ свое приказаніе:

„mittite ambo hominem!“

Какой смыслъ имѣетъ все это? Смыслъ этотъ настолько очевиденъ, что едва-ли даже можетъ возникнуть сомнѣніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію (и въ настоящее время это, кажется, всѣми

---

³²⁾ Gai. IV. 16.

признано), что *vindicatio* и *contravindicatio* представляют собою пассивное заявление сторонами своих претензий, причем наложение *vindicta* обозначает их готовность поддержать эти претензии и осуществить их собственной силой. Т. обр. стороны стоят теперь друг против друга, готовые к бою. В этот то моментъ выступает магистратъ и своимъ повелѣніемъ останавливаетъ готовую разыграться борьбу.

Подобно тому, какъ въ народныхъ эпосахъ въ какомъ-либо драматическомъ событіи отражается иногда цѣлый періодъ народной жизни, такъ же точно и въ приведенной сценѣ отражается цѣлый знаменательный переворотъ въ гражданской жизни римскаго общества.

Въ ту древнѣйшую эпоху, когда, какъ сказано, государственная власть еще не выѣшались изъ частные споры отдѣльных лицъ, защита правъ совершалась въ формѣ самоуправства, въ формѣ реальной борьбы спорящихъ. Эта эпоха отразилась въ *vindicatio* и *contravindicatio*.

Но государственная власть сознала, наконецъ, всю несовѣстимость такого порядка вещей съ мирною жизнью общества, увидѣла необходимость его прекратить. И вотъ первую, непосредственную задачу государственной власти въ такихъ случаяхъ является слѣдить за возникающими спорами и пресѣкать въ самомъ началѣ возгорающійся бой. Этотъ моментъ и запечатлѣлся въ „*mittite ambo hominem!*“

Если вещь была недвижимая, то, какъ извѣстно, совершался еще предварительно актъ *manus iniectio*. Этотъ актъ обыкновенно объясняютъ такъ, что первоначально и стороны со своими пособниками и магистратъ отправлялись на самый спорный участокъ, и тамъ жатѣмъ совершался весь ритуаль *legis actio*. Но, конечно, все это путешествие предпринималось первоначально не для ритуала: магистратъ шелъ потому, что на спорномъ участкѣ тогда была разыграться борьба сторонъ, и онъ желалъ и долженъ былъ ее предотвратить. Магистратъ, т. обр., слѣдитъ за возникающими спорами, спѣшитъ каждый разъ на мѣсто дѣйствія, чтобы своею властью охранить спокойное теченіе общественной жизни, чтобы своимъ своевременнымъ приказаніемъ соблюсти общественный миръ.

„Ходъ *vindicatio*, совершенно справедливо говорить (*Gradenwitz*³³⁾,

³³⁾ Zwangsvollstreckung und Urtheilssicherung въ Festgaben für Gneist. 1888. S. 284.

есть ходъ борьбы, которую прекращаетъ начальство. Именно такъ всегда изображается въ драмахъ ссора, гдѣ князь застаётъ спорящихъ на мѣстѣ. Seius и Titius спорятъ объ участкѣ земли, который лежитъ между владѣніями обояхъ; каждый желаетъ овладѣть этимъ участкомъ и съ этою цѣлью является на мѣсто имѣстѣ съ друзьями. Послѣ словесныхъ препирательствъ дѣло доходить до драки; объ этомъ доносить царю; царь ѣдетъ на мѣсто въ своей колесницѣ и свита разнимаетъ дерущихся“.

Итакъ, борьба сторонъ прекращена. Что происходитъ далѣе? Опустивъ festuca, истецъ произноситъ: „postulo anne dicas, qua ex causa vindicaveris“, на что отвѣтникъ заявляетъ: „ius feci, sicut vindictam imposui“.

Pflüger видитъ въ этихъ словахъ отриженіе прежняго спора по существу, за которымъ должно было послѣдовать приведеніе доказательства, подтверка ихъ и рѣшеніе царя. Но вопросъ о causa и даже возможный отгѣтъ на него еще не доказываютъ того, что царь разбираетъ и рѣшаетъ дѣло; въ ритуалѣ нѣтъ на это никакихъ указаній. Намъ кажется, что этотъ діалогъ есть отложеніе дальнѣйшихъ словопреній между самими сторонами, попытка ихъ прійти еще ко взаимному соглашенію и примиренію. Переговоры эти могли дѣйствительно принести къ соглашенію, и тогда дѣло, конечно, прекращалось: та или другая сторона отступалась отъ своей претензіи. Но примиреніе могло не состояться: отвѣтникъ выставляетъ на своемъ правѣ, что выражается въ его словахъ: „ius feci, sicut vindictam imposui“; что же далѣе?

„Quando tu injuria vindicavisti, D aeris sacramento te provoco“, говоритъ истецъ.

— „Et ego te“, возражаетъ отвѣтникъ.

Происходитъ принесеніе sacramentum, т. е. въ древнѣйшее время присяги, послѣ чего слѣдуютъ litiscontestatio, vindiciarum datio и т. д.

Т. обр., если послѣдняя попытка сторонъ прійти къ мирному соглашенію не убиѣчалась успѣхомъ, то магистратъ (или царь) самъ отнюдь не вступаетъ въ дѣло и не беретъ на себя разрѣшенія спора. Раздѣливъ стороны, прекративъ борьбу сторонъ, онъ выполнялъ свою ближайшую задачу— не допустить нарушенія мира;—этимъ его роль въ частномъ спорѣ сторонъ кончена (оставляя въ сторонѣ необходимость регулировать владѣніе спорной вещью на время процесса).

Но что остается теперь сторонамъ? Путь физической борьбы и самоуправства имъ отрѣзанъ собственнымъ приказаніемъ магистрата, и имъ остается только одно—поступить такъ, какъ поступали во многихъ случаяхъ и раньше, когда по тѣмъ или другимъ соображеніямъ сами стороны считали физическую борьбу нежелательной,—т. е. *всплунуть на нутъ третейскаго разбирающагося*. Это они действительно и дѣлають, принеся присягу и такимъ путемъ создавая надъ собой компетенцію духовнаго суда.

Не попадетъ-ли, однако, и наша гипотеза на тотъ же подводный камень, о который разбился предыдущій: не выходитъ-ли и съ нашей точки зрѣнія такъ, что магистратъ принуждаетъ этимъ самымъ кого-либо изъ спорящихъ совершить лжеприсягу? Нискоимъ образомъ. Онъ вообще принуждаетъ спорящихъ только отказаться отъ самоуправства и борьбы, предоставляя зѣмъ сторонамъ устроиваться, какъ хотятъ.

Если истецъ настолько увѣренъ въ своемъ правѣ, что можетъ принести присягу, то онъ совершитъ *provocatio sacramenti*; если же увѣренъ, то ему придется отказаться отъ иска. Точно такъ же и отвѣтчикъ: если онъ чувствуетъ себя въ силахъ подкрѣпить свое утвержденіе присягой, то онъ отвѣтитъ истцу посредствомъ *sacramentum* съ своей стороны; если нѣтъ, ему придется промолчать, и тогда мы будемъ имѣть тѣ же послѣдствія для него, какъ и при *confessio*—т. е. потерю иска.

Конечно, во многихъ случаяхъ для сторонъ было бы предпочтительнѣе вести процессъ *sine periculo*—т. е. безъ риска совершить клятвопреступленіе или позднѣе потерять залогъ; и здѣсь-то, по нашему мнѣнію, лежитъ причина возникновенія четвертой формы *legis actio*—*legis actio per iudicis postulacionem*³⁴⁾, о которой мы, впрочемъ, имѣемъ свѣдѣнія еще болѣе скудныя, чѣмъ о всѣхъ предыдущихъ.

³⁴⁾ Вопросъ о происхожденіи и сферѣ приженія *l. a. per iudicis postulacionem*, какъ извѣстно, очень споренъ. По мнѣнію однихъ, къ такой формѣ ведутъ только *arbitria* (Keller. Civilprocess. § 17, B.-Hollwag. Civilprocess. § 46. S. 165). По мнѣнію другихъ, къ этой формѣ были способны и *judicia stricta in personam* (Karlson. Legisaktionen. S. 57, Schmidt въ Zeitschr. d. r. Sav.-St. Bd. II, 1881. S. 154, Wlassak. Röm. Prozessgesetze. Bd. I. S. 105). Наконецъ, третьи думаютъ, что это была общаѣ факультативная форма, применимая даже при *actiones in rem*, если обѣ стороны были согласны повести дѣло *sine periculo*, т. е. безъ *sacramentum* (Huschke. Mülh. S. 397). Вообще литературу вопроса см. у Schmidt'a и Keller'a, l. cit.

Если мы теперь бросимъ ретроспективный взглядъ на основные спорные вопросы *legis actio sacramento*, то всё они, какъ намъ кажется, съ нашей точки зрѣнія выходить себѣ вполне удовлетворительное разрѣшеніе: и связь *sacramentum* съ сакральнымъ правомъ; и участіе понтификовъ, и дѣленіе процесса на *jus* и *judicium* и третейскія черточки всего римскаго процесса.

Какъ мы видѣли выше, Іерингъ и др. предполагали, что участіе магистрата въ процессѣ выросло изъ того, что стороны обращались къ нему, какъ къ лицу, пользующемуся общими довѣріемъ, съ просьбой разрѣшить ихъ споръ, выбрали его своимъ третейскимъ судьей. Мы видимъ теперь, что это невярно. Магистрата не просятъ; онъ вмешивается самъ съ цѣлью прекратить физическую борьбу сторонъ. вмешивается въ силу своей власти и должности. Но и только. Представители зарождающейся государственной власти вовсе не считаютъ себя призванными и обязанными рѣшать частные споры. Своею задачей они ставили только охраненіе общественнаго мира и спокойствія и потому вмешивались въ эти споры лишь постольку, поскольку эти послѣдніе грозили общественному миру. Поэтому и ихъ присутствіе въ такихъ случаяхъ необходимо лишь до тѣхъ поръ, пока споръ не разрѣшается такъ или иначе установленіемъ между сторонами соглашения о третейскомъ судѣ. Это соглашеніе совершается въ моментъ *litiscontestatio*, и съ этого момента роль магистрата окончена, дѣло переходитъ во вторую стадію—*judicium*.

Въ этой второй стадіи древнѣйшими судьями являлись, безъ сомнѣнія, понтифики. Но уже теченіе исторической эпохи происходитъ постепенная секуляризація процесса: рядомъ съ сакральной *legis actio sacramento* появляется свѣтская *legis actio per judicis arbitrive postulationem*, учреждаются свѣтскія судебныя коллегіи *decemviri* и (гораздо позже) *centumviri*, правда, съ извѣстными спеціальными компетенціями. Наконецъ, секуляризуется и самая *legis actio sacramento*: *sacramentum* изъ присяги превращается въ простой залогъ, который идетъ теперь уже въ свѣтскую казну; судьей *in judicio* назначается свѣтское лицо (*judex privatus*). Отъ прежняго—юрисдикціоннаго—вліянія понтификовъ остается лишь ихъ теоретическое вліяніе, какъ юристовъ; но и этому вліянію наносится ударъ обнародованіемъ *Jus civile Flavianum*. Правда, обо всѣхъ этихъ событіяхъ, о ихъ хронологической послѣдовательности, ихъ связи съ общими фактами римской исторіи и т. д. мы не имѣемъ прочныхъ

сообщений источниковъ, но самый характеръ совершавшейся эволюціи едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Раздвоеніе процесса, такимъ образомъ, является дѣйствительно исконнымъ учрежденіемъ; оно выросло органически изъ условій эпохи древнѣйшей и во всемъ своемъ ритуалѣ, какъ въ драматической картинѣ, отражаетъ самый переходъ отъ чистаго самоуправства къ суду государственному, отражаетъ мотивы и первоначальное предѣлы государственнаго вмѣшательства въ частные споры. Нанѣстный консерватизмъ римскихъ учреждений проявляется въ полной жѣрѣ и здѣсь: подъ вліяніемъ соображеній общественнаго интереса государственная власть приходитъ къ мысли о вредѣ самоуправства и необходимости мирнаго разрѣшенія споровъ, но для достиженія этой цѣли она не ломаетъ основныхъ принциповъ государственнаго строя (не утврждаетъ какихъ-либо новыхъ судовъ и т. д.), а пользуется матеріаломъ и средствами уже существующими—дѣлаетъ обязательнымъ соглашеніе о третейскомъ судѣ. Конечно, съ теченіемъ времени этотъ судъ въ значительной степени утрачиваетъ свой третейскій характеръ, но многія черточки этого рода остаются неизгладимыми по все время, пока въ Римѣ дѣйствуетъ *ordo iudiciorum privatorum*. Лишь съ переходомъ къ *extraordinaria cognitio* въ императорскую эпоху римскій процессъ становится на новыя основанія; лишь только здѣсь судъ становится судомъ *власти*, и это тотчасъ же отражается на всемъ характерѣ и строѣ процесса.

---

§ 4.

Общіе выводы о системѣ legis actiones.

1. Для понятія legis actio участіе магистрата не составляетъ необходимости.—2. Если магистратъ участвуетъ, то это участіе вызывается не его судебной функціей, а функціей полицейской.—3. Но это участіе въ legis actio не даетъ ему никакой власти надъ матеріальнымъ дивильнымъ правомъ.

Мы пересмотрѣли всѣ древнѣйшія формы legis actio съ точки зрѣнія интересующихъ насъ вопросовъ: подведемъ теперь итоги и посмотримъ, что даетъ намъ произведенный анализъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Итоги эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

1) *Дѣяніе процесса ни въ одинъ—jus и judicium—отинды не является общимъ и непремѣннымъ моментомъ для нѣкихъ формъ legis actio.* Мы имѣемъ, напротивъ, legis actio даже безъ всякаго участія магистрата, legis actio не только безъ judicium, но даже и безъ jus,—это именно legis actio per pignoris capionem. Мы имѣемъ, далѣе, legis actio съ участіемъ магистрата, но безъ участія суда, форму, состоящую только изъ jus, но безъ judicium,—это именно legis actio per manus injectionem. И только двѣ послѣднія формы—legis actio sacramento и per judicis postulationem—имѣютъ обѣ стадіи. Изъ этого сопоставленія мы можемъ, какъ намъ кажется, сдѣлать только одно заключеніе: *въ понятіе legis actio не входить ни представленіе о непремѣнномъ участіи магистрата ни представленіе о судѣ и приговорѣ.* Pignoris capio, гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, бу-

доть все-таки такой же *legis actio*, какъ и всѣ прочія. Участіе магистрата и переносъ дѣла *in iudicium* являются, такимъ образомъ, лишь извѣстными *осложненіями legis actio*, осложненіями, вытекающими не изъ самаго представленія о защитѣ правъ, а изъ соображеній совершенно другого рода, соображеній, для гражданскаго спора сторонъ исполнѣ постороннихъ.

Legis actio, такимъ образомъ, можетъ быть характеризована, какъ *извѣстный формальный актъ осуществленія гражданского права длительностью самого управомоченнаго*. Необходимые элементы нашего развитіаго представленія о процессѣ—споръ, разборъ, приговоръ—въ *legis actio* совершенно отсутствуютъ. „Истецъ при *legis actio* отноду не жалуется магистрату на причиненное ему правонарушеніе и не проситъ его о помощи; онъ не проситъ даже о приговорѣ. Онъ вообще ни о чемъ не проситъ, а лишь дѣйствуетъ, осуществляетъ самъ свое право, или, по крайней мѣрѣ, пытается его осуществить“. Такъ характеризуетъ *legis actio* *Demelius*¹⁾, и мы думаемъ, что трудно дать характеристику болѣе правильную. Захватъ вещи при *reignoris capio*, наложеніе руки при *manus injectio*, *vindicatio* и *contravindicatio* при *legis actio sacramento in rem*, „*aiō te mihi C dare oportere*“ при *I. a. sacramento in personam* и при *I. a. per iudicis postulationem*,—все это или прямые акты осуществленія права или же попытки къ такому осуществленію. Этой своей стороною *legis actio* глядитъ назадъ, во времена доисторическихъ, является отраженіемъ эпохи чистаго самоуправства, когда осуществленіе правъ отъ нарушенія ихъ съ вишней стороны отличалось только необходимыми для перваго формальностями.

II) *Если, такимъ образомъ, участіе магистрата принималось для legis actio, какъ осуществленія права, не является ли необходимость,—то чѣмъ же оно отличается и определяется?*

На этотъ вопросъ надо отвѣчать сначала съ отрицательной стороны: магистратъ участвуетъ въ *legis actio* отнюду не какъ судья, на обязанности котораго лежить разобрать дѣло и вынести свой приговоръ. Онъ никуда не судитъ и ничего не приговариваетъ. Онъ не судитъ при *reignoris capio*, ибо при ея совершеніи онъ вовсе не участвуетъ; онъ не судитъ при *manus injectio*, не судитъ и никогда не судитъ при *legis actio sacramento*. Вообще, *судебная функція, т. е.*

¹⁾ Die Confessio. S. 41, ср. s. 43.

разборъ частныхъ споровъ и разрѣшеніе ихъ авторитетными, властными приговорами не входитъ въ число функций древне-римской государственной власти. Если, какъ сказано выше, стороны при *legis actio* не являлись магистрату и не просятъ о его приговорѣ, то съ другой стороны и магистратъ не считаетъ себя призваннымъ къ разбору и приговору. Если разборъ и приговоръ оказывается необходимымъ, магистратъ предоставляетъ сторонамъ тѣмъ или другимъ способомъ передать ихъ споръ такому или иному третейскому суду и, такимъ образомъ, какъ мы видѣли, возникаетъ производство *in iudicio*.

Но если магистратъ участвуетъ въ легисакціонномъ процессѣ не какъ судья, то чѣмъ же опредѣляется его роль?

Мы видѣли магистрата въ пассивной „роли безъ рѣчей“ при *manus injectio*, мы видѣли его и въ болѣе активной роли—при *legis actio sacramento*. Сопоставленіе этихъ ролей и ближайшій анализъ отношеній ихъ ко всему происходящему *in iure* приводятъ насъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ.

Участіе магистрата въ *legis actio* или, лучше сказать, его присутствіе при совершеніи частными лицами *legis actio* выливается въ, такъ сказать, полицейскую функцію, его обязанностью охранять общественный порядокъ, общественный миръ, устраняя физическія столкновенія спорящихъ. Эта задача приводила въ древнѣйшее время магистрата къ спорящимъ на мѣсто дѣйствія, чтобы тамъ разнять лицъ, готовыхъ вступить или уже вступившихъ въ борьбу между собой изъ-за правъ. Эта же задача выражается и въ формулѣ „*mittite ambo rem*“ позднѣйшей *legis actio sacramento*. Развести дерущихся, прекратить физическую борьбу сторонъ и этимъ заставить ихъ перейти на путь мирнаго улаженія спора путемъ третейскаго суда—такова цѣль, которую ставила себѣ древне-римская государственная власть по отношенію къ частнымъ спорамъ съ того момента, когда она пришла къ мысли о предѣ самоуправства и частныхъ столкновеній для всего общества, для всего неокрѣпнувшаго еще, но окруженнаго со всѣхъ сторонъ правилами государственнаго организма. Этой задачей опредѣляются и предѣлы участія магистрата въ процессѣ: оно пужно лишь до тѣхъ поръ, пока между спорящими не состоялось соглашенія о передачѣ спора на рѣшеніе третейскаго суда. Это происходитъ въ моментъ *litiscontestatio*, и съ этого момента, какъ извѣстно, роль магистрата оканчивается. Правда, остаются еще *vindiciarum datio* и назначеніе судьи, но это уже дѣйствія побочныя и дополнительныя.

Vindiciarum datio является необходимым дополненіемъ къ „*mittite ambo rem*“: отстранивъ обоихъ спорящихъ отъ вещи, магистратъ, конечно, такъ или иначе на время процесса долженъ распорядиться ею. Подобно тому, какъ при добровольномъ соглашеніи о третейскомъ судѣ, стороны часто впродъ до рѣшенія спора отдаютъ вещь на сохраненіе какому-либо третьему лицу (*sequestratio*), такъ же точно и здѣсь магистратъ *primum facie* беретъ вещь въ секвестръ себѣ ²⁾ и затѣмъ уже она себѣ передаетъ назмѣнъ обезпеченія (*prædes litis et vindiciarum*) вещь той или другой сторонѣ. Что же касается назначенія судьи, то, какъ мы видѣли, въ древнѣйшее время, когда *sacramentum* было дѣйствительной присягой и создавало компетенцію нонтификовъ, ни о какомъ назначеніи судьи не могло быть рѣчи. Да и впослѣдствіи, какъ извѣстно, при опредѣленіи личности *iudex* на первомъ планѣ стоялъ выборъ сторонъ.

Съ этой основной—такъ сказать, полицейской функціей магистрата въ древне-римскомъ процессѣ тѣсно связана другая, элементъ которой можно подмѣтить въ *legis actio* и которую можно, пожалуй, назвать *нотаріальной*. Магистратъ присутствуетъ при соглашеніи сторонъ о третейскомъ судѣ, при *litiscontestatio*, и этимъ своимъ присутствіемъ придаетъ ему силу, нѣсколько отличную отъ силы простаго соглашения подобнаго же содержанія, отъ простаго *compromissum*. Стороны, конечно, и сами по себѣ могли согласиться покончить ихъ споръ путемъ третейскаго рѣшенія, но только *litiscontestatio* давала основаніе для правила „*bis de eadem re ne sit actio*“.

Такова роль магистрата при *legis actio sacramento*; но такова же она и при *manus injectio*, хотя тамъ она не такъ ясно и опредѣленно выражена. Безъ сомнѣнія, и при *manus injectio* главнымъ соображеніемъ, вызвавшимъ появленіе магистрата, было соображеніе общественнаго мира и порядка. И здѣсь было столкновеніе двухъ лицъ между собой, грозившее перейти въ борьбу и драку, и это столкновеніе привлекаетъ магистрата. Но слыша зовъ истца о долговомъ требованіи противъ противника, онъ отступаетъ назадъ и предоставляетъ начатой *manus injectio* законный ходъ. Возможно даже, что напр., въ случаѣ сопротивленія должника, въ случаѣ его покушенія „*manum sibi depellere*“, магистратъ переходилъ въ роль болѣе активную и въ видахъ прекращенія общественнаго неурядка помогая (черезъ ликторовъ) истцу овладѣть сопротивляющимся противникомъ.

²⁾ Ср. *Gradenwitz*. *Zwangsvollstreckung* etc. въ *Festgaben für Gneist*. S. 286.

Такова роль магистрата въ древне-римскомъ процессѣ и таково происхожденіе дѣленія этого процесса на *jus* и *judicium*. Съ теченіемъ времени, конечно, основная мысль и основная причина этого дѣленія была забыта; ритуалъ продолжалъ повторяться по традиціи, но самое это дѣленіе приобрѣло мало по малу другое—уже чисто техническое—значеніе: производство *in iure* получило дѣйствительно значеніе „установленія спорныхъ пунктовъ“, „формализированія спора“ и т. д.; но это есть лишь процессуальная утилизациа института, созданнаго не для этой цѣли, подобно тому, какъ мы часто утилизируемъ геологическое строеніе почвы, строеніе, созданное не для нашихъ утилитарныхъ цѣлей, а въ силу естественныхъ историческихъ причинъ.

III) Изъ связаннаго самъ собою явствуетъ, даѣе, характеръ древне-римскаго *jus civile* и отношеніе къ этому послѣднему магистрата. Цивильное „*res mea est ex jure Quiritium*“, „*dare mihi oportet*“ и т. д. есть правоотношеніе, созданное непосредственно самымъ закономъ или исконнымъ обычаемъ, черпающее свою силу изъ этого послѣдняго, безъ всякаго участія, безъ всякой помощи со стороны магистрата. Правоотношеніе это осуществляется непосредственными формальными дѣйствіями самого управомоченнаго, которыми въ то же время непосредственно осуществляется и законъ—*lex*: совершенно правильно поэтому всѣ такіа дѣйствія носятъ названіе *legis actio*: въ нихъ лицо не только дѣйствуетъ закономѣрнымъ образомъ—*lege agit*, но и осуществляетъ законъ, приводитъ его въ состояніе активное—*legem agit*. Какое-либо содѣйствіе магистрата въ этомъ процессѣ самоосуществленія закона принципиально не является необходимою.

Съ этимъ, однако, тѣсно связанъ еще одинъ вопросъ, липпуційся также въ современной литературѣ вопросомъ чрезвычайно спорнымъ. Можетъ быть, содѣйствіе магистрата при осуществленіи цивильнаго права является необходимою, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что, отказавъ въ своемъ участіи при совершеніи *legis actio*, магистратъ этимъ самымъ (пассивно) можетъ парализовать цивильную претензію истца? Говоря короче, можетъ быть, магистратъ уже въ эту эпоху имѣетъ право *denegare actionem*?

Многіе изъ современныхъ ученыхъ даютъ дѣйствительно на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный ³⁾. Намъ, кажется, однако, безусловно

³⁾ Ср. напр. Kell. Civilprocess. § 36, Karlowa. Legisaktionen. S. 341. Brakker. Aktionen. Bd. II. S. 227, Leuch. Ursprung der Exceptionen. S. 41 и сл., Demelius. Die Confessio. S. 42.

болѣе правильнымъ противоположное мнѣніе ⁴⁾). Не говоря уже о томъ, что мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства истинности въ пользу существованія такой *denegatio* ранѣ эпохи формулярнаго процесса,— во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ученые первой группы считаютъ такое извѣдѣніе магистрата необходимымъ (неспособность истца къ совершенію *legis actio*, неувѣрное формулированіе претензій и т. д.), оно въ дѣйствительности совершенно пепужно, ибо всѣ эти пороки *legis actio* будутъ обнаружены *in iudicio* и *eo ipso* вызовутъ ея ничтожность. Прибавимъ еще къ этому, что отказъ магистрата отъ участія въ совершеніи *legis actio* мыслимъ только или въ видѣ удаленія спорищихъ отъ трибунала посредствомъ ликторовъ, или же въ видѣ бѣгства самого магистрата съ трибунала. Не думаемъ, чтобы первое соотвѣтствовало служебнымъ обязанностямъ магистрата, а второе—его достоинству. Совершенно справедливо замѣчать *Girard*, что *denegatio actionis* есть неотдѣлимый коррелятивъ *datio formulae* и вслѣдствіе этого первое не могло возникнуть ранѣ второго ⁵⁾).

Такимъ образомъ, участіе магистрата въ *legis actio* не давало ему никакой возможности оказывать такое или иное вліяніе на разнѣзку гражданскихъ правоотношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще на матеріальное гражданское право. Въ рамкахъ *legis actio* магистратъ былъ въ этомъ отношеніи совершенно безсиленъ: правоотношенія проходили *in iure* надъ нимъ и мимо него, не давая ему никакой возможности остановить ихъ или измѣнить ихъ естественное теченіе. Если позволительно употребить здѣсь сравненіе, то мы сказали бы, что гражданскія претензій проходили черезъ руки магистрата подобно тому, какъ проходить электрическій токъ: токъ этотъ, быть можетъ, вызываетъ извѣстныя движенія въ томъ, черезъ кого онъ проходитъ, но остановить его теченіе этотъ послѣдній совершенно не въ силахъ.

---

⁴⁾ Haup. *Girard*. Manuel. p. 952, въ особенности же его статья *La date de la loi Acbutia* въ *Zeitschrift der Sav.-Stiftung*. Bd. XIV (1893) p. 19—20.

⁵⁾ Цитир. статья въ *Zeitschrift d. Sav.-St.* p. 19.

Глава II.

Формальный генезис преторского права.

§ 5.

Административная *cognitio* и интердикты.

Развитіе интердиктовъ изъ *cognitio* магистрата (господствующее ученіе: ученія Nuschke и Jobbé-Duval'я). Интердикты и *cognitio* въ позднѣйшемъ правѣ.

Анализъ *legis actiones*, произведенный въ предыдущей главѣ, показать намъ, что участіе магистрата въ обыкновенномъ гражданскомъ процессѣ, по своему характеру, не давало ему никакой возможности оказать хоть какое-нибудь вліяніе на область матеріальныхъ правоотношеній. Но уже въ эпоху господства *legis actiones*, какъ извѣстно, рядомъ съ ними, существовали и другіи средства юридической защиты, гдѣ магистратъ игралъ иную роль, и гдѣ мы должны искать первые зачатки *jus honorarium*. Таковы *интердикты*, *stipulationes practoriae* и т. д. Очевидно, если мы хотимъ изучить природу *jus honorarium* и выяснять себѣ причины его появленія, то мы должны, прежде всего, обратить наше вниманіе на эти древнѣйшія средства преторскаго вліянія. Сообразно этому въ настоящей главѣ мы рассмотримъ взаимное соотношеніе между различными преторскими средствами, смыслъ сосуществованія или послѣдовательности ихъ, или, говоря иначе, попытаемся пересмотрѣть *формальный генезисъ преторскаго права*, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующей главѣ перейти къ выясне-

нію матеріальнихъ причинъ его появленія, къ вопросу о *матеріальномъ генезисъ того права*.

Въ ряду преторскихъ средствъ, извѣстныхъ еще апохъ *legis actiones* ¹⁾, первое мѣсто поимѣ основательно отводится *интердиктиямъ*. Интердиктъ, какъ извѣстно, есть приказаніе магистрата, адресованное къ одной или къ обѣимъ спорящимъ сторонамъ и налагающее обязанность сдѣлать что-либо (*restituere, exhibere*) или не дѣлать чего либо (*ne vis fiat*). Въ случаѣ неисполненія этого приказанія, по просьбѣ стороны заинтересованной, преторъ заставлялъ спорящихъ заключить между собою *кромціоны*, и на основаніи этихъ *sponsiones* возникаетъ затѣмъ обыкновенный процессъ въ обычныхъ формахъ *judicium ordinarium*. Такова общая сущность т. н. *интердиктнаго процесса*, какъ онъ описанъ намъ Гаемъ ²⁾.

Однако, уже довольно давно было высказано предположеніе, что это отноше не первоначальный видъ интердиктнаго производства, что процессу, описанному Гаемъ, исторически предшествовало производствъ иное. Уже въ 1844 г. *Livist* ³⁾ довольно подробно высказалъ мысль о томъ, что первоначально интердикты являлись обыкновенными административными приказаніями магистрата, которымъ предшествовалъ личный разборъ дѣла со стороны этого послѣдняго (*causas cognitio*) и которыя осуществлялись затѣмъ обычными средствами *imperium* (*multae dictio, pignoris capio* и т. д.). Интердиктное производство, такимъ образомъ, въ эту первоначальную эпоху представляло изъ себя обыкновенную *cognitio*, какою практиковались магистратами вообще по дѣламъ ихъ администраціи. И лишь въ послѣдствіи желаніе магистрата освободить себя отъ необходимости производить иногда, быть можетъ, очень сложныя фактическія разслѣдованія привело къ тому, что магистратъ вмѣсто прежняго безусловнаго приказанія (издававшася тогда послѣ разбора дѣла) сталъ издавать затѣмъ приказаніе условное, а фактическую провѣрку условій его дѣйствительности посредствомъ вынужденныхъ *sponsiones* перебросилъ на *judex* въ процессѣ объ этихъ послѣднихъ. Такимъ-то путемъ и возникло то интердиктное производство, какое мы находимъ у Гая.

¹⁾ Что интердикты возникли еще въ эпоху *legis actiones*, это, повидимому, общепризнано. См. *Pfersche. Die Interdicte* (1888). S. 23 и авторы, у него цитированные.

²⁾ Gai. IV. 139 и сл.

³⁾ *Die Bonorum possessio*. Bd. I. S. 340 и сл.

Эта гипотеза, высказанная *Leist'омъ*, съ теченіемъ времени приобрѣтала себѣ все болѣе и болѣе количество сторонниковъ (конечно, только въ такихъ общихъ чертахъ, какъ она здѣсь изложена) и въ настоящее время можетъ безусловно считаться ученіемъ господствующимъ. Подъ нею подписались такія имена, какъ *Keller* ⁴⁾, *Bethmann-Hollweg* ⁵⁾, *Bekker* ⁶⁾, *Karlowa* ⁷⁾, *Schmidt* ⁸⁾, *Sohm* ⁹⁾, *A. Pernice* ¹⁰⁾, *Pfersche* ¹¹⁾ и мн. др. И только немногіе изъ ученыхъ, отвергая эту теорію, пытаются представить иную картину происхожденія интердиктовъ.

Такъ, по мнѣнію *Huschke* ¹²⁾, существеннымъ моментомъ въ понятіи интердикта, нисколько мы знаемъ интердикты изъ источниковъ, является *споръ двухъ частныхъ лицъ* между собой, вследствие чего приказаніе магистрата при интердиктахъ по своему характеру существенно отличается отъ обычныхъ приказаній магистрата, издаваемыхъ имъ по поводу его административныхъ функций и приводимыхъ въ осуществленіе средствами принужденія. Въ противоположность этимъ исключительнымъ, интердиктамъ, говоритъ *Huschke*, суть опубликованныя въ эдиктѣ и совпадающія съ известными фактическими и юридическими предположеніями условныя приказанія. Они произносятся магистратомъ *лишь для того*, чтобы потомъ могъ возникнуть процессъ о наличности непослушанія, подобно тому какъ при *actio* возникает процессъ о наличности признаемаго въ *jus civile* права. Приказаніямъ магистрата при интердиктахъ являются, такимъ образомъ, не чѣмъ либо самостоятельнымъ, а лишь *средствомъ* для защиты частныхъ правъ, предоставляемыхъ государствомъ каждому гражданину по отношенію къ *res publicae* и *religiosae*, а также въ известныхъ случаяхъ и въ области гражданскихъ отношеній.

Считая, такимъ образомъ, существенною чертою интердиктовъ споръ сторонъ („*Trutzen der Parteien*“), *Huschke* и происхожденіе

⁴⁾ Civilprocess. §§ 22 и 74.

⁵⁾ Civilprocess. Bd. I S. 202—204.

⁶⁾ Aktionen. Bd. II. S. 52—53.

⁷⁾ Legisaktionen S. 245.

⁸⁾ Das Interdiktenverfahren der Römer. (1853). S. 318.

⁹⁾ Institutionen. § 43.

¹⁰⁾ Parerga въ Zeitschrift der Sav.-Stiftung. Bd. V (1884). S. 33 и еще рѣшительнѣе въ Zeitschr. der Sav.-St. Bd. XVII (1896). S. 193.

¹¹⁾ Die Interdicte des röm. Civilprocesses. S. 35 и сл.

¹²⁾ Die Multa und das Sacramentum. S. 71 и сл.

пхъ представляетъ себѣ иначе. Такъ какъ гражданскій процессъ—*legis actio*—не имѣлъ средствъ для того, чтобы заставить лицо сдѣлать что-либо или не дѣлать чего-либо, то во всѣхъ случаяхъ этого рода надо было создать какой-нибудь иной процессуальный путь. Магистратъ объявлялъ свое распоряженіе безъ всякаго фактическаго разслѣдованія спора и здѣсь же назначалъ извѣстный штрафъ (*multa*) на случай неповиновенія. Это давало лицу заинтересованному возможность обвинить противника въ томъ, что онъ подлежитъ платежу указанного штрафа. Подобное обвиненіе, однако, не могло, въ случаѣ своей неѣренности, остаться безнаказаннымъ для истца: онъ также подлежалъ въ этихъ случаяхъ тому же штрафу. Вслѣдствіе этого возникалъ теперь споръ о томъ, кто изъ спорящихъ долженъ уплатить назначенный штрафъ въ пользу государства—совершенно такъ же, какъ при *legis actio sacramento* возникалъ споръ о томъ, кто долженъ уплатить *sacramentum*. Такимъ образомъ, древнѣйшій интердиктный процессъ имѣлъ съ формальной стороны характеръ *multae certatio* и представлялъ изъ себя нечто подобное и имѣлъ много сходство (*„ebenbürtig“*) процессу *per sacramenta*. И лишь впоследствии *multae* были замѣнены посредствомъ *sponsiones*.

Гипотеза Huschke, однако, не встрѣтила себѣ сочувствія: тѣ основанія, на которыхъ онъ построилъ свою конъектуру относительно *multae certatio*, были признаны единодушно чрезвычайною натяжкою¹³⁾.

Еще иную гипотезу относительно происхожденія интердиктовъ предлагаетъ *Jöbber-Daval*¹⁴⁾. И для этого послѣднѣго интердиктъ есть

¹³⁾ Ср. A. Pernice. Zeitschrift der Sav-Stiftung. Bd. V. S. 33, прим. 2.—*Ubbelohde*. Die Interdicta des röm. Rechts (Glück's Kommentar). Ikl II (1890). S. 328 и сл.—*Ubbelohde*, впрочемъ, подобно Huschke, считаетъ также существенной чертой интердиктовъ то, что это есть споръ сторонъ (*Rechtsstreit*), и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ полную противоположность всякому другому (административному) разбирательству. На этомъ основаніи онъ также считаетъ невозможнымъ развитіе интердиктнаго производства изъ *cognitio* магистратовъ. Возможно, говоритъ онъ, что интердикты имѣли свое историческое начало въ области тѣхъ правоотношеній, которыя одновременно находились подъ административною защитой магистрата. Очень вѣроятно, что старѣйшіе интердикты касались *res divini juris* и *res in publico usu*. Но административная защита и интердикты—вещи совершенно различныя, какъ по своей цѣли, такъ и по своей юридической природѣ. Интердикты, по мнѣнію *Ubbelohde*, являются самостоятельной формой процесса, созданной преторомъ для тѣхъ частныхъ споровъ, которыя не могли быть облечены въ форму гражданской *legis actio* (S. 221). Но *Ubbelohde* совершенно отвергаетъ гипотезу Huschke о предшествовавшей стадіи съ *multae certatio*.

¹⁴⁾ *Études sur l'histoire de la procédure civile chez les romains* (1896). p. 207—285.

непрямѣнно споръ частныхъ лицъ между собою. Смыслъ интердикты съ *cognitio magistratus*, говорить онъ, и предполагать, что интердикты когда бы то ни было осуществлялись посредствомъ *multae dictio* или *pignoris capio*, — значитъ упасть въ фундаментальную ошибку. Интердиктъ по своей природѣ есть процессъ между двумя частными лицами. Источники употребляютъ выраженіе: „*interdicto contendere cum aliquo*“; Гай въ своемъ извѣстномъ вступительномъ мѣстѣ объ интердиктахъ говоритъ: „*praetor aut proconsul principaliter auctoritatem suam finiendis controversiis interponit*“. Интердикты представляютъ собою, такимъ образомъ, извѣстный видъ процесса и принадлежать вслѣдствіе этого къ *jus ordinarium*. Приказъ магистрата при нихъ въ сущности своемъ есть такая же инструкція судья, какъ послѣдствіи формула, и имѣть только такую же цѣль, какъ и эта послѣдняя. Отъ процесса *per formulam* интердиктный процессъ отличается только тѣмъ, что здѣсь инструкція судья дается не прямо, а лишь косвенно и посредственно—подъ формой приказанія сторонамъ. Это послѣднее служить, такимъ образомъ, лишь маской, прикрывающей истинное существо дѣла, формой, дающей нѣкоторый административный видъ чисто судебному спору сторонъ, спору, совершающемуся посредствомъ *sponsiones*, т. е. пари.

Откуда же взялась эта странная форма процесса и зачѣмъ она была нужна? На этотъ вопросъ *Jebbé-Ducal* предлагаетъ слѣдующій отвѣтъ.

Совершенно ошибочно, говорить онъ, думать, что *jus civile* когда-либо оставляло незащищенными тѣ интересы частныхъ лицъ, для которыхъ послѣдствіи служили интердикты; гражданское право признавало и охраняло эти интересы уже въ древнѣйшее время обычными формами процесса, напр. посредствомъ *legis actio sacramento*. Но эти архаическія формы, какъ извѣстно, имѣли много практическихъ неудобствъ, которые послѣдствіи привели къ замѣнѣ *legis actio* посредствомъ болѣе свободнаго процесса *per formulam*. И вотъ въ этомъ-то процессѣ замѣны старнаго производства новымъ интердикты являются одной изъ первыхъ попытокъ оборота освободиться отъ стѣснительнаго формализма *legis actio*. Въмѣсто опаснаго формулированія спора самими сторонами, неизбежнаго при *legis actio*, при интердиктахъ это формулированіе беретъ на себя магистратъ и выражаетъ въ видѣ своего приказанія, на основаніи котораго стороны и заключаютъ затѣмъ между собою пари посредствомъ *sponsiones*.

Создавая эту новую форму процесса, преторъ на первых порахъ шелъ только навстрѣчу желанію самихъ спорящихъ; въ случаѣ несогласія той или другой стороны, преторъ въ эту эпоху не могъ принудить ее подчиниться новой формѣ и заключить *sponsio*. Интердикты давались, такимъ образомъ, первоначально лишь въ случаѣ добровольнаго согласія сторонъ и являлись факультативной формой процесса на выборъ и на ряду со старыми *legis actiones*.

Такая въ общихъ чертахъ гипотеза французскаго ученаго. Но и этой гипотезѣ, повидимому, не суждено найти себѣ сторонниковъ, кромѣ ея автора ¹⁵⁾. И дѣйствительно она представляетъ столько сомнительныхъ пунктовъ, что едва-ли можетъ на это претендовать.

Самымъ слабымъ изъ этихъ сомнительныхъ положеній *Jabbé-Ducal* является, конечно, его утвержденіе, что интердикты издавались прежде только въ случаѣ обоюднаго согласія спорящихъ, что они являлись факультативной формой процесса наряду съ *legis actio*. Не говоря уже о томъ, что какихъ-либо указаній источниковъ для подтвержденія этой гипотезы *Jabbé* не привелъ и привести не могъ, предположеніе это само по себѣ возбуждаетъ массу недоумѣній.

Если интердиктное производство могло начаться лишь въ случаѣ согласія обѣихъ сторонъ, то зачѣмъ тогда вообще нужно было сторонамъ обращаться къ магистрату? Или, заключенное сторонами въ формѣ *sponsiones*, и безъ его участія имѣло бы совершенно ту же самую силу и тотъ же самый эффектъ ¹⁶⁾. Нельзя сказать, чтобы самъ авторъ не замѣтилъ этого вопроса, но онъ даетъ на него такой отвѣтъ ¹⁷⁾. „C'est que, grace à cette méthode, aucune procédure ne pourra plus être entamée en vue de trancher la même question litigieuse, bis de cadem re ne sit actio. Assurément cette maxime n'était pas dans sa lettre applicable à notre hypothèse; mais on conçoit, que cette extension du domain d'application de la règle ait été aisément consacrée par la pratique“. Обращеніе къ претору необходимо было, такимъ образомъ, для того, чтобы уничтожить возможность вторич-

---

¹⁵⁾ Ср. *Pernice* въ *Zeitschrift der Sav.-St.* Bd. XVII. S. 194 прим. 2. „Meiner Auffassung widerspricht diese fast in jedem einzelnen Punkte“.—*Girard*. *Manuel*. p. 1022, прим. 2.

¹⁶⁾ Ср. *Girard*. I. cit. „mais on ne s'explique pas bien alors pourquoi le preteur serait intervenu par un decret, sans lequel l'arrangement privé réalisé par les sponsiones pouvait parfaitement arriver à son but“.

¹⁷⁾ I. cit. p. 255.

ного процесса de eadem re. Подобное объяснение, однако, кажется совершенно неполным. Вполнѣ основательно по поводу этого объясненія замѣчаетъ *Th. Kipp* въ своей рецензій на книгу *Jobbé-Duval*'а ¹⁸⁾: „принципы процессуальной *consumtio* примѣнялись къ *litis-contestatio* и къ приговору судьи (*judex*), но къ самому интердикту они не примѣнялись никогда. Авторъ долженъ былъ бы объяснить, почему судебный приговоръ относительно *sponsiones* только тогда производилъ процессуальное погашеніе, когда этимъ *sponsiones* предшествовалъ интердиктъ, почему процессъ о *sponsiones* безъ подобнаго участія претора для этой цѣли былъ недостаточенъ. А именно этого *Jobbé-Duval* совершенно не объясняетъ“.

Какъ видимъ, попытки построить иную теорію происхожденія интердиктовъ, кромѣ господствующей, оказывались до сихъ поръ неудачными. Да и посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, что собственно заставляетъ упомянутыхъ авторовъ подвергать сомнѣнію господствующее ученіе о происхожденіи интердиктовъ изъ *cognitio* магистратовъ. Единственно то, что въ историческую эпоху интердикты дѣйствительно служатъ своеобразнымъ *средствомъ къ процессу*, что въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ интердикты безспорно изображаются въ видѣ *спора* между двумя частными лицами. На этомъ, какъ мы видѣли, настаиваютъ и *Huschke* и *Ubbelohde* и *Jobbé-Duval*. Даетъ-ли это, однако, право утверждать, что интердикты не могли возникнуть изъ *cognitio*? Мы думаемъ, что нѣтъ. Уже одна одинаковость названія преторскаго приказа въ одномъ и другомъ случаѣ (*decretum, interdictum*) является въ этомъ отношеніи смѣлительствомъ немаловажнымъ. Первоначально интердикты расцѣплялись изъ общей массы преторскихъ приказаній, издаваемыхъ имъ въ административномъ порядкѣ по собственному почину или же по почину частныхъ лицъ. Среди случаевъ, разрѣшаемыхъ въ такомъ порядкѣ было, конечно, не мало дѣлъ, представлявшихъ изъ себя дѣйствительный споръ между двумя лицами. Когда впоследствии приобрѣли некую силу *sponsiones*, и оказалось возможнымъ посредствомъ ихъ перебросить разслѣдованіе фактической стороны дѣла на другія плечи, то само собою разумѣется, что къ такому приспособленію явились годными только именно случаи *спора* между двумя лицами, ибо только здѣсь можно было посредствомъ *sponsiones* создать возможность процесса.

¹⁸⁾ Kritische Vierteljahrschrift. Dritte Folge. Bd. V (1899). S. 369.

Отсюда-то и происходит то явление, что въ позднѣйшихъ источникахъ интердикты трактуются, какъ нѣкоторая особая форма спора и процесса: специфическое интердиктное производство могло развиваться только именно въ этой области.

Такимъ образомъ, развитіе интердиктовъ изъ *cognitio* едва-ли можетъ быть серьезно оспариваемо. Гораздо болѣе затруднительнымъ представляется другой вопросъ, *вопросъ о измѣненіи отношеній между интердиктами и cognitio съ позднѣйшимъ, классическомъ римскомъ правомъ*. Дѣло въ томъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ *Cognus Iuris Civilis* мы находимъ интердикты и *cognitio* магистрата рядомъ другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего естественно возникаетъ вопросъ: есть-ли *cognitio* въ этихъ случаяхъ сохранившійся остатокъ прежняго времени или же продуктъ новѣйшаго праворазвитія, проблескъ императорской *cognitio extraordinaria*? А этотъ вопросъ въ свою очередь естественно приводитъ къ другому вопросу: въ эпоху уже установившагося интердиктнаго производства могъ-ли преторъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенно давались интердикты, рѣшить споръ посредствомъ личнаго разбора и своего окончательнаго декрета,—или не могъ? Оба вопроса, очевидно, имѣютъ немаловажное значеніе для выясненія самой природы интердиктовъ.

Главнѣйшими мѣстами, гдѣ мы имѣемъ такое сопоставленіе интердиктовъ и *cognitio*, являются слѣдующіи¹⁹⁾:

fr. 1. 1. D. de migr. 43. 32. Ulpianus l. 73 ad ed. Hoc interdictum proponitur inquilino, qui soluta pensione vult migrare: nam colono non competit. § 2. Cui rei etiam extra ordinem subveniri potest: ergo infrequens est hoc interdictum.

fr. 5. 27. D. ut in poss. leg. 36. 4. Ulpianus l. 52 ad ed. Missus in possessionem si non admittatur, habet interdictum propositum: aut per viatorem aut per officialem praefecti aut per magistratus introducendus est in possessionem.

fr. 1. 2. D. si ventr. nom. 25. 5. Ulpianus l. 34 ad ed. Necessario praetor adiecit, ut qui per dolum venit in possessionem, cogatur decedere: coget autem eum decedere non praetoria potestate vel manu ministrorum, sed melius et civilius faciet, si eum per interdictum ad jus ordinarium remiserit.

¹⁹⁾ Ср. *Schmidt*. Interdiktenverfahren. S. 310—313, *Ubbelohde*. Interdikte. S. 390; нѣкоторые другіе мѣста—см. *Pferschke*. Die Interdicte. S. 34.

fr. 3 pr. D. ne vis fiat ci. 43. 4., Ulpianus l. 68 ad ed.
Si quis missus fuerit in possessionem fideicommissi servandi causa et non admittatur, potestate eius induendus est in possessionem, qui enim misit, aut si quis volet uti interdicto, consequens erit dicere interdictum locum habere. Sed melius erit dicere extra ordinem ipsos in re suae potestatis exsequi oportere decretum suum, nonnunquam etiam per manum militarem.

По поводу этихъ мѣстъ господствующимъ должно быть признано мнѣ-
нiе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ executio jure potestatis, executio
extra ordinem (т. е. cognitio) является средствомъ болѣе позднимъ,
чѣмъ интердиктъ, провозвѣстникомъ extraordinaria cognitio эпохи
послѣ-Діоклетіановской. Такъ полагаютъ *Schmidt* ²⁰⁾, причемъ онъ
относитъ первые случаи примѣненія этой executio къ послѣднимъ
временамъ формулярнаго процесса; такъ полагаютъ *Pfersche* ²¹⁾ и
Ubbelohde ²²⁾, причемъ послѣдній думаетъ, что первые случаи executio
истрѣчались уже въ эпоху республики. Противоположную мысль о
томъ, что эти случаи executio представляютъ собою остатокъ старинн.,
высказывалъ было *Pernice* ²³⁾, но и онъ затѣмъ рѣшительно сталъ на
первую точку зрѣнія. Приведенныя мѣста, по мнѣнію этихъ писате-
лей, никакимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ того,
что преторъ въ эпоху judicia ordinaria прибѣгалъ къ средствамъ
своего imperium. Что касается перваго мѣста—*fr. 1. 1. D. 43. 32.*—
то оно имѣетъ въ виду не претора, а praefectus vigilum ²⁴⁾. Послѣд-
нее—*fr. 3 pr. D. 43. 4.*—говоритъ о фидекоммиссахъ, которые, какъ
извѣстно, вообще подлежали специальной компетенціи сначала кон-
сула, а потомъ specialнаго претора ²⁵⁾. Второе—*fr. 5. 27. D. 36.*
4.—вѣроятно, также въ подлинномъ сочиненіи римскаго юриста ка-
сается фидекоммиссовъ ²⁶⁾. И, наконецъ, третье—*fr. 1. 2. D. 25. 5.*—

²⁰⁾ *Schmidt*. I. cit. S. 313.

²¹⁾ *Pfersche*. I. cit. S. 33—34.

²²⁾ *Ubbelohde*. I. cit. S. 381.

²³⁾ Volksrechtliches und Amtsrechtliches Verfahren in der röm. Kaiserzeit n. Festgaben für Beseler. Berlin. 1895. S. 51 прим. 3: „Schmidt meint, die Fälle der ausserordentlichen Hilfe seien erst später aufgekommen; die Stellen scheinen mir aber zu ergeben, dass sie Ueberbleibsel sind.“

²⁴⁾ *Pernice*. Festgaben für Beseler. S. 62; противъ этого *Hartmann*. Ordo judiciorum. S. 511; несправедливо—*Pfersche*. I. cit. S. 34.

²⁵⁾ *Schmidt*. I. cit. S. 313, *Pfersche*. I. cit. S. 34.

²⁶⁾ *Pfersche*. I. cit. S. 35.

хотя дѣйствительно имѣть въ виду претора, но оно же именно прибавляетъ „sed melius et civilius faciet, si per interdictum ad jus ordinarium remisit“²⁷⁾). Съ другой стороны, мы имѣемъ свидѣтельство, что преторъ не прибѣгалъ къ средствамъ imperium, къ executio jure potestatis даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это казалось бы самымъ простымъ и естественнымъ—напр., въ томъ случаѣ, если лицо, противъ котораго былъ предъявленъ интердиктъ de homine libero exhibendo, послѣ condemnatio предпочитало уплатить сумму этой condemnatio, чѣмъ exhibere. Согласно fr. 3. 13. D. de hom. lib. exh. 43. 29—въ этомъ случаѣ оставалось лишь предъявить интердиктъ вторично. Изъ всего этого, говоритъ Pernice²⁸⁾, мы должны сдѣлать тотъ выводъ, что различіе между гражданскими спорами и административными дѣлами строго соблюдается. Мы знаемъ, что адилъ имѣлъ право своими мѣрами спести зданіе, заражающее улицу или площадь; подобное же право имѣлъ и curator viae. Что же касается претора, то здѣсь дѣло обстояло, очевидно, иначе: какъ изстнуется изъ fr. 3. 13 de hom. lib. exh., преторъ не могъ примѣнить здѣсь мѣры своей власти („nicht unmittelbar erzwingen durfte“).

Мы думаемъ, однако, что это господствующее ученіе страдаетъ, по крайней мѣрѣ, значительными преувеличеніями.

Какъ мы видѣли выше, всѣ только что цитированные писатели (за исключеніемъ, пожалуй, Uhlenhede) принимаютъ происхождение интердиктовъ изъ административной cognitio магистрата, причемъ мотивомъ для установленія особаго интердиктнаго производства per sponsores предполагается желаніе магистрата освободить себя отъ тяготы фактическаго разслѣдованія. Если такъ, то, очевидно, юридически оставалось вполне въ власти магистрата, избрать-ли въ каждомъ конкретномъ случаѣ путь интердикта или путь собственной cognitio, рѣшить-ли дѣло собственнымъ безусловнымъ декретомъ или же ad interdictum remittere. Если теперь господствующее ученіе утверждаетъ, что въ классическую эпоху преторъ не могъ, не смѣлъ, вмѣсто интердикта, разрѣшить споръ посредствомъ своего личнаго вмѣшательства, то тогда придется предположить, что съ теченіемъ времени власть магистрата въ этомъ отношеніи была уменьшена. Не думаемъ, однако, чтобы такое (юридическое) уменьшеніе власти могло быть какъ нибудь доказано.

²⁷⁾ Pfersche. I. cit. S. 34.

²⁸⁾ Pernice. Zeitschrift des Sav.-St. Bkl. V. S. 32—33.

То мѣсто, которому господствующее ученіе придаетъ такое большое значеніе, fr. 3. 13 de hom. lib. exh., гласитъ слѣдующее:

Ulpianus l. 71 ad ed. Si tamen posteaquam hoc interdicto actum est, alius hoc interdicto agere desideret, palam erit postea alii non facile dandum, nisi si de perfidia prioris potuerit aliquid dici. Itaque causa cognita amplius quam semel interdictum hoc erit movendum. Nam nec in publicis judiciis permittitur amplius agi quam semel, praeter quam (сх. Моммзенъ) si praevaricationis fuerit damnatus prior accusator. Si tamen reus condemnatus malit litis aestimationem sufferre quam hominem exhibere, non est iniquum saepius in eum interdicto experiri vel eidem sine exceptione vel alii.

Имеется-ли приведенное мѣсто безусловнымъ доказательствомъ того, что преторъ не могъ (не имѣть права) въ случаѣ упорства отвѣтника выдать вторичнаго интердикта прибѣгнуть къ мѣрамъ своей власти для принужденія exhibitio? Мы такого доказательства здѣсь усмотрѣть не можемъ: весь фрагментъ говоритъ лишь о томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ *возможно* вторичный интердиктъ, въ томъ числѣ и тогда, если отвѣтникъ „malit litis aestimationem sufferre quam hominem exhibere“. Вопросъ же о томъ, *могъ-ли или не могъ* преторъ поступить иначе, здѣсь совершенно не затрагивается.

Напротивъ, мы имѣемъ положительныя доказательства, что преторъ въ другихъ, по аналогичныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ средствамъ своего imperium.

fr. 1. 1. D. de tab. exh. 43. 5. Ulpianus l. 68 ad ed. Si quis forte confiteatur, penes se esse testamentum, iubendus est exhibere et tempus ei dandum est, ut exhibeat, si non potest in praesentiarum exhibere. Sed si neget, se exhibere posse vel oportere, interdictum hoc competit.

fr. 2. 8. D. test. quemadm. aper. 29. 3. Ulpianus l. 50 ad ed. Si quis non negans, apud se tabulas esse, non patiatur inspicere et describere, omnimodo ad hoc compellitur: si tamen neget, penes se tabulas esse, dicendum est ad interdictum rem mitti, quod est de tabulis exhibendis.

Если отвѣтникъ, признавая, что завѣщаніе у него, изъ простаго упорства не желаетъ его предъявить,—то, какъ видимъ, дѣло до интердикта не доходить, а разрѣшается гораздо проще: упорствующій

„*omnimodo ad hoc compellitur*“²⁹⁾. Относительно этого послѣдняго выраженія даже представители господствующаго ученія согласны, что оно обозначаетъ непосредственное вынужденіе, если не прямо—*manu militari*, то по крайней мѣрѣ посредствомъ *multae dictio* или *pignoris capio*²⁹⁾.

Правда, господствующее ученіе считаетъ³⁰⁾ примѣненіе здѣсь средствъ *imperium* порядкомъ исключительнымъ, относящимся только къ случаю *interdictum de tabulis exhibendis*³¹⁾. Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ этотъ спеціальнѣйшій вопросъ; пусть и въ самомъ дѣлѣ это будетъ нѣчто исключительное: для насъ важно здѣсь только то, что преторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ этому порядку *прибѣгалъ*, и *притомъ безъ всякихъ, откуда бы ни было исходящихъ, особенныхъ полномочій*. Если онъ въ другихъ случаяхъ набиралъ иной путь, старался тѣмъ или инымъ образомъ перевести дѣло на путь обыкновеннаго процесса, то онъ дѣлалъ это не *исключительнаго недостатка власти въ своихъ рукахъ, и вслѣдствіе другихъ, совершенно практическихъ причинъ*.

Нѣтъ юридически полную возможность во всякомъ дѣлѣ, вмѣсто интердикта, разрѣшить споръ путемъ безусловнаго декрета, преторъ (фактически (изъ своихъ собственныхъ интересахъ)) въ огромномъ большинствѣ случаевъ этой возможностью не пользовался, и, такимъ образомъ, въ теченіе столѣтій создавалась, конечно, прочная традиція. Отступленіе отъ этой традиціи могло уже въ концѣ концовъ показаться чѣмъ-то необычайнымъ, страннымъ. Это именно, и только это, выражаетъ то приведенное выше изреченіе Ульпіана, которое даже по признанію господствующаго ученія относится къ претору: „*coget autem enim non praetoria potestate vel manu mini-*

²⁹⁾ Ср. *Schmidt* I. cit. S. 222—223, *B.-Holtzey*. Civilprocess. Bd. II. S. 359, *Ubbelohde* I. cit. S. 12.

³⁰⁾ На основаніи сопоставленія съ fr. 6. 2. D. de confess. 42. 2. *Ulpianus* l. 5 de omn. tribunal. Sed et si fundum vindicem meum esse, tuque confessus sis, perinde habebis, atque si domini mei fundum esso pronuntiatum esset. Et si alia quacunque actione civili vel honoraria vel interdicto exhibitorio vel restitutorio vel prohibitorio dum quis convenitur, confiteatur, dici potest, in his omnibus subsequi praetorem voluntatem orationis Divi Marci debere, et omne omnino, quod quis confessus est, pro iudicato habere. Dabitur igitur ex his actionibus, ex quibus dies datur ad restituendam rem, confesso tempus ad restitutionem, et si non restitatur, lis aestimabitur.—Ср. къ этому вопросу, кромѣ авторовъ, цитированныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, еще *Pfersche* I. cit. S. 118 и сл., *Demelius* De Confessio, S. 164 и сл.

³¹⁾ Ср. *Pfersche* I. cit. S. 122, *Ubbelohde* I. cit. S. 11—12.

strorum, sed melius et civilius faciet, si eum per interdictum ad jus ordinarium remiserit". Ульпианъ здѣсь относь не отрицаетъ юридической возможности поступить praetoria potestate; онъ только говоритъ: „*melius et civilius faciet*", т. е. обращается къ *административному* типу претори, преподаетъ ему *трайную* должностной политики³²⁾.

При такихъ условіяхъ, если можно—вмѣстѣ съ *Pernice*—говорить о томъ, что различіе между гражданскими спорами и административными дѣлами строго соблюдалось, то при этомъ нужно имѣть въ виду: во-первыхъ, что даже въ классическую эпоху это различіе не было такъ ужъ безусловно пропедено, а во-вторыхъ, что это правило было не нормой права, а правиломъ традиціонной политики. Дѣлать изъ этого правила выводъ, что преторъ *не могъ*, вмѣсто интердикта, рѣшить дѣло лично,—значить впасть въ значительную юридическую неточность.

Точно также едва-ли можно съ такою безусловностью, какъ то дѣлаетъ господствующее ученіе, утверждать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы въ источникахъ имѣемъ интердикты и *executio jure potestatis* рядомъ, эта послѣдняя есть явленіе позднѣйшее, производническое грядущей *extraordinaria cognitio*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, конечно, вѣрно, но, напр., упомянутый только что fr. 1. 2. D. 25. 5 при такомъ пониманіи представить значительныя трудности. Если бы удаленіе того, qui per dolum venit in possessionem, путемъ непосредственнаго преторскаго воздѣйствія (*praetoria potestate vel manu ministrorum*) было-бы ливеніемъ новѣйшимъ, то мы могли-бы ожидать, что и здѣсь этотъ новѣйшій порядокъ будетъ отгѣснять старый порядокъ производства интердиктнаго (подобно тому, какъ это мы видимъ въ fr. 1. 1 и 2. D. 43. 32: „*ergo infrequens est hoc interdictum*"). Юрпстъ же, напротивъ, говоритъ: „*melius et civilius faciet, si eum per interdictum ad jus ordinarium remiserit*". Въ этихъ словахъ слышится именно постепенно укрѣпляющаяся традиція, отстраняющая путь непосредственнаго вѣдательства.

Вообще, если вѣрно господствующее ученіе о томъ, что мотивомъ возникновенія интердиктнаго производства было желаніе магистрата избавиться отъ провѣрки фактовъ, то мы должны предпопо-

---

³²⁾ Ср. даже *Ubbelohde* l. cit. S. 381: „bei der missio ventris nomine galt der Weg des Interdictes, als der *angemessenere*“...

жить, что на первых порах тамъ, гдѣ такая провѣрка была не нужна, магистратъ поступалъ старымъ порядкомъ—издавалъ безусловное приказаніе и осуществлялъ его затѣмъ мѣрами своей власти. Провѣрка фактовъ была излишня, конечно, прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, когда отиѣтчикъ ничего не возражалъ, т. е. въ случаяхъ *confessio*, подобныхъ тому, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенныхъ выше fr. 1. 1. D. de tab. exh. и fr. 2. 8. D. test. quemadm. apert. Въ виду этого *executio jure potestatis* въ этихъ мѣстахъ мы также склонны считать остаткомъ стараго времени.

---

§ 6.

Stipulationes praetoriae, missio in possessionem et restitutio in integrum.

Слѣая *stipulatio praetoria* съ интердиктами.— *Missio in possessionem*.— *Restitutio in integrum* не есть самостоятельное средство.

Кромѣ интердиктовъ, къ особеннымъ средствамъ преторской защиты, какъ извѣстно, причисляются еще *stipulationes praetoriae*, *missio in possessionem* и *restitutio in integrum*; рассмотримъ ближе и въ нихъ.

I. Что касается прежде всего *stipulationes praetoriae*, то подъ этими именемъ разумѣютъ, вообще говоря, тѣ *sponsiones*, которыя давало одно лицо другому по приказанію претора; цѣлью этихъ *sponsiones* было или обезпеченіе уже существующаго, т. е. признавшаго въ *jus civile* права, или же созданіе исковой силы для претензіи, въ *jus civile* непризнанной. Въ обоихъ этихъ функціяхъ *stipulatio praetoria* является способомъ преторскаго воздѣйствія на правоотношенія и выстѣ съ тѣмъ способомъ преторскаго вліянія на матеріальное гражданское право.

Съ вѣншей стороны порядокъ установленія этихъ *stipulationes* состоятъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ. По жалобѣ просителя преторъ приступаетъ къ предварительной *causae cognitio*. Важнѣйшимъ вопросомъ этой послѣдней является, конечно, вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли въ данномъ случаѣ оказать просителю содѣйствіе, или же

нѣтъ. При этомъ, однако, преторъ отнюдь не вдается въ разслѣдованіе фактическихъ обстоятельствъ дѣла; его и здѣсь, какъ при интердиктахъ, интересуютъ главнымъ образомъ лишь теоретическая, юридическая сторона вопроса. Претору необходимо лишь имѣть убѣжденіе въ серьезности и добросовѣстности просьбы, въ отсутствіи со стороны просителя никаки, *calumniæ*. Если онъ можетъ это разслѣдовать лично, и если *calumniæ* будетъ дѣйствительно доказана, то онъ, конечно, просто оставитъ просьбу безъ послѣдствій ¹⁾. Въ другихъ же случаяхъ онъ можетъ потребовать отъ просителя *jusjurgandum calumniæ* ²⁾.

Рѣшивъ (теоретически), что при данныхъ условіяхъ слѣдуетъ оказать просителю содѣйствіе, преторъ издаетъ свое приказаніе (*jubet*), свой *decretum* ³⁾, въ силу котораго отвѣтчикъ долженъ или тотчасъ же дать истцу *sponsio*, или же для этого преторомъ назначается опредѣленный срокъ. Общее содержаніе этой *sponsio* заключается въ томъ, что отвѣтчикъ обязуется уплатить просителю известную сумму денегъ (опредѣленную или же интересъ—*quantum ea res erit*) на тотъ случай, если что нибудь случится (зданіе отвѣтника разрушится и своимъ паденіемъ причинитъ просителю вредъ—*cautio damni infecti*) или же не случится (принципалъ не одобритъ процесса *procuratoris*—*cautio ratam rem haberi*) ⁴⁾.

Въ такомъ видѣ *stipulationes praetoriae* существуютъ въ эпоху формулярнаго процесса, но, какъ справедливо полагаетъ господствующее ученіе ⁵⁾, первые случаи прихвѣненія ихъ должны быть отнесены еще къ періоду *legis actiones*. Они должны были возникнуть приблизительно въ одно время съ установленіемъ интердиктнаго производства *per sponsiones*.

Какъ средство преторскаго вліянія, *stipulationes praetoriae* имѣютъ большое сродство съ интердиктами. При интердиктахъ магистратъ

---

¹⁾ Cp. fr. 1. 9. D. de stip. praet. 46. 5. Quod si sit aliqua controversia, ut puta si dicatur per calumniam desiderari, ut stipulatio interponatur, ipse praetor debet super ea re summam cognoscere et cautum iubere aut denegare.

²⁾ fr. 7 pr. D. de damno inf. 39. 2. Praetor ait: damni infecti suo nomine promitti, alieno satisfacere iubebo ei, qui iuraverit non calumniae causa id se postulare...

³⁾ Cp. fr. 7 pr. D. eod. .... si de ea re ex decreto meo eiusve, cuius de ea re iurisdictio fuit quae mea est, cautum fuisset.

⁴⁾ Cp. Keller. Civilprocess. § 77 къ прим. 890.

⁵⁾ Keller. Civilprocess. § 22, Girard. Manuel. p. 38.—Еще Leist. Versuch einer Geschichte der röm. Rechtssysteme. S. 83.

прямо, своимъ приказаніемъ, возлагаетъ на то или другое лицо извѣстную обязанность сдѣлать что-либо (*interdicta restitutoria, exhibitoria*) или не дѣлать чего-либо (*interdicta prohibitoria*). При *stipulationes praetoriae* стороны подъ давленіемъ преторской власти заключаютъ между собой *sponsio*, въ силу которой одна изъ нихъ обязуется (говоря вообще) уплатить другой извѣстную сумму денегъ на тотъ случай, если что-нибудь случится или не случится. Вслѣдствіе этой угрозы на *promissor'a* ложится обязанность заботиться о томъ, чтобы что-либо случилось (напр. чтобы *dominus negotii* далъ *ratihabitio* процесса) или не случилось (зданіе не обрушилось). Этому желаетъ лицо, испрашивающее *sponsio*; этого желаетъ и магистратъ, принуждая дать *cautio*. Такимъ образомъ и при *stipulatio praetoria* *матеріальною цѣлью и матеріальнымъ содержаніемъ* преторскаго приказанія является, какъ при интердиктахъ, *возложеніе на отъѣнчика обязанности сдѣлать что-либо или не дѣлать чего-либо*.

Разница между обоими заключается только въ способахъ осуществленія этого приказанія, хотя даже *средство*, употребляемое магистратомъ при этомъ, и тамъ и здѣсь одно и то-же—*sponsio*.

При интердиктахъ издается приказаніе и только потому, когда это приказаніе останется не исполненнымъ, преторъ принуждаетъ стороны дать другъ другу *sponsiones*. Со стороны того лица, къ которому преторскій приказъ былъ адресованъ, эта *sponsio* будетъ *матеріально имѣть* такой смыслъ: „объщаюсь уплатить, если я что-либо сдѣлать или дѣлаю теперь вопреки приказанію претора“⁶⁾. *Sponsio* при интердиктахъ, такимъ образомъ, ставится въ зависимость отъ *condicio in praesens vel in praeteritum collata*. Преторъ, издавъ приказаніе, сначала ждетъ его исполненія и лишь потомъ, когда его ожиданіе оказалось тщетнымъ, принуждаетъ къ *sponsio*.

При *stipulatio praetoria* преторъ пользуется тѣмъ же средствомъ, но только примѣняетъ его иначе. Здѣсь преторъ не выжидаетъ; возлагая на отъѣнчика какую-либо обязанность, преторъ тотчасъ же заставляетъ его дать *cautio* на тотъ случай, если онъ этой обязанности не исполнитъ. Такимъ образомъ *sponsio* здѣсь будетъ имѣть такой видъ: „объщаюсь уплатить, если я что-либо сдѣлаю или не сдѣлаю“.

---

⁶⁾ Ср. *Ubbelohde. Interdicta. Bd. II. S. 88* и сл. („si adversus edictum praetoris vis facta est“, „si adversus edictum fecisti“, „si contra edictum non restituaisti или non exhibuisti“; тамъ же см. о томъ, что здѣсь *edictum*=*decretum*).

Другими словами, *condicio sponsionis* здесь будет *in futurum collata* ⁷⁾.

При такихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ по многихъ случаяхъ, магистратъ могъ выбрать или тотъ, или другой путь: общій цѣль, возложеніе извѣстной обязанности, могла быть достигнута и однимъ, и другимъ способомъ. Какой способъ выбрать въ данномъ конкретномъ случаѣ, рѣшали, конечно, соображенія практической целесообразности. Въ особенности же тамъ, гдѣ желательно было подкрѣпить исполненіе приказанія поручительствомъ, были, разумѣется, наиболѣе подходящими средствами *stipulationes praetoriae* (*satisfactiones*).

II. Въ тѣсной связи съ интердиктами и *stipulationes praetoriae* стоитъ и *missio in possessionem*. *Missio* одинаково подкрѣпляетъ своею силою и интердикты, и *stipulatio praetoria*. Какъ извѣстно, при интердиктахъ, въ случаѣ *indefensio* отиѣтчика, противъ него дается *missio in possessionem*. Такъ будетъ въ случаѣ его неинки къ магистрату ⁸⁾, но такъ же будетъ и тогда, если онъ откажется заключить *sponsio*, необходимую для интердиктнаго производства ⁹⁾. Подобную же роль во многихъ случаяхъ играетъ *missio* и по отношенію къ *stipulatio praetoria*, являясь иногда средствомъ для вынужденія послѣдней; а иногда—ея замѣной ¹⁰⁾.

Подобно интердиктамъ и *stipulationes praetoriae*, *missio in possessionem* вѣроятно также возникли еще въ эпоху *legis actiones* ¹¹⁾. Какой либо процессуальной связи, въ силу которой *missiones* предполагали бы необходимость формулярнаго процесса, не существуетъ. Правда, въ классическое время, нормальнымъ средствомъ для осуществленія *missio* и для защиты *missus* является *actio in factum* ¹²⁾,

⁷⁾ Ср. напр. *Cautio damni infecti*: „quod damnum mihi datum erit, quanti ea res est, tantum pecuniam mihi dare spondesne?“ — *Burckhard*. *Cautio damni infecti*, Glück's Kommentar S. 491; тамъ же см. реконструкцію Schmidt'a, Rudorff'a и др.

⁸⁾ Fr. 3. 14. D. de hom. lib. exh. 43. 29. — Ср. *Ubbelohde*. *Interdicte*. B. I. S. 21 - 22.

⁹⁾ *Schmidt*. *Interdictenverfahren*. S. 246 - 247, *Pfersche*. *Interdicte*. S. 39.

¹⁰⁾ Ср. fr. 1. 1. D. ut. in poss. leg. 36. 4. *Burckhard*. l. cit. S. 505: „Hier zeigt es sich deutlich, dass die missio keineswegs bloss den Character einer poena für den Nichtkavierenden, sondern zugleich den einer in Ermangelung der Cautionsleistung eintretenden Sicherstellung des Bedrohten hat.“ S. 542: *missiones* „sind zugleich und in erster Linie dazu bestimmt, den Cautionsberechtigten sicherzustellen, sie sind *vice cautionis*“.

¹¹⁾ Ср. *Girard*. *Manuel*. p. 33, *Rudorff*. *Röm. Rechtsgeschichte*. Bd. I. §. 61.

¹²⁾ Fr. 1 pr. D. ne vis fiat ei 43. 4. *Ait praetor*: „si quis dolo malo fecerit, quominus quis permissu meo eiusve, cuius ea iniunctio fuit, in possessionem bonorum

по упоминается рядомъ и интердиктъ¹³⁾. Сверхъ того, какъ намъ кажется, мы имѣемъ указаніи и на то, что для осуществленія *missiones* могли употребляться въ болѣе древнее время и прямыя средства преторскаго *imperium*. Мы имѣемъ въ виду не цитированный выше fr. 5. 27 D. ut in poss. legat. 36. 4, въ которомъ вводитъ во владѣніе „*per viatorem aut per officialem praefecti aut per magistratus*“ дѣйствительно можетъ быть явленіемъ болѣе позднимъ¹⁴⁾, а fr. 4. 2 D. de damno inf. 39. 2.

„An tamen is, qui non admittit, etiam *pignoris* a magistratibus coerceatur? Non puto, sed in factum actione tenebitur: nam et si a praetore missus non admittatur, eadem actione utendum est“.

Самый вопросъ юриста о примѣнности *pignoris capio* показывать, что и это средство было мыслимо; формулировка отвѣта—non puto—въ свою очередь свидѣтельствуешь, что, если отвѣтъ дается отрицательный, то причиной являются не соображенія юридическія, а соображенія административной традиціи¹⁵⁾.

Въ виду этого едва-ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что *missio in possessionem* въ началѣ своего возникновенія приводилась въ исполненіе путемъ прямыхъ мѣръ преторскаго *imperium*¹⁶⁾.

III. Къ особеннымъ средствамъ преторскаго воздѣйствія относятся, наконецъ, какъ извѣстно, и *restitutio in integrum*. Въ чемъ, однако, заключается особенность этого средства, особенность, кото-

---

sit, in eum in factum iudicium, quanti ea res erit, ob quam in possessionem missus erit, dabo.“ fr. 1. 2 cod. Est autem generale hoc edictum: pertinet enim ad omnes, qui in possessionem a praetore missi sunt.

¹³⁾ Ср. fr. 4 pr. D. h. t. 43. 4, fr. 3 pr., fr. 3. 2 cod.

¹⁴⁾ Ср. выше, стр. 87.

¹⁵⁾ Ср. *Pernice*, Festgaben für Beseler. S. 51. „Bei Missionen durfte der Prätor grundsätzlich mit Pfändung oder durch seine Diener die Besitzergreifung durchsetzen oder den Eingewiesenen im Besitze erhalten. Aber im Allgemeinen war der Stadtprätor auch hier discret: er gab lieber actio in factum oder Interdikt“.

¹⁶⁾ Ср. *Ubbelohde*, Interdicte. Bd. II. S. 359: „Nun ist aber gewiss keine zu kühne Vermuthung, dass ursprünglich die missio in bona rei servandae causa ausschliesslich kraft der unmittelbaren Zwangsmittel des imperium geschützt wurde; war doch der Zwang potestatis jure auch später noch unentbehrlich, wenn sich der Imperator der zum Schutze der missio aufgestellten actio entzog“.

рал давала-бы основаніе ставить *restitutio* на одну доску съ интердиктами, *stipulationes praetoriae* и *missiones*?

Вопросъ о природѣ *restitutio in integrum* является въ современной литературѣ спорнымъ. По мнѣнію однихъ, характеристической чертой *restitutio* является то, что она имѣетъ своею цѣлью возстановленіе *тождественнаго* состоянія, того же состоянія, которое было и раньше, а не просто такого-же, т. е. матеріально равнаго. Этимъ признакомъ *restitutio* отличается отъ цѣлой массы т. н. несобственныхъ *restitutiones*¹⁷⁾. По мнѣнію же другихъ, ограничивать понятіе *restitutio* только случаями возстановленія тождественнаго состоянія (да и едва-ли вполнѣ тождественное состояніе когда-либо можетъ быть возстановлено) значить произвольно (вопреки источникамъ) суживать это понятіе¹⁸⁾. Сущестно *restitutio* заключается не въ томъ, что она возстановляетъ матеріально—прежнее состояніе (такую же цѣль имѣютъ и многіе иски), а въ *особенномъ, проявляющемся въ ней внимательствѣ преторской власти*¹⁹⁾, илѣннимъ образомъ выражающемся въ предварительной *causae cognitio*.

Однако, и этотъ послѣдній признакъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи чрезвычайно шаткимъ. *Bekker*, изслѣдовавъ различные случаи *restitutio*, принужденъ въ концѣ концовъ заявить: „Даже эта *causae cognitio* не въ состояніи отдѣлить случаи настоящей *restitutio* отъ остальныхъ продуктовъ преторскаго творчества. И во многихъ другихъ мѣстахъ своего эдикта преторъ опредѣленно удерживаетъ за собою *causae cognitio*; точно такъ же во всѣхъ тѣхъ случаяхъ вообще, гдѣ преторъ поступаетъ, не соображаясь съ эдиктомъ, *causae cognitio* является, конечно, общимъ правиломъ. Съ другой стороны, при вѣкоторыхъ *restitutiones* необходимость предварительной *causae cognitio* отпала; такъ, напр., безъ *causae cognitio* дается *restitutio* по причинѣ *capitis deminutio* или вслѣдствіе *Senatusconsultum*

---

¹⁷⁾ Напр. *Windscheid*. Pandekten. Bd. I. § 114, прим. 3. „Man muss scharf betonen, dass unter Wiederherstellung eines früheren Zustandes nicht zu verstehen sei Herstellung eines *gleichen* Zustandes, wie der früher dagewesene, sondern Herstellung des *identischen* früher dagewesenen“ ..

¹⁸⁾ *Bekker*. Aktionen. Bd. II. S. 96.

¹⁹⁾ См. *Savigny*. System. Bd VII. § 316 и слѣд., *Hernburg*. Pandekten. Bd. I. § 189, прим. 2. „In der Wiederherstellung des vorigen Standes allein liegt also das Specifische des hier behandelten Rechtsmittels nicht. Vielmehr ist ihm wesentlich, dass die Wiederherstellung durch *besonderes persönliches Eingreifen des Richters in den ordentlichen Gang des Rechtes erfolgt*“.

Vellejanum. Да и вообще, преторъ всегда можетъ по своему усмотрѣнію *cognitio* сократить и посредствомъ формулы нерѣшенные фактическіе вопросы передать на разслѣдованіе судьи²⁰⁾.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны нельзя провести теоретической демаркаціонной линіи между *restitutio* и массой другихъ преторскихъ созданій (исковъ, экцепцій и т. д.), преслѣдующихъ подобную же матеріальную цѣль—возстановить лицо въ прежнее состояніе.

Да и посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, какими способами *restitutio* осуществляется. Въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, вполне убѣдительно показать тотъ-же *Bekker*, что *restitutio* приходится въ исполненіе, смотри по условіямъ случая, самыми различными средствами, иногда даже при помощи цѣлаго комплекса средствъ. Наиболѣе частными изъ этихъ средствъ являются *exceptio* или *denegatio actionis*, возстановленіе потеряннаго иска путемъ *rescissio tōro* или другаго факта (т. е. дача потеряннаго иска съ фикціей въ формулѣ), представленіе иска совершенно новаго (напр. *actio doli*) и т. д., иногда, наконецъ, даже *praetoria cognitio*, т. е. возстановленіе прежняго состоянія административными мѣрами. Сопоставляя все вышесказанное, *Bekker* говоритъ, что, по отношенію къ *actio*, *restitutio* можетъ играть различную роль: а) она является средствомъ приобрести извѣстный искъ или освободиться отъ иска противника; б) она есть часть *actio*, причемъ *restitutio* является однимъ изъ пунктовъ производства *in iure*, касающагося этого иска, и в) *restitutio* является суррогатомъ *actio*—именно тамъ, гдѣ она осуществляется *extra ordinem*²¹⁾.

Изъ всего этого мы имамъ сдѣлать тотъ выводъ, что *restitutio in integrum* съ формальной стороны не является какимъ либо самостоятельнымъ средствомъ преторскаго воздѣйствія; для своего осуществленія она сама, напротивъ, нуждается въ *actio*, *exceptio* и т. д., т. е. въ томъ или иномъ способѣ этого воздѣйствія. *Restitutio* не представляетъ собою какой-либо новой формы преторскаго вмѣшательства подобно интердиктамъ или *missioes in possessionem*; она является лишь, такъ сказать, извѣстной темой преторскаго вмѣшательства, задачей, осуществленіе которой должно быть достигнуто какими либо иными путями. Поэтому въ одномъ случаѣ попросъ о *restitutio*

---

²⁰⁾ *Bekker*. l. cit. S. 100—101.

²¹⁾ *ibid* S. 104.

может поглотиться въ вопросѣ о предоставленіи просителю *exscriptio*, въ другомъ случаѣ—въ вопросѣ о представленіи иска и т. д. Нѣсколько особенный видъ *restitutio* принимаетъ только тогда, когда возстановленіе въ прежнее состояніе касается цѣлаго юридическаго положенія лица или цѣлаго комплекса имуществъ, напр. при *capitis deminutio* или при вынужденномъ отказѣ отъ наслѣдства²²⁾. Здѣсь, вмѣсто того, чтобы при каждомъ новомъ искѣ или другомъ средствѣ, необходимомъ для осуществленія этой общей задачи, повторять *causae cognitio* о допустимости *restitutio*, естественнѣе всего было и самому просителю обратиться къ претору заранѣе съ общей просьбой о ней, и самому претору выразить свое общее рѣшеніе. Вслѣдствіе этого въ такихъ случаяхъ постановленіе о *restitutio* (*decretum*) и хронологически, и формально отдѣлялось отъ тѣхъ средствъ, которыми оно потомъ приводилось въ исполненіе. Но такое отдѣленіе, съ одной стороны, не является непремѣнной необходимостью при *restitutio*, а, съ другой стороны, оно наблюдается и помимо случаевъ *restitutio*, напр. при *datio bonorum possessionis*²³⁾.

Встрѣчались-ли случаи *restitutio* еще въ эпоху *legis actiones*, т. е. до *lex Aebutia*? Нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ²⁴⁾ даютъ на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный, основываясь главнымъ образомъ на общихъ соображеніяхъ о томъ, что только *lex Aebutia* открыла претору болѣе широкую возможность оказывать свое вліяніе на правоотношенія цивильнаго права и т. д. Конечно, едва-ли историкъ римскаго права удастся найти положительныя, неопровержимыя данныя для рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону—и, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время приходится ограничиваться только болѣею или меньшею вѣроятностью,—но вѣроятность эта, какъ намъ кажется, склонится скорѣе въ пользу отвѣта утвердительнаго, чѣмъ отрицательнаго.

---

²²⁾ Ср. fr. 21. 6. D. 4. 2. Si coactus hereditatem repudiem, duplici via praetor mihi succurrit aut utiles actiones quasi heredi dando aut actionem metus causa praestando.

²³⁾ И даже иногда при отдѣльныхъ искахъ. Напр. fr. 15. 28. D. 39. 2. Eleganter quaeritur, si, dum praetor de danda stipulatione deliberat, damnum contigerit, an sarciri possit. Et missio quidem cessabit: praetor tamen discernere debet, quidquid damni contigerit, ut de eo quoque caveatur, aut, si praeulat, quod utiliter actionem daturus sit, discernat.

²⁴⁾ См. напр. Girard. Manuel. p. 39—40, p. 1032.

Отвѣтъ, конечно, долженъ былъ бы быть отрицательнымъ, если бы было доказано, что до *lex Aebutia* и формулярнаго процесса въ рукахъ претора не было *средствъ* для осуществленія *restitutio*, что преторъ просто *не могъ-бы* тогда выполнить со, если бы даже и хотѣлъ. Но доказывать это едва-ли кто-либо возьмется. Даже въ классическую эпоху рядомъ съ *denegatio*, *exceptio*, *actio* и тому подобными средствами, предполагающими формулярный процессъ, въ качествѣ способа осуществленія *restitutio* истрѣбается и *praetoria cognitio*. Такъ напр.

fr. 13. 1. D. de minor. 4. 4. Ulpianus l. 11. ad ed. Interdum autem restitutio et in rem datur minori, id est adversus rei eius possessorem, licet cum eo non sit contractum: ut puta rem a minore emisti et alii vendidisti. Potest desiderare interdum adversus possessorem restitui, ne rem suam perdat vel re sua careat: *et hoc vel cognitione praetoria vel rescissa alienatione dato in rem iudicio*.

fr. 39 pr. D. de evict. 21. 2. Iulianus l. 57 dig. Minor viginti quinque annis fundum vendidit Titio, eum Titius Seio: minor se in ea venditione circumscriptum dicit et *impetrat cognitionem* non tantum adversus Titium, sed etiam adversus Seium. Seius postulabat apud praetorem utilem sibi de evictione stipulationem in Titium dari: ego dandam putabam. respondi: iustam rem Seius postulat: nam si ei fundus *praetoria cognitione* ablatus fuerit, aequum erit per eundem praetorem et evictionem restitui ²⁹⁾.

Предполагать, что во *всѣхъ* подобныхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ *praetoria cognitio*, она есть явленіе позднѣйшее, признакъ зарожденія экстраординарнаго процесса, мы здѣсь находимъ еще менѣе основаній, чѣмъ тамъ, гдѣ она явлется рядомъ съ interdиктами (см. выше). Совершенно правильно говорить по этому поводу *Pernice* ²⁹⁾: „Ob der Prätor bei der Durchführung der Restitution selbst eingriff oder eine actio rescissoria gab, möchte von seiner Individualität abhängen: noch häufiger hieng es von der Beschaffenheit des Einzelfalles ab“.

²⁹⁾ Ср. еще *fr. 9. 4. D. 12. 2.—Bekker. Aktionen. Bd. II. S. 87.—Girard l. cit. p. 224* полагаетъ, что здѣсь *restitutio* появлялась между *lex Aebutia* и началомъ имперіи, ибо до *lex Aebutia* употребъ „ne pouvait créer de restitutio“.

²⁹⁾ Festgaben für Beseler. S. 52.

Но если еще въ классическую эпоху для осуществленія *restitutio* употреблялась непосредственная *cognitio* претора, то очевидно, что эта *cognitio* могла явиться средствомъ *restitutio* и до закона Эбуция. Преторъ, напр., въ случаѣ покупки вещи у *minor'a*, невыгодной для послѣдняго, могъ просто покупщику приказать: „отдай вещь назадъ“, и затѣмъ или привести это свое приказаніе въ исполненіе путемъ *multae dictio* или *ignoris capio*, или же по истеченіи опредѣленнаго для *restitutio* вещи срока заставить стороны заключить *sponsiones*, т. е. перевести дѣло на путь производствъ *интердиктнаго*.

Такимъ образомъ, средства для достиженія матеріальнаго эффекта *restitutio* въ рукахъ претора и до *lex Aebutia* были, но были-ли случаи самой *restitutio*,—это, конечно, вопроса не рѣшаетъ. Мы думаемъ, однако, что нѣкоторые случаи *restitutio* мы должны предположить еще до *lex Aebutia*.

Напримѣръ, *restitutio ob capitis diminutionem*. Намъ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы эта *restitutio* возникла только послѣ установленіи формулярнаго процесса, чтобы до этого, какъ извѣстно, довольно поздняго времени ²¹⁾ не существовало какого-либо средства для защиты кредиторовъ лица, подвергающагося *capitis diminutio*. Цивильный принципъ погашенія долговъ вследствие, напр., *argrogatio* или *in manum conventio* открывалъ несомнѣнно широкій просторъ для злоупотребленій: должнику, обремененному долгами и опасяющемуся *executio*, стоило только войти съ кѣмъ-нибудь въ сдѣлку объ *argrogatio*, чтобы вовсе, со всѣмъ своимъ имуществомъ, уйти отъ кредиторовъ. Если еще при *argrogatio* публичность формы (*argrogatio comitiis calatis*), быть можетъ, служила нѣкоторой гарантіей для кредиторовъ, то при *conventio in manum* даже этой гарантіи не было. Въ виду этого, несомнѣнно, еще до *lex Aebutia* долженъ былъ существовать какой либо коррективъ этой системы, и намъ кажется, что мы можемъ опредѣлить этотъ коррективъ на основаніи нѣкоторыхъ указаній, почерпнутыхъ изъ позднѣйшаго порядка.

Какъ извѣстно, въ классическую эпоху въ случаѣ *argrogatio* или *conventio in manum* дается противъ *capite minutus* или *capite minuta*, *utilis actio rescissa capitis diminutione; et si adversus hanc actionem non defenduntur, quae bona eorum futura fuissent, si se alieno iuri non*

²¹⁾ По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ *Girard'a* (*La date de la loi Aebutia* въ *Zeitschr. der Sav.-St.* Bd. XIV, sp. Mannef. p. 971), *lex Aebutia* приходится на время между 605 и 628 г. а. н. с., т. е. 149—126 до Р. X.

subiecissent, universa vendere creditoribus praetor permittit²³⁾. Въ случаѣ capitis deminutio maxima или media, restitutio исковъ противъ capite minutus въ такомъ смыслѣ невозможна; поэтому здѣсь дается actio utilis противъ тѣхъ, ad quos bona pervenerunt eius, и опять— „nisi in solidum defendatur, permittendum est in bona, quae habuit, mitti“²⁴⁾.

Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ сначала дается actio utilis, потомъ, если этотъ искъ не приводитъ къ цѣли, —missio in possessionem.

Въ эпоху до lex Aebutia объ actio utilis, конечно, не можетъ быть рѣчи, но матеріальный эффектъ restitutio могъ быть достигнутъ посредствомъ прямой missio in possessionem. Подобнымъ же образомъ restitutio могла быть проводима и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

---

²³⁾ Cp. Gai. Inst. III. 84, IV. 38.

²⁴⁾ Fr. 2 pr., fr. 7. 2. Dig. de cap. minut. 4. 5.

§ 7.

Преторскія средства въ эпоху формулярнаго процесса.

Положеніе старыхъ формъ преторскаго вліянія (интердиктовъ и пр.). Новая форма: *denegatio* цивильнаго иска и *exceptio*; *actiones praetoriae*, анализъ ихъ юридическаго характера. Разборъ мѣтніи *Schultze* объ общемъ характерѣ формулярнаго процесса и экскурсъ относительно процессуальной *consumptio*.

Какъ выясню все предыдущее изложеніе, господствующее ученіе о томъ, что *lex Aebutia* не былъ закономъ, создававшимъ для магистрата какія-либо новыя полномочія, должно быть, вопреки *Schultze* и *Puntscharf'y*, признано безусловно правильнымъ. Несмотря на отсутствіе прямыхъ свидѣтельствъ относительно содержанія этого закона, путемъ сопоставленія преторскихъ средствъ, извѣстныхъ еще эпохѣ *legis actiones*, приходится признать, что послѣ *lex Aebutia* мы имѣемъ не возникновеніе преторскаго вліянія, а лишь его расширеніе. Преторское вліяніе на область частныхъ правоотношеній возникло гораздо раньше этого закона и до этого же закона оно естественнымъ образомъ расширялось. Законъ Эбуція имѣлъ изъ виду лишь реформу процессуальнаго характера, но эта реформа облегчила путь для дальнѣйшаго роста преторскаго вліянія.

Возложеніе на претора обязанности въ каждомъ процессѣ составлять формулу для *judicium* открыло ему возможность, съ одной стороны, вліять на цивильные споры путемъ *denegatio actionis* и включенія *exceptiōis*, а съ другой стороны—создавать свои собственные иски—*actiones in factum*, *actiones praetoriae*. Появленіе

этого послѣдняго средства не замедлило, конечно, отразиться прежде всего на положеніи старыхъ преторскихъ средствъ, выработанныхъ еще въ эпоху *legis actiones*, т. е. на интердиктахъ, *stipulationes praetoriae* и т. д.

Что касается, во-первыхъ, *интердиктовъ*, то уже давно было отмѣчено то обстоятельство, что въ эту формулярную процессуальную интердикты во многихъ случаяхъ были замѣнены посредствомъ *actiones in factum*. Цѣль, которую преслѣдовали интердикты, могла быть въ общемъ всегда достигнута посредствомъ аналогичнаго иска: вмѣсто интердикта „*restituas*“—„*nisi restituet, condemna*“, вмѣсто „*exhibeas*“—формула „*nisi exhibebit, condemna*“ и т. д. Съ появленіемъ *actiones in factum*, говоритъ *Schmidt*¹⁾, въ дальнѣйшемъ существованіи интердиктовъ не было уже принципиально необходимости. *Actiones in factum* способны были совершенно выполнить ту задачу, для которой были предназначены интердикты; послѣдніе теперь безъ всякаго вреда для правовой жизни могли бы быть превращены въ *actiones in factum*. И если этого не случилось въ дѣйствительности, то причиной дальнѣйшаго существованія интердиктовъ является отчасти сила традиціи, отчасти же нѣкоторыя практическія преимущества, связанныя съ ними. Такъ, напр., личное приказаніе претора отвѣтчику, безъ сомнѣнія, имѣло фактически больше вѣса, чѣмъ общее изреченіе закона или эдикта. Затѣмъ, грозившая впоследствии для неисполнившаго приказаніе отвѣтника возможность потерять сумму *sponsionis* (интердиктный процессъ *sum periculo*) также должна была содѣйствовать для него лишній разъ къ исполненію обязанности.

Могли быть и другія практическія преимущества этой формы²⁾,—но для насъ, во всякомъ случаѣ, важенъ лишь тотъ фактъ, что въ эпоху формулярнаго процесса мы имѣемъ, съ одной стороны, нѣредккіе случаи замѣны интердиктовъ посредствомъ *actiones in factum*, съ другой стороны—случаи, гдѣ обѣ эти формы существуютъ рядомъ и предоставляются на-выборъ³⁾. Эти факты несомнѣнно свидѣтель-

¹⁾ Das Interdiktenverfahren. S. 313, 318—319.

²⁾ Ср. къ этому вопросу—*Keller*. Civilprocess § 70, *Pfersche*. Interdikte. S. 31, *Ubbelohde*. Interdikte. Bd. II. S. 343—379.

³⁾ Напр. *Interdictum Salvianum* и *actio Serviana*, *int. fraudatorium* и *actio Pauliana* и т. д. Ср. *Bethmann-Hollweg*. Civilprocess. Bd. II. S. 348, прим. 19.—Fr. 8. 5. D. de relig. 11. 7. *Ei qui prohibitus est inferre in eum locum, quo ei ius infe-*

ствуютъ, что *какого-либо принципиальнаго различія, различія по сферамъ примѣненія, по предметамъ и отношеніямъ между interdictionibus et actiones praetoriae не существуетъ*⁴⁾. Поскольку ядучу претора составляетъ защита какого-либо интереса, незащищеннаго въ *jus civile*, преторъ пользуется средствомъ однимъ или другимъ—руководясь исключительно или традиціей или соображеніями практической цѣлесообразности.

Подобное же явленіе можетъ быть констатировано и по отношенію къ прочимъ преторскимъ средствамъ.

Stipulationes praetoriae въ эпоху формулярнаго процесса находятъ также въ частныхъ отношеніяхъ съ преторскими исками⁵⁾. Силою и рядомъ послѣдніе являются, т. е., санкціей первыхъ въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ отказа дать *cautio* противъ непослушнаго дается прямо *actio*. Какъ мы видѣли выше, *stipulatio praetoria* есть извѣстное средство защиты интересовъ, не защищенныхъ въ *jus civile*, причемъ преторъ защищаетъ эти интересы такъ, что тотчасъ же приказываетъ отвѣтчику дать обѣщаніе уплатить извѣстную сумму на случай, если что-либо случится или не случится въ будущемъ. Само собою разумѣется, что теперь, т. е. въ эпоху формулярнаго процесса, тотъ же интересъ могъ быть защищенъ и безъ предварительной *stipulatio*—путемъ простаго предоставленія иска уже послѣ того, какъ означенное событіе случилось или не случилось. И мы, дѣйствительно, найдемъ въ источникахъ примѣры подобнаго рода.

Извѣстѣйшимъ примѣромъ, конечно, является случай *cautio damni infecti*. Отказъ дать *cautio* влечетъ за собой *missio in possessionem*, недопущеніе къ *possessio*—*actio in factum* (*dicticia*). „*In eum, qui neque caverit neque in possessione esse neque possidere passus est, iudicium dabo, ut tantum praestet, quantum praestare eum oporteret, si de ea re... cautum fuisset*“, говорить эдиктъ⁶⁾.

---

ferendi esset, in factum actio competit et interdictum. Fr. 0 eod. Liberum est ei, qui prohibetur mortuum ossave mortui inferre aut statim interdicto uti, quo prohibetur ei vis fieri, aut alio inferre et postea in factum agere, per quam consequetur actor, quanti eius interfuerit prohibitum non esse.—Fr. 3. 2. D. 43. 4 и др.

⁴⁾ Ср. *Schmidt*. l. cit. S. 313. „Eine Theilung nach Klassen der Gegenstände findet zwischen diesen und Interdikten nicht Statt“.

⁵⁾ См. напр. *Keller*. Civilprocess. § 77.

⁶⁾ Fr. 7 pr. D. de damno inf. 39. 2. Ср. fr. 15. 23 eod. (цитировано выше).

Другой примѣръ. Какъ известно, *adrogator* принципиально обязанъ при *adrogatio* давать *satisfactio boni impuberis restitutum iri*¹⁾; если, однако, эта *satisfactio* почему-либо установлена не была, то, какъ говорить fr. 19. 1. D. de adopt. 1. 7, „*utilis actio in adrogatorem datur*“. Подобное же явленіе мы имѣемъ и въ

fr. 10. D. de pr. verb. 19. 5. *Partis tertiae usum fructum legavit: heredis bona ab eius creditoribus distracta sunt et pecuniam, quae ex aestimatione partis tertiae flebat, mulier accepit fruendi causa et per ignorantiam stipulatio praetermissa est. Quaero, an ab herede mulieris pecunia, quae fruendi causa data est, repeti possit et qua actione? Respondi in factum actionem dari debere.*

Т. обр., преторъ могъ тотъ же самый интересъ защитить и путемъ непосредственнаго предоставленія иска, и, если бы все дѣло заключалось только въ такой защитѣ, то и *stipulationes praetoriae*, подобно интердиктамъ, „безъ вреда для права“ могли бы быть послѣ *lex Aebutia* заимствованы преторскими исками. Если же онѣ сохраняются и даже возникаютъ иногда вновь (напр., *cautio de rato* процессуальныхъ *procuratores*), то причиной этому являются опять таки соображенія практической целесообразности.

Главнѣйшимъ изъ этихъ соображеній является то, что многія изъ *stipulationes praetoriae* были *satisfactiones*, т. е. *promissiones*, обезпеченныя поруचितельствомъ. Такія *stipulationes* уже не только защищали тотъ или другой интересъ, но въ то же время и обезпечивали его, чего, конечно, не могли дать простыя *actiones in factum*.

Въ другихъ случаяхъ, дажѣ, могло казаться по отношенію къ отвѣтчику несправедливымъ возложить на него отвѣтственность по иску сразу, безъ всякаго предварительнаго предупрежденія, и вотъ роль такого предупрежденія играла *stipulatio praetoria*. Примѣромъ этого рода можетъ служить *cautio damni infecti*. Прежде всего, конечно, самъ хозяинъ угрожаемаго участка долженъ заботиться о своихъ интересахъ, и, если ему что-либо грозитъ, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, обратить вниманіе сосѣда на плохое состояніе зданія и т. п. Эту роль и играло до известной степени требованіе *cautio*²⁾.

---

¹⁾ fr. 17. 5, fr. 18, fr. 19 pr. D. de adopt. 1. 7.

²⁾ Тоже соображеніе могло имѣть значеніе и для некоторыхъ интердиктовъ.

То же самое, дайте, нужно сказать и относительно *missio in possessionem*. Какъ извѣстно, въ періодъ формулярнаго процесса нормальной санкціей *missio* служить *actio in factum*.

fr. 1 pr. D. ne vis fiat. 43. 4. Ait praetor: Si quis dolo malo fecerit, quominus quis permissu meo eiusve, cuius ea iurisdiclio fuit, in possessionem bonorum sit, in eum in factum iudicium, quanti ea res erit, ob quam in possessionem missus erit, dabo".

Уже изъ этого мѣста видно, что, поскольку дѣло касается лишь защиты извѣстнаго интереса, придавая ему юридической силы, роль *missio in possessionem* также могла быть исполнена простымъ преторскимъ искомъ. Если же *missio* удерживается (а несмысленно, что нѣкоторые случаи создаются даже вновь), то причиной и здѣсь являются тѣ или другія соображенія целесообразности, соображенія не только защиты, но и *возможно лучшей* защиты даннаго интереса.

Объ отношеніи *restitutio in integrum* къ преторскимъ искамъ мы уже говорили выше. Часто *restitutio* есть не что иное, какъ лишь матеріальная, внутренняя цѣль *actio*, формально совершенно скрывающаяся въ этой послѣдней.

Т. обр., послѣ *lex Aebutia* преторское развитіе примъ движется главнымъ образомъ посредствомъ *actiones praetoriae*. Всѣ другія преторскія средства, поскольку они имѣли своею цѣлью предоставленіе юридической защиты тому или другому интересу, обнаруживаютъ тенденцію перейти въ *actiones praetoriae* и часто, дѣйствительно, замѣняются ими. Если же они сохраняются, то лишь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ практической целесообразности, а не по какимъ либо юридическимъ различіямъ въ сферахъ ихъ примѣненія. Ко всей области преторскихъ средствъ примѣнимы слова *Schmidt'a*, сказанныя имъ относительно интердиктовъ: „*Die Theilung nach Klassen der Gegenstände findet nicht statt*".

Установивъ этотъ фактъ, обратимся теперь къ специальному разсмотрѣнію тѣхъ преторскихъ средствъ, которыя стали возможны только послѣ *lex Aebutia*. Средства эти—отказъ въ *цивильномъ искѣ* (*denegatio, exceptio*) и преторскій искъ.

Въ эпоху формулярнаго процесса всякій искъ долженъ пройти черезъ руки претора для того, чтобы получать отъ него необходи-

мую для *judicium* формулу. Какое же юридическое значеніе имѣетъ эта формула?

Господствующее ученіе опредѣляетъ ее обыкновенно, какъ инструкцію судьи, имѣющую своей задачей опредѣлить тотъ споръ, который подлежитъ рѣшенію судьи, опредѣлить *res de qua agitur*. Иначе смотритъ на этотъ вопросъ *Schultze* *).

Производство *in jure*, говоритъ онъ, является всегда, т. е. безразлично, будетъ-ли искъ гражданскій или преторскій, настоящимъ процессомъ, и этотъ процессъ *in jure*, если онъ не прекращается какимъ-нибудь формальнымъ актомъ сторонъ (*confessio, iurjurandum*), всегда оканчивается судебнымъ *приговоромъ*. Но этотъ приговоръ иногда бываетъ рѣшительнымъ, окончательнымъ (*Endurtheil*), иногда же—только условнымъ, гипотетическимъ.

Окончательный приговоръ бываетъ или отказывающимъ или обвинительнымъ (*abweisendes* или *condemnatorisches Endurtheil*). Отказывающій приговоръ есть *denegatio actionis*; она возможна или по формальнымъ причинамъ въ родѣ нынѣшней т. н. *absolutia ab instantia*, или же по причинамъ матеріальнымъ, когда претензія истца, по мнѣнію претора, противорѣчитъ *aequitas*.—Окончательный приговоръ будетъ обвинительнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преторъ рѣшаетъ дѣло лично, безъ передачи его *in iudicium*, рѣшаетъ своимъ *декретомъ*. Это случаи т. н. *extraordinaria cognitio*.

По приговору претора можетъ быть и не окончательнымъ, а лишь условнымъ, *гипотетическимъ*. Этотъ гипотетическій приговоръ и есть именно *формула*. Задачу *iudex*'а составляетъ затѣмъ превратить этотъ гипотетическій приговоръ въ безусловный, *математическій*; но свою юридическую силу этотъ послѣдній приговоръ получаетъ не отъ *iudex*'а, а отъ претора, который придаетъ ему эту силу имая въ своемъ приказаніи въ формулѣ „*condemna*“.

Въ формулярномъ процессѣ, поэтому, вторая стадія производства—*judicium*—относительно не является necessarily частью процесса; во многихъ случаяхъ дѣло до нея вовсе не доходитъ, найдя себя окончательное разрѣшеніе въ собственномъ (отрицательномъ или утвердительномъ) приговорѣ претора. *Judicium* представляется стадіей, для самаго понятія процесса несущественной, т. е. частнымъ, но не необходимымъ эпизодомъ.

---

*) *Privatrecht und Process*. S. 354 и сл.

Т. обр., по мнѣнію *Schultze*, *denegatio*, *decretum* и *formula* имѣютъ совершенно одинаковую юридическую природу и совершенно одинаковое значеніе (приговора). Въ частности, *formula* будетъ имѣть такое значеніе гипотетическаго приговора претора одинаково какъ при искахъ преторскихъ, такъ и при искахъ гражданскихъ. Согласно ученію *Schultze*, послѣ *lex Aebutia* *jus civile* было формально отменено, и преторъ во всѣхъ случаяхъ одинаково черпаетъ нормы для своихъ приговоровъ изъ своего правоубѣжденія, изъ *aequitas*.

Все это ученіе, однако, представляетъ собою смѣсь тонкаго анализа и натяжекъ, смѣсь правды съ неправдой.

Возьмемъ прежде всего *мыслимые* *иски*, и посмотримъ, можно-ли сказать, что формула является для нихъ *приговоромъ претора*, хотя-бы и гипотетическимъ?

Schultze отпращивается отъ своей общей идеи о томъ, что въ силу *lex Aebutia* *jus civile* потеряло значеніе формально дѣйствующаго права. Съ этой точки зрѣнія, конечно, выдача формулы при искахъ гражданскихъ, ни своему юридическому характеру, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ выдачи формулы при искахъ преторскихъ. Въ обоихъ случаяхъ мы будемъ имѣть здѣсь не только приговоръ, но въ то же время и „*Rechtsgengungsakt*“, „*Rechtsproduktion*“. Но мы уже говорили выше, что съ упомянутой основной идеей *Schultze* согласиться нельзя; мы видѣли, что законъ Эбуція былъ лишь процессуальнымъ закономъ, онъ не вручалъ претору какихъ-либо новыхъ полномочій и не является источникомъ преторскаго вліянія и преторскаго права: послѣднее существовало и до этого закона.

Если, поэтому, оставаться на почвѣ господствующаго ученія, то спрашивается, какое измѣненіе внесъ этотъ законъ въ положеніе гражданскихъ исковъ передъ преторомъ? По общему ученію, этотъ законъ лишь замѣнилъ словесную формулировку спора самими сторонами, какъ было при *legis actio*, письменной формулировкой его преторомъ. И на первыхъ порахъ эта письменная формулировка являлась, безъ сомнѣнія, лишь точной копіей словесныхъ формулъ *legis actio*. Въ-сто „*ait hunc hominem ex jure Quiritium meum esse*“—„*si paret hominem Stichum ex jure Quiritium Aⁱ Aⁱ esse*“; въ-сто „*ait te mihi C dare oportere*“—„*si paret N^m N^m A^o A^o C dare oportere*“ и т. д.

Если такъ, то можно-ли подобное *протоколированіе* заявленій сторонъ считать *рѣшеніемъ* претора, его *приговоромъ*? Мы думаемъ,

что нѣтъ: здѣсь преторъ такъ же мало что-либо рѣшаетъ, какъ и въ эпоху *legis actiones*. Рѣшить дѣло и постановить приговоръ судья (*iudex*), и только тогда мы будемъ имѣть *res iudicata*.

По отношенію къ гражданымъ искамъ преторъ и послѣ *lex Aebutia* сохраняетъ то же положеніе, которое онъ занималъ въ эпоху *legis actiones*; его *нормальнымъ* поведеніемъ является состояніе пассивности. Заявленія истца „*ius mihi esse*“, „*dare mihi oportere*“ и т. д. уже сами по себѣ служатъ основаніемъ для выдачи соотвѣтственной формулы и сами за собой, какъ неизбежное послѣдствіе, влекутъ необходимость *condemnatio*. Дѣлая эти заявленія, истецъ ждетъ отъ претора только занесенія ихъ въ формулу, только протоколированія ихъ, чтобы перейти затѣмъ къ дальнѣйшимъ процессуальнымъ дѣйствіямъ; рѣшенія дѣла, приговора онъ и теперь, какъ при *legis actio*, ждетъ только отъ *iudex*'а.

Совершенно справедливо, поэтому, замѣчаетъ *Wlassak*¹⁰⁾, что съ римской точки зрѣнія было бы грубой ошибкой говорить о „*magistratische Verleihung der Civillklage*“. По воззрѣнію, ясно выраженному у всѣхъ римскихъ юристовъ, *actio legitima* у претора не испрашивается и преторомъ не дается; что предоставляетъ законъ, то принадлежитъ каждому уже *ipso iure*, безъ всякаго содѣйствія со стороны магистрата¹¹⁾. Давая или выставивъ гражданскую формулу, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ¹²⁾, преторъ отноду не становится на мѣсто гражданской нормы; не онъ даетъ *actio*, а эта норма; онъ лишь приводитъ въ исполненіе то, что опредѣлила сила, стоящая выше его. Формулы гражданскихъ исковъ оттого только, что онѣ составлялись преторомъ, вопреки *Schultze*, отноду не становились преторскими, такъ же точно какъ и самые искъ отъ этого не мѣнили своего юридическаго характера.

¹⁰⁾ Römische Processgesetze. Bd. I. S. 46.

¹¹⁾ Поэтому, говоритъ *Wlassak* l. cit., относительно гражданскихъ исковъ источники употребляютъ выраженіе „*actio competit*“, въ противоположность преторскимъ, о которыхъ говорится „*actio datur*“.— Это замѣчаніе *Wlassak*'а, однако, не подтверждается: въ источникахъ мы часто встрѣчаемъ выраженіе „*competit*“ и относительно преторскихъ средствъ—исковъ и даже материктовъ: напр. fr. 8. 5. D. 11. 7, fr. 1 пр. D. 43. 1, fr. 2. 1. D. eod., fr. 1. 15 D. 43. 3 и др. Тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что *Wlassak* правъ въ томъ смыслѣ, что *техническимъ* выраженіемъ было относительно гражданскихъ исковъ „*actio competit*“, а относительно преторскихъ—„*actio datur*“. Ср. *Gai.* IV. 112.

¹²⁾ Edikt und Klageform (1882). S. 119.

Т. обр., усматривать, подобно Schultze, въ формулѣ гражданского иска приговоръ претора, хотя-бы и гипотетическій, совершенно невозможно; это значило-бы вполнѣ игнорировать и историческое разнѣиіе и разницу между *actiones civiles* и *homagium*, признаваемую даже въ классическую эпоху.

Преторъ, однако, въ гражданской формулѣ можетъ отказать—*actionem denegare*. Мы уже говорили раньше, что въ эпоху *legis actiones* такой *denegatio* предположить нельзя. Все, что было въ эту пору во власти магистрата,—это, пожалуй, послѣ осуществленія иска, котораго онъ не одобрялъ, приказать выигравшему процессъ истцу отдать назадъ полученную по суду вещь или сумму, и осуществить это свое приказаніе (*decretum*) мѣрами своей административной власти (*restitutio in integrum* путемъ непосредственной *cognitio*—см. выше). Послѣ *lex Aebutia* преторъ, имѣя въ своихъ рукахъ составленіе формулы, получилъ возможность отказать въ своемъ содѣйствіи истцу и т. обр., лишить послѣдняго иска. Не уничтожаетъ-ли это всею только что сказаннаго?

Schultze характеризуетъ *denegatio actionis*, какъ окончательный приговоръ претора по дѣлу; отъ формулы *denegatio*, по его мнѣнію, отличается только тѣмъ, что первая есть приговоръ неокончательный, гипотетическій. Мы думаемъ, однако, что и съ этой характеристикой согласиться невозможно. По ученію Schultze, формула (*litiscontestatio*) производитъ процессуальную *consumitio* именно потому, что она есть гипотетическій приговоръ претора. Если такъ, то тѣмъ болѣе мы должны были бы ожидать консумирующаго дѣйствія отъ приговора окончательнаго въ видѣ *denegatio*. Этого, однако, въ источникахъ мы совершенно не находимъ; *exceptio rei judicatae* къ *denegatio actionis* никогда не примѣнялась.

Denegatio есть, конечно, извѣстное рѣшеніе претора, но это рѣшеніе есть не *sententia*, а *decretum*¹³⁾, какъ и всякое другое *decretum*, являющееся результатомъ *praetoria cognitio*. Постановляя *denegatio actionis*, преторъ дѣйствуетъ не какъ судья, разбирающій процессъ, а какъ носитель *imperium*¹⁴⁾; своимъ властнымъ словомъ па-

¹³⁾ Ср. напр. *Rudorff*. Röm. Rechtsgeschichte. Bd. II. S. 230.

¹⁴⁾ *Wlassak*. Röm. Prozessgesetz. Bd. I. S. 44. „Der Prätor ist keineswegs bloss Schreiber im Dienste des Gesetzes: sein *Imperium* ermächtigt ihn zur Verweigerung wie zur Beschränkung der gesetzlichen Klage“.

реализующий готовый начаться процессъ. Denegatio цивильнаго иска есть не рѣшеніе *начинаю* процесса, а *недопущеніе процесса ко вѣдѣнію*, она парализуетъ, какъ veto, процессъ еще до его юридическаго зарожденія. Началомъ процесса, какъ извѣстно, по римскимъ воззрѣніямъ является только litiscontestatio, и denegatio приходится, поэтому, на періодъ времени, предшествующій тому, когда между сторонами установится процессуальное отношеніе; она лежитъ еще за предѣлами процесса.

Мы говорили выше, что нормальнымъ отношеніемъ претора къ предъявляемому цивильному иску является отношеніе пассивнаго протоколированія или—въ лучшемъ случаѣ—формулированія заявленій истца. Denegatio представляетъ отступленіе отъ этого общаго правила. Огвѣтчикъ, полагая, что предъявленіе противъ него даннаго иска по тѣмъ или другимъ причинамъ несправедливо, выводитъ претора изъ этого состоянія пассивности, вызываетъ его вниманіе, разслѣдованіе и примѣненіе imperium въ видѣ denegatio actionis. Вниманіе, активность претора нужна, т. обр., не для datio цивильнаго иска, а для его denegatio; но эта активность, это вышательство есть проявленіе imperium.

Уже изъ этого видно, что, если Schultze неправъ, сопоставляя denegatio съ выдачей цивильной формулы, то онъ совершенно правъ, сопоставляя denegatio съ decretum въ случаѣ extraordinaria cognitio. Denegatio есть такое же decretum, какъ и искиа другія decreta, которые мы встрѣчаемъ при непосредственной cognitio, при интердиктахъ, missio in possessionem и т. д. И тамъ, и здѣсь мы имѣемъ преторское вышательство jure potestatis, вышательство въ силу принадлежащаго претору imperium. Denegatio является, т. обр., еще однимъ, новымъ средствомъ, еще одной, новой формой преторскаго вліянія, которая очутилась въ рукахъ претора послѣ lex Aebutia вмѣстѣ со старыми выше разсмотрѣнными формами.

Denegatio естественно приводитъ насъ къ другому виду преторскаго вліянія на цивильные иски—къ *exceptio*. Denegatio предполагаетъ личное разслѣдованіе претора; въ тѣхъ же случаяхъ, когда это разслѣдованіе требуетъ болѣе или менѣе значительнаго труда и времени, когда заявленія огвѣтника не представляются съ перваго же раза несомнѣнными, тогда преторъ включаетъ въ формулу цивильнаго иска соответственную exceptio. Denegatio и exceptio являются, т. обр., институтами параллельными и по своему юридическому зна-

ченію тождественными¹⁵⁾. Exceptio есть въ существѣ своемъ не что иное, какъ *условная* или—употребляя выраженіе Schultze—*иннометическая denegatio*. Употребить въ каждомъ конкретномъ случаѣ одну форму или другую—это принципиально зависитъ отъ усмотрѣнія претора, и, если denegatio, какъ мы только-что видѣли, есть проявленіе преторскаго imperium, то такимъ же проявленіемъ imperium должны быть признана и exceptio: обѣ вырастаютъ изъ одного и того же корня, обѣ питаются одними и тѣми же соками.

Перейдемъ теперь къ *actiones praetoriae* и посмотримъ, что представляетъ собой съ юридической точки зрѣнія выдача формулы при этихъ искахъ.

Откуда черпаютъ эти иски свою силу? Если истецъ въ своей просьбѣ объ искѣ не можетъ опереться на *jus civile*, если, т. обр., необходимость condemnatio отвѣтника не вытекаетъ сама собою изъ какого-либо „*jus esse*“ или „*dari oportere*“, то откуда она возьмется? Истецъ приведетъ передъ преторомъ только факты, но гдѣ же та сила, которая свяжетъ съ этими фактами то или другое юридическое послѣдствіе, говоря вообще, необходимость condemnatio.

На этотъ вопросъ правильно отвѣтить уже Keller¹⁶⁾. Преторъ, говоритъ онъ, послѣ lex Aebutia сталъ создавать свои самостоятельныя формулы—„und dabei den Rechtspunkt, anstatt ihn den Judex im Jus civile finden zu lassen, auf sein Imperium nahm, d. h. den Condemnationsbefehl an bestimmte Thatfachen, als einzige Bedingung, knüpfte“. Другими словами, той силой, которая создаетъ и поддерживаетъ преторскій искъ, является опять-таки imperium магистрата. Keller, впрочемъ, ограничиваетъ это утверженіе лишь тѣми изъ преторскихъ исковъ, которые осуществлялись посредствомъ формулъ съ простымъ перечисленіемъ фактовъ (*actiones in factum* господствующаго ученія). Но то же самое въ полной мѣрѣ должно быть сказано и относительно всѣхъ прочихъ преторскихъ исковъ (съ перестановкой субъектовъ и съ фикціей); та или другая редакція исковой формулы, завися исключительно отъ усмотрѣнія претора и являясь чисто

---

¹⁵⁾ Ср. Keller. Civilprocess. § 36. „Der exceptio geht die denegatio actionis parallel, und man darf sich nicht wundern, dass dieselbe Einwendung bei derselben Klage bald zu dieser bald zu jener führt“. Въ прим. цитируются соответственные мѣста источниковъ.

¹⁶⁾ L. cit. § 33.

вышнимъ обстоятельствомъ, не можетъ, конечно, измѣнить источника, создающаго искъ, и юридической природы этого послѣдняго ¹⁷⁾).

Мысль о томъ, что *actiones praetoriae* вытекаютъ изъ *imperium* претора, далеко не пользуется общимъ признаніемъ; преторскіе искъ— даже *actiones in factum* господствующаго ученія, вопреки только что приведенному мнѣнію *Keller'a*—никогда не причисляются къ средствамъ *imperium* на-ряду съ интердиктами, *stipulationes praetoriae* и т. д. Тѣмъ не менѣе, эта мысль находитъ себѣ полное подтвержденіе въ той тѣсной связи преторскихъ исковъ съ только что указанными средствами—связи, которая была отмѣчена нами выше. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ тѣ *actiones praetoriae*, которые или замѣняли собою прежнее интердикты или даются на-выборъ съ этими послѣдними: *actio* и интердиктъ въ этихъ случаяхъ, очевидно, являются лишь двумя различными формами преторской защиты; оба средства почерпаютъ свою силу изъ одного и того же источника, и этимъ источникомъ служить, конечно, не что иное, какъ *imperium* магистрата. Съ замѣной интердикты преторскимъ искомъ, какъ мы говорили выше, происходятъ лишь замѣны одного приема защиты другимъ, подобно тому какъ раньше произошла замѣна личной *cognitio* интердиктомъ. Но, очевидно, правовой источникъ самой защиты отъ этого измѣниться не могъ.—Далѣе, если *stipulatio praetoria*, какъ это признаетъ и господствующее ученіе, вытекаетъ изъ *imperium praetoris*, то, безъ сомнѣнія, въ такой же мѣрѣ вытекаютъ изъ *imperium* и всѣ тѣ *actiones in factum* и *ficticiae*, которыя даются на случай „*si repromittere noluit*“. То же самое, конечно, нужно сказать и относительно *actiones in factum*, которыя замѣняютъ *missio in possessionem*, равно какъ и о тѣхъ, которыми осуществляется *restitutio in integrum*. *Всѣ преторскіе искъ, какъ бы они ни назывались и какъ бы ни была редакцирована ихъ формула, всѣ они одинаково вытекаютъ и черпаютъ свою силу изъ imperium дающаго имъ магистрата.*

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою *datio* преторскаго иска, причемъ опять-таки будемъ принимать во вниманіе историческій генезисъ преторскихъ средствъ.

Какъ мы видѣли выше, первой формой преторскаго воздѣйствія была личная *cognitio*, заканчивавшаяся окончательнымъ декретомъ и мѣрами администраціи. Съ возникновеніемъ *sponsiones* этотъ старый

---

¹⁷⁾ Ср. объ этомъ „Право и фактъ въ римскомъ правѣ“, ч. I.

порядокъ во многихъ случаяхъ былъ замѣненъ интердиктами. Юридическій характеръ этой замѣны родоначальникъ господствующаго ученія о такомъ происхожденіи интердиктовъ—*Leist*—описываетъ слѣдующимъ образомъ¹⁸⁾:

Тяжелою стороною старой *extraordinaria cognitio* для претора являлась необходимость производить лично разслѣдованіе всѣхъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, т. е. повѣрку доказательствъ; это-то *производство о доказательствахъ* (*Beweisverfahren*) преторъ и желалъ перенести на другія плечи, на плечи *iudex'a*. Но это, говоритъ *Leist*, можно было сдѣлать двоякимъ образомъ. Можно было, по-первыхъ, но установленіи спора *in iure* передать повѣрку доказательствъ судьямъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи этой повѣрки дѣло снова было возвращено претору, который на основаніи результатовъ *iudex'a* и постановилъ бы свой—по прежнему окончательный—декретъ. Этотъ путь, однако, не могъ не представляться длиннымъ и сложнымъ, и потому преторъ предпочелъ другой пріемъ. Въместо того, чтобы откладывать свое рѣшеніе до окончанія производства о доказательствахъ, преторъ издаетъ свой декретъ заранее, но, конечно, этотъ декретъ является теперь только *условнымъ, гипотетическимъ* (если фактическия обстоятельства дѣла вѣрны).

Такъ говорилъ *Leist* объ интердиктахъ, и мы думаемъ, что господствующее ученіе, идущее вслѣдъ за нимъ въ вопросѣ о происхожденіи интердиктовъ, не можетъ не принимать этой юридической характеристики интердиктовъ вполне вѣрной. Намъ остается сдѣлать только слѣдующій шагъ, идя за дальнѣйшимъ развитіемъ преторскихъ средствъ.

Съ установленіемъ формулярнаго процесса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для перенесенія фактической стороны дѣла на *iudex'a* раньше необходимъ былъ искусственный путь *conspiones*, открылась возможность достигнуть той же цѣли гораздо проще—путемъ непосредственнаго составленія формулы. И здѣсь тоже, вмѣсто того, чтобы передать производству о доказательствахъ судьямъ, а затѣмъ, по окончаніи его, произнести свой окончательный декретъ, преторъ избираетъ болѣе простой и болѣе удобный пріемъ: онъ заранее высказываетъ этотъ свой декретъ въ условной, гипотетической формѣ, предписывая затѣмъ судьямъ превратить этотъ гипотетическій приговоръ въ

¹⁸⁾ *Leist*. Die Bonorum Possessio. Bd. I. S. 343—344.

безусловный, тетиическій—обвинительный, если провѣрка доказательствъ обнаружитъ справедливость заявленій истца, оправдательный, если окажется противоположное. Вслѣдствіе этого, приговоръ судьи будетъ въ сущности приговоромъ претора.

Оказывается, т. обр., что, если Schultze, сопоставляя *decretum* и *formula*, былъ неправъ относительно гражданскихъ исковъ, то онъ совершенно правъ относительно исковъ преторскихъ: *datio* преторской формулы и преторское *decretum* имѣютъ одинаковую юридическую природу, и разница между ними только та, что *decretum* есть приказаніе безусловное, а *formula*—приказаніе условное, условный, гипотетическій декретъ.

Всѣ эти выводы имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно важное значеніе для уясненія юридической структуры формулярнаго процесса вообще. Современная литература трактуетъ этотъ вопросъ, совершенно не обращая вниманія на различіе гражданскихъ и преторскихъ исковъ. Между прочимъ, не обращаетъ вниманія на это различіе и Schultze, когда говоритъ, что въ римскомъ формулярномъ процессѣ вторая стадія его—*judicium*,—въ виду того, что дѣло можетъ до нея и не дойти, является въ принципѣ частью несущественною—*„eig für den Begriff des Processes nicht wesentlicher Bestandtheil desselben“*¹⁹⁾. Точно также на полномъ забвеніи указанного различія покончилъ и другое широкое обобщеніе того же автора, что римскій формулярный процессъ есть не столько процессъ примѣненія права, сколько процессъ его творенія—*„Rechtsproduction“*. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ изъ этихъ положеній талантливого писателя мы опять имѣемъ смѣсь тонкой правды съ грубой неправдой.

Анализируя процессъ эпохи *legis actiones*, мы пришли къ тому заключенію, что тамъ собственнымъ процессомъ является именно *judicium*; первая же стадія—производство *in iure*—по своей исторической идее имѣетъ своею цѣлью только направить споръ сторонъ къ мирному разрѣшенію путемъ судебна-третейскаго разбирательства. *In iure* магистратъ ничего не разбираетъ и ничего не судитъ; своимъ контролемъ и имѣнательствомъ онъ только предотвращаетъ возможность реального столкновенія между сторонами. Его дѣйствіе направляется лишь на то, чтобы стороны заключили между собой договоръ

---

¹⁹⁾ L. cit. S. 337.

о третейскомъ судѣ, послѣ чего споръ и переходитъ къ этому послѣднему.

Съ теченіемъ времени эта историческая идея производства *in iure* должна была, конечно, въ сознаниі римлянъ тусклѣть и забываться, но вліяніе этой идеи на строеніе процесса и на значеніе тѣхъ или другихъ процессуальныхъ актовъ во многихъ отношеніяхъ сказывается и въ болѣе позднюю эпоху, въ эпоху господства процесса формулярнаго.

Мы говорили выше, что на первыхъ порахъ процесса *per formulam* дѣятельность претора по отношенію къ гражданымъ искамъ сводилась въ существѣ къ простому протоколированію устныхъ заявленій сторонъ; онъ обязанъ былъ при составленіи формулы только записать юридическую сущность спора; онъ ничего при этомъ не судить и ничему не рѣшаетъ. Разъ формула составлена, дѣло переходитъ *in iudicium*, и только здѣсь начнется настоящій разборъ и настоящій судъ. Формула гражданского иска есть, такимъ образомъ, только протоколъ, служащій основаніемъ *litiscontestatio*, а потому и дальнѣйшаго суда.

Приведа, въ эпоху формулярнаго процесса преторъ можетъ выйти изъ этого состоянія пассивнаго протоколированія, можетъ отказать въ выдачѣ формулы, но мы видѣли уже, что такая *denegatio actionis* есть уже проявленіе *imperium*. И во всякомъ случаѣ подобное вмѣшательство въ нормальный ходъ процесса въ принципѣ (да и *de facto*) есть нѣчто исключительное, нѣчто—выражался словами *Schultze*—для самаго понятія процесса несущественное.

Вслѣдствіе всего этого, имѣя въ виду *гражданские иски*, мы должны будемъ характеризовать формулярный процессъ чертами, совершенно противоположными тѣмъ, какія усматриваетъ *Schultze*. Для *гражданскихъ исковъ*, какъ и въ эпоху *legis actiones*, собственнымъ судомъ и процессомъ должно быть признано производство *in iudicio*: если дѣло до этой второй стадіи не доходитъ, найдя себѣ окончательное разрѣшеніе въ *denegatio actionis*, то мы будемъ имѣть въ этомъ случаѣ лишь исключительный инцидентъ, причемъ такимъ путемъ собственно не уже пачатый процессъ разрѣшается, а полагается препятствіе къ самому его возникновенію.

Далѣе, составляя формулу гражданского иска, преторъ совѣтъ не творить права; онъ только даетъ законный ходъ (или лучше сказать—пускаетъ идти) тѣмъ „*jus esse*“ и „*dari oportere*“, которые при-

подлежать лицу въ силу стоящихъ выше претора нормъ цивильнаго права. Слѣдовательно, вопреки Schultze, мы должны *характеризовать этотъ процессъ именно, какъ процессъ примѣненія права* („Process der Rechtsanwendung“).

Совершенно въ иномъ свѣтѣ представится тотъ же формулярный процессъ, если мы посмотримъ на него съ точки зрѣнія *преторскихъ исковъ*.

Эти послѣдніе выросли исторически (черезъ интердикты и т. п.) изъ ивъ-судебнаго разслѣдованія и рѣшенія спора самымъ преторомъ— изъ ивъ-судебной *cognitio*. Принципиально преторъ и въ болѣе позднюю эпоху могъ вмѣсто *actio praetoria* употребить старыя пріемы личной *cognitio*, и случаи этого рода, хотя рѣдко, но все же и въ классическую эпоху дѣйствительно встрѣчаются. Цѣль, которую преслѣдовалъ преторъ при созданіи интердиктовъ, а затѣмъ *actiones praetoriae*, заключалась въ перенесеніи производства о доказательствахъ; если же дѣло было для претора ясно или если онъ почему-либо желалъ провѣрить доказательства лично,—то дѣло до *iudicium* могло не дойти и закончиться прямымъ и безусловнымъ декретомъ. Въ виду этого, хотя передача дѣла *in iudicium* является фактомъ нормальнымъ и для преторскихъ исковъ, тѣмъ не менѣе съ *юридической точки зрѣнія* мы должны будемъ вмѣстѣ съ Schultze сказать, что здѣсь дѣйствительно производство *in iudicio* имѣетъ характеръ служебный, характеръ чиста, для самаго понятія процесса несущественной.

Съ другой стороны, нормы для своихъ декретовъ и для своихъ исковъ преторъ очерчиваетъ исключительно въ своемъ убѣжденіи, и путемъ декретовъ, путемъ формулъ проводитъ ихъ въ жизнь, дѣлаетъ правомъ дѣйствующимъ. Такимъ образомъ, *этой своей стороной формулярный процессъ дѣйствительно является процессомъ созданія права*—„*Process der Rechtsproduction*“.

Какъ видимъ, одно и то же явленіе—формулярный процессъ—какъ нѣкоторый двуклікій Хлусъ, будетъ имѣть различное юридическое значеніе и различный юридическій характеръ, смотря по тому, примѣняется-ли оно къ правоотношеніямъ цивильнымъ, или къ правоотношеніямъ преторскимъ. Въ одинаковыхъ формахъ этого процесса проходятъ юридическія явленія совершенно различнаго порядка. Съ вышней стороны при всѣхъ искахъ—какъ цивильныхъ, такъ и преторскихъ—мы видимъ одно и то же: дѣленіе процесса на двѣ

стадиі, *postulatio formulae*, *datio formulae* и т. д.; но подъ этимъ ви́шнимъ, формальнымъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе.

Это различіе сказывается, между прочимъ, и въ томъ вопросѣ, который до сихъ поръ еще служитъ предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ романистической литературѣ—въ вопросѣ о *процессуальной consumptio* ²⁰⁾. Въ виду большой теоретической важности этого вопроса для самаго пониманія римскаго процесса, нѣкоторый экскурсъ въ эту область будетъ, смѣемъ думать, не лишнимъ.

Со времени „*Litiscontestation und Urtheil*“ Келлера вопросъ объ основаніяхъ процессуальной *consumptio* вызвать появленіе цѣлой массы теорій ²¹⁾, но ни одной изъ этихъ теорій не удалось занять прочное положеніе. Въ ряду ихъ старая Келлеровская теорія *процессуальнаго договора* имѣла неоспоримое преимущество въ смѣстѣ своей истинности и даже содержательности. Неудивительно поэтому, если въ послѣднее время снова стали слышаться голоса въ ея пользу. Такъ напр. *Wlassak* объявить сначала нерасположеніе современныхъ ученыхъ къ теоріи договора и *novatio* ни на чемъ не основанныхъ ²²⁾, а затѣмъ высказался и еще рѣшительнѣе: „*Durch die Abkehr vom Novationsgedanken und das Ablengnen des römischen Processvertrags ist den Neueren das Verständniß der classischen Consumtion mehr und mehr abhandem gekommen*“ ²³⁾.

Однако, простое возвращеніе къ Келлеровской теоріи, очевидно, не поднимаетъ вопроса впередъ; возстановили эту теорію, мы одновременно возстановляемъ и ея ошибки; старыя сомнѣнія и неразрѣшенныя загадки оживаютъ вновь. Въ особенности, непреодолимое затрудненіе представляетъ для Келлеровской теоріи *consumptio ipso jure* и *ope exceptionis* въ связи съ Келлеровскимъ и господствующимъ ученіемъ объ *actiones in jus* и *in factum conceptae*. Какъ извѣстно, въ классическомъ правѣ *actiones (in personam) in jus conceptae* порождаются въ моментъ *litiscontestatio ipso jure*, *actiones in factum*, напротивъ, только *ope exceptionis (rei judicatae vel in iudicium deductae)*.

---

²⁰⁾ Самымъ повѣстнымъ сочиненіемъ по этому вопросу является *H. Jourdan. La consommation du droit d'agir en justice dans la procédure romaine. Lyon. 1900.*

²¹⁾ См. объ этомъ „Право и фактъ“, часть I.

²²⁾ *Litiscontestation des classischen Rechts. S. 59* прим.

²³⁾ *Röm. Prozessgesetze. Bd. II. S. 353.*

Причиной этого различія, по ученію Келлера, служить то обстоятельство, что только *цивильное* обязательство может быть новировано въ процессѣ (*litiscontestatio* есть *novatio necessaria*) и потому погашено *ipso jure*. Но если такъ, то остается совершению неполнымъ, какимъ образомъ можно допустить такую-же *consumptio ipso jure* и при многихъ *преторскихъ* искахъ (иски съ перестановкой субъектовъ и *actiones ficticiae*), которые господствующее учение считаетъ за *actiones in jus conceptae*? Между тѣмъ Келлеръ это дѣлаетъ и тѣмъ попадаетъ въ полнѣйшее противорѣчіе съ самимъ собой.

Это противорѣчіе и подорвало Келлеровскую теорію *litescontestatio*, какъ процессуальнаго договора, въ глазахъ послѣдующихъ писателей. Было очевидно, что или Келлеровская теорія *litescontestatio* невѣрна, если вѣрно его ученіе объ *actiones in jus* и *in factum*, или же наоборотъ—ученіе объ *actiones in jus* и *in factum* невѣрно, если вѣрно ученіе о *litiscontestatio*. Послѣдующіе ученые склонились въ пользу первой альтернативы: ученіе объ *actiones in jus* и *in factum* они сочли непоколебимымъ и потому естественно должны были отвергать теорію процессуальнаго договора.

Мы думаемъ какъ-разъ наоборотъ: Келлеровское и господствующее ученіе о раздѣленіи исковъ по внѣшнему виду ихъ формулъ невѣрно, а вѣрна Келлеровская теорія *litiscontestatio*. Мы говорили уже раньше о томъ, что упомянутое различіе между исками зависитъ не отъ такой или иной редакціи формулы, а отъ глубокой внутренней разницы въ самомъ матеріальномъ основаніи: *actio in jus* есть искъ цивильный и только цивильный, *actio in factum*, напротивъ, искъ преторскій, но при томъ—всякій преторскій ²⁴⁾. Въ настоящемъ сочиненіи мы находимъ подтвержденіе другой половины нашей мысли, подтвержденіе того, что Келлеровская теорія *litiscontestatio* вѣрна, и что при нашемъ пониманіи *actiones in jus* и *in factum* ей не грозятъ никакія противорѣчія.

Мы видѣли выше, что древне-римскій процессъ (*legis actiones*) выросъ изъ соглашеній сторонъ о третейскомъ судѣ. Представитель власти въ этомъ процессѣ не судить; всѣ его дѣйствія направлены только къ тому, чтобы помѣшать реальной борьбѣ спорящихъ и та-

---

²⁴⁾ „Право и фактъ“. Часть I.—Противъ возраженій *Erman'a* и др. см. мою статью „Zur Lehre von den actiones in jus und in factum“ въ *Zeitschr. der Sav.-St.* Bd. XX.

кимъ образомъ заставить ихъ прійти къ соглашенію о передачѣ спора на разрѣшеніе судьи. Согласіе отпѣтка безусловно необходимо для того, чтобы могъ возникнуть настоящій процессъ: безъ согласія процесса не будетъ, и для того, чтобы выпудить это согласіе, отпѣтку грозитъ различныя послѣдствія *indefensio*. Только тогда, когда это согласіе достигнуто („*coactus voluit*“), процессъ начинается, и моментомъ этого соглашенія о передачѣ дѣла судѣ является торжественный актъ *litiscontestatio*.

Съ теченіемъ времени, конечно, эта первоначальная, историческая идея *litiscontestatio* должна была все болѣе и болѣе сглаживаться, но воплотѣ она не изгладилась никогда. Объ этомъ свидѣлствуютъ такія выраженія классическихъ юристовъ, какъ „*judicio contrahitur*“²⁵⁾, сопоставленіе *litiscontestatio* съ *novatio* (*novatio necessaria*)²⁶⁾ и т. п. Мысль о томъ, что *litiscontestatio* есть нѣкоторый своеобразный договоръ между сторонами, несмотря на значительныя измѣнившіяся процессуальныя условія, продолжаетъ жить въ юридическомъ сознаніи римлянъ.

Съ точки зрѣнія нашихъ нынѣшнихъ процессуальныхъ представленій соединеніе процессуальной *consumptio* не съ моментомъ приговора, а съ моментомъ начала процесса, кажется, конечно, явленіемъ страннымъ. „Простое предъявленіе иска, изложеніе обстоятельствъ дѣла, гоноритъ *Schultze*“²⁷⁾, никогда само по себѣ не влечетъ погашенія искового права; такое дѣйствіе имѣетъ только приговоръ. Правило „*ne bis eadem etc.*“ не значить и никогда не значило: нельзя два раза *искать*; оно значить и во все время значило, что не можетъ быть двухъ *приговоровъ*“. Это соображеніе служитъ для *Schultze* однимъ изъ существенныхъ аргументовъ въ пользу того, что въ формулярномъ процессѣ самая *formula* является приговоромъ (гипотетическимъ приговоромъ претора).

Но мы видѣли уже, что относительно гражданскихъ исковъ это воззрѣніе на значеніе формулы безусловно неутѣрно: *litiscontestatio* въ формулярномъ процессѣ такъ же мало является приговоромъ, какъ и въ эпоху *legis actiones*. Если же такъ, то очевидно, что консумирующее дѣйствіе *litiscontestatio* должно лежать въ чемъ-то другомъ, и

²⁵⁾ Ср. fr. 3. 11. D. de pec. 15. 1. „nam sicut in stipulatione contrahitur cum filio, ita iudicio contrahitur“.

²⁶⁾ fr. 29. D. de nov. 46. 2.

²⁷⁾ 1. cit. S. 272.

послѣ всего сказаннаго намъ кажется несомнѣннымъ, что истиннымъ основаніемъ *consumptio* служитъ скрывающійся въ *litiscontestatio* договоръ. Въ силу этого договора въ древнѣйшее время истецъ отказывался отъ самоуправнаго осуществленія своей претензіи и подчинялъ себя приговору третейскаго суда; дойдетъ-ли дѣло до приговора или не дойдетъ,—во всякомъ случаѣ путь самоуправства для него уже навсегда отрубленъ.

Такое воззрѣніе на значеніе *litiscontestatio* перешло и въ формулярный процессъ, но различными особенностями примѣненія этого процесса вызвали нѣкоторые осложненія въ вопросѣ о процессуальной *consumptio*.

Какъ извѣстно, въ эту эпоху *litiscontestatio* дѣйствуетъ то *ipso jure*, то *ope exceptionis*. *Ipsa jure* въ случаѣ *actio in personam in jus concepta* подъ условіемъ *judicium legitimum*; *ope exceptionis*—во всѣхъ остальныхъ случаяхъ²⁹⁾. Чѣмъ объясняется такое различіе?

Почему, прежде всего, *consumptio ipso jure* не имѣетъ примѣненія къ *циvilнымъ вещнымъ искамъ*, къ *actiones in rem in jus conceptae*? Объясненіе, какъ намъ кажется, очень простое. *Litiscontestatio*, конечно, и при вещныхъ искахъ (напр., при *rei vindicatio*) есть договоръ, но этотъ договоръ есть договоръ обязательственный; для всѣхъ третьихъ лицъ онъ не имѣетъ значенія, и вообще самаго *вещнаго права* истина онъ не поражаетъ. Истецъ и послѣ *litiscontestatio* остается *dominus ex jure Quiritium*; вслѣдствіе этого *ipso jure* возможно новое предъявленіе того же иска, не только противъ третьихъ лицъ, но даже и противъ того же самого отвѣтчика.

Однако, какъ говоритъ Гай²⁹⁾, „*alia causa fuit olim legis actionum: nam qua de re actum semel erat, de ea postea ipso jure agi non poterat*“. Оказывается, такимъ образомъ, что въ эпоху *legis actiones* и вещный искъ *ipso jure* не могъ быть предъявленъ по второй разъ. Не опровергается-ли этимъ только что сказанное? Отнюдь нѣтъ.

Единственной формой для вещныхъ исковъ, для *actiones in rem*, была въ ту эпоху *legis actio sacramento*. Весь процессъ въ этой формѣ, какъ извѣстно, вращался около вопроса „*utrius sacramentum iustum sit, utrius injustum*“, *provocatio sacramento* ставила условіемъ „*quando tu injuria vindicavisti*“. Уже *Bekker*³⁰⁾ обратилъ на это вни-

²⁹⁾ Gai. IV. 108—107.

³⁰⁾ Gai. IV. 108.

³¹⁾ Process. Consumption. S. 281.

маніе и высказывать мысль, что причина, почему въ эпоху *legis actiones* и пеннаго иска нельзя было *ipso jure* предъявлять вторично, скрывалась именно въ этомъ элементъ *injuria, injustum*. Истецъ не могъ искать по второй разъ именно потому, что вторичная *vindicatio* противъ того же отвѣтчика и *ex eadem causa* была бы съ его стороны дѣйствиємъ недобросовѣстнымъ, *injuria*, и квалифицирована бы его *sacramentum*, какъ *injustum*. Такимъ образомъ, процессуальный договоръ *litiscontestatio* обнаруживалъ свою *обязательственную* силу самъ собою (*ipso jure*) *in judicio*.

Съ переходомъ къ формулярному процессу этотъ элементъ *injuria* отпалъ, и забота объ осуществленіи процессуальнаго договора истца съ отвѣтчикомъ легла, конечно, на претора; такимъ образомъ и возникаетъ *exceptio rei in judicium deductae* въ примѣненіи къ *actiones in rem*.

Иначе обстоитъ дѣло уже въ эпоху *legis actiones* по отношенію къ *actiones in personam*. Иски этого рода, какъ извѣстно, были возможны, кромѣ *legis actio sacramento*, и въ другихъ формахъ—*legis actio per judicis postulationem*, *per condictionem*,—въ ритуалѣ которыхъ на о какой *injuria* не упоминалось. Если, тѣмъ не менѣе, искъ и здѣсь полагался *ipso jure*, то именно потому, что процессуальное соглашеніе, заключающееся въ актѣ *litiscontestatio*, поражаетъ самое обязательство, лежащее въ основаніи иска. Прямую требованія имѣть только одно отношеніе—къ должнику, и если теперь между кредиторомъ и должникомъ состоялось соглашеніе о процессѣ, о подчиненіи рѣшенію судьи, то этимъ уже опредѣляется судьба самаго обязательства всецѣло: оно погашается окончательно, и послѣ *litiscontestatio* уже не существуетъ. „*Nam tunc, ronoritur l'ant*²¹⁾, *obligatio quidem principalis dissolvitur, incipit autem teneri reus l'is contestatione...* Et hoc est, quod apud veteres scriptum est *ante litem contestatam dare debitorem oportere, post litem contestatam condemnari oportere, post condemnationem iudicatum facere oportere*. Unde fit, ut si legitimo iudicio debitum petiero, *postea de eo ipso jure agere non possim, quia inutiliter intendo „dari mihi oportere“, quia l'is contestatione dari oportere desit*“.

Правда, въ классическую эпоху отъ первоначальнаго обязательства послѣ *litiscontestatio* остаѣтся *obligatio naturalis*²²⁾, но объ этомъ

²¹⁾ Gai. III. 130. 181.

²²⁾ Cp. fr. 60 pr. D. de cond. ind. 12. 6. „Julianus verum debitorem post litem

для эпохи *legis actiones* и рѣши, конечно, быть не можетъ. *Obligatio-nes naturales* являются созданиемъ уже болѣе поздняго времени, когда неудовлетворенное правовое чувство могло найти себѣ выраженіе въ соответствующемъ толкованіи формулы *condictio indebiti*, формулы *novatio*, *exceptio doli* или *compensatio* и т. д.

Это значеніе акта, порождающаго обязательство *ipso jure*, сохранила, конечно, *litiscontestatio* и въ эпоху формулярнаго процесса для *всѣхъ гражданскихъ исковъ in personam*, и понятно вполне, если Гай говорить намъ о *litiscontestatio* въ ряду другихъ *modi, quibus obligatio tollitur* (*acceptilatio*, *novatio* и др.). Но своимъ послѣдствіемъ этотъ *modus obligationis tollendae*, конечно, ближе всего подходитъ къ *novatio* (*obligatio principalis dissolvitur, incipit reus tueri ex litiscontestazione*), почему и говорить о *novatio necessaria*, но самъ по себѣ актъ процессуальнаго соглашенія, разумѣется, не есть простой видъ *novatio*: онъ есть актъ *sui generis*.

Подобное порожденіе гражданского обязательства *ipso jure* совершается, однако, лишь тогда, если процессъ имѣетъ характеръ *judicium legitimum*. Какъ бы мы ни объясняли себѣ происхожденіе дѣленія *judicia* на *legitima* и *imperio continentia* ²⁾, простое сопоставленіе соответствующихъ мѣстъ Гай указываетъ намъ, что характерной чертой *judicia legitima* является ихъ полнота *цивильность*. Гдѣ хоть одно изъ участвующихъ въ процессѣ лицъ не имѣетъ качества *civis* или *ordinatio* процесса не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ *цивильной формы*, тѣмъ процессъ будетъ уже *judicium, quod imperio continetur*. *Litiscontestatio* въ подобномъ процессѣ не будетъ имѣть— съ вѣншей, формальной стороны—всѣхъ необходимыхъ элементовъ гражданского акта, и потому, какъ актъ съ точки зрѣнія *jus civile* недостаточный, не будетъ въ состояніи вызвать гражданское послѣдствіе, т. е. порожденіе обязательства *ipso jure*. Истецъ послѣ такого процесса *ipso jure potest intendere dari sibi oportere*; но разъ преторъ допустилъ такой, отступающій отъ требованій закона, процессъ, то онъ, конечно, обязанъ позаботиться и о томъ, чтобы отвѣтчику не пришлось платить два раза.

---

contestatam manente adhuc iudicio negabat solventem repetere posse, quia nec absolutus nec condemnatus repetere posset: licet enim absolutus sit, natura tamen debitor permanet.

²⁾ См. къ этому вопросу *Wlassak. Röm. Prozessgesetze*.

Наконецъ, погашеніе *ipso jure* немислимо при всѣхъ *преторскихъ искахъ*, хотя бы процессъ по своей формѣ былъ вполне *judicium legitimum*: для *consumptio ipso jure* здѣсь недостаетъ *цивильнаго матеріала*. Если процессъ „*interveniente peregrini persona*“ и т. д. является *judicium imperio continens* вслѣдствіе нецивильности *формы*, то преторскій искъ является *judicium imperio continens* вслѣдствіе нецивильности *своего матеріальнаго основанія*³¹⁾. Всѣ *actiones praetoriae*, какъ бы ни были редактированы ихъ формулы, покоятся на *imperium* претора: съ точки зрѣнія *jus civile* всѣ они представляются фактомъ безразличнымъ, не могущимъ имѣть какое-бы то ни было вліяніе на цивильное *dari oportere*—напр., на *dari oportere* цивильнаго *heres* въ случаѣ предъявленія иска преторскимъ *bonorum possessorum*. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о *consumptio ipso jure* при искахъ съ простымъ перечисленіемъ фактовъ въ формулѣ (*actio in factum* господствующаго ученія).

И въ этомъ вопросѣ уясненію дѣла много помогаетъ историческій генезисъ преторскихъ средствъ. Что личная *praetoria cognitio* не могла вызвать *consumptio ipso jure* для какого-нибудь цивильнаго правоотношенія,—это, конечно, едва-ли кто станетъ оспаривать. Мы видѣли дажѣ, что даже при интердиктахъ было возможно вторичное предъявленіе ихъ³²⁾. *Actio praetoria* часто является простою замѣною *cognitio* и интердикта, замѣною, не имѣющею значенія для *jus civile*, вслѣдствіе чего преторскій искъ такъ же мало способенъ вызвать *consumptio ipso jure*, какъ и его только-что упомянутые предшественники.

Но, конечно, преторъ давалъ свои иски не для того, чтобы заставить отвѣтника платить два раза или даже два раза подвергаться одному и тому же процессу. Мы видѣли выше, что уже въ эпоху *legis actiones* вторичное предъявленіе вещнаго иска противъ одного и того же отвѣтника считалось нѣкоторою недобросовѣстностью со стороны истца, разсматривалось, какъ *injuria, injustum*. Защитить отвѣтника отъ такой *injuria* было, конечно, дѣломъ претора, а средствами для этой цѣли могли быть или непосредственная *denegatio* вторичнаго иска, или же—гораздо чаще—*exceptio rei judicatae vel*

---

³¹⁾ Ср. мою статью „Zur Lehre von den actiones in jus und in factum“ вл. *Zeitschrift der Sav.-St. Bd. XX*.

³²⁾ Ср. цитированное выше fr. 3. 13. D. de hom. lib. exh. 43. 29.

in iudicium deductae. Вѣсто послѣдней, прочемъ, мы еще въ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ встрѣчаемъ въ подобной же функціи *exceptio in factum*³⁶⁾ и даже *exceptio doli*³⁷⁾.

Изъ рукахъ претора и юриспруденціи эта *exceptio* мало по малу все болѣе и болѣе расширила сферу своего примѣненія и даже стали выходить за границы *субъективной* *injuria*. Такъ напр., какъ мы знаемъ изъ Гая³⁸⁾, первоначально искъ *tutor'a*, *curator'a* и другихъ представителей не погашалъ иска самого представляемаго (напр., малолѣтняго), вслѣдствіе чего для отпѣткика необходима была гарантія въ видѣ *cautio de rato*. Впослѣдствіи, однако, взглядъ измѣнился: было признано, что *tutores etc. rem in iudicium deducunt*, т. е. что представляемый уже не имѣетъ права предъявить отъ себя вторичнаго иска *de eadem re*, хотя бы *in concreto* съ его стороны никакой *injuria*, недобросовѣстности и не было³⁹⁾; въ случаѣ нарушенія своихъ интересовъ онъ долженъ теперь уже вѣдаться со своимъ опекуномъ и т. п. Такимъ образомъ *exceptio rei iudicatae* стала примѣняться уже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предоставленіе вторичнаго (т. е. матеріальнаго такого же) иска оказывалось по тѣмъ или другимъ *объективнымъ* причинамъ несправедливымъ, нецѣлесообразнымъ, гдѣ это повело-бы къ *injuria* въ болѣе широкомъ—*объективномъ* смыслѣ.

Въ концѣ концовъ мы видимъ, что и процессуальная *consumptio*, т. е. погашеніе иска вслѣдствіе *litiscontestatio*, оказывается явленіемъ не совсемъ по своему характеру одинаковымъ. Изъ сферъ *цивильныхъ* исковъ это есть погашеніе требованія вслѣдствіе процессуальнаго соглашенія сторонъ; она вытекаетъ, слѣдовательно, изъ воли сторонъ, является результатомъ частнаго формальнаго акта и потому осуществляется *ipso jure*, какъ и при всѣхъ прочихъ *цивильныхъ modi*,

---

³⁶⁾ Ср. fr. 14. 13 D. quod metus c. 4. 2. Eum, qui metum fecit et de dolo teneri certum est, et ita Pomponius, et consumi alteram actionem per alteram exceptione in factum opposita.—Ср. сюда мои статьи въ Z. d. Sav.-St. XX. S. 124 прим.

³⁷⁾ fr. 74. 2. D. de iud. 6. 1. Cum absentem defendere vellem, iudicium mortuo iam eo accepi et condemnatus solvi: quaesitum est, an heres liberaretur, item quae actio mihi adversus eum competere. respondi iudicium, quod iam mortuo debitore per defensorem eius accipitur, nullum esse et ideo heredem non liberari: defensorem autem, si ex causa indicati sulverit, repetere quidem non posse, negotiorum tamen gestorum ei actionem competere adversus heredem: qui sane *exceptione doli mali* tueri se possit, si ab actore conveniatur.

³⁸⁾ Gai. IV. 98—99.

³⁹⁾ Fr. 11. 7. D. de exc. rei iud. 44. 2. Ср. сюда „Право и фактъ“, ч. I. § 3.

quibus obligatio tollitur.—Въ области *преторскихъ* исковъ, напротивъ, процессуальная *consumptio ore exceptionis* вытекаетъ изъ объективныхъ соображеній претора, представляетъ собою проявленіе его *impregium*; предъявленіе иска *de eadem re* тѣмъ же или другимъ лицомъ служить въ глазахъ претора лишь однимъ изъ многихъ обстоятельствъ, которыя онъ принимаетъ во вниманіе въ своихъ соображеніяхъ о томъ, дать или не дать просимый искъ. Говоря короче, если предъявленіе *цивильнаго* иска есть юридическій (и цивильный) *актъ*, то предъявленіе *преторскаго* иска есть просто извѣстный *фактъ*, который преторъ можетъ потому принять во вниманіе, но можетъ и не принять.

Отмѣченная выше общая двойственность въ характерѣ формулярнаго процесса сказывается, такимъ образомъ, подобною же двойственностью и въ частной сферѣ процессуальной *consumptio*.

---

§ 8.

Общіе результаты главы.

Преторскія средства развились изъ административной *cognitio*, еще до *lex Aebutia* и въ всякой связи съ нормальнымъ гражданскимъ процессомъ.

Мы прослѣдили постепенное развитіе преторскихъ средствъ, т. е. формъ преторскаго воздѣйствія на область гражданскихъ правоотношеній. Бросимъ теперь общій взглядъ назадъ, чтобы лучше отънѣсить тѣ общіе результаты, которые могутъ имѣть значеніе для нашего дальнѣйшаго труда. Результаты эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Древнѣйшимъ видомъ преторскаго вліянія въ области гражданскихъ отношеній является личная *causae cognitio* магистрата, форма, не представляющая какого-либо специфическаго гражданско-правового института, общая всѣмъ сферамъ римской администраціи. По жалобѣ заинтересованнаго лица магистратъ производилъ лично фактическое разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и издавалъ свой конкретный и безусловный приказъ, *decretum*, который приводился затѣмъ въ исполненіе общими средствами власти, т. е. путемъ *multae dictio*, *pignoris capio*, *missio in possessionem*. Въ такой формѣ осуществляли свое вліяніе, вѣроятно, еще предшественники преторовъ—консулы. Съ другой стороны, это та ячейка, изъ которой впоследствии, подъ вліяніемъ различныхъ приходившихъ условій, развились постепенно всѣ прочіе виды преторскаго воздѣйствія.

Первымъ изъ такихъ историческихъ событій, оказавшихъ свое вліяніе на развитіе формъ преторскаго воздѣйствія, было *возникнове-*

nie sponsio, т. е. признаніе за нею юридической, исковой силы. Какъ извѣстно, возникновеніе *sponsiones* дало гражданскому обороту толчокъ къ выработкѣ особаго *процесса per sponsiones*; но, конечно, и магистратъ не могъ не замѣтить скоры тѣхъ удобствъ, которыя представляла *sponsio* для упрощенія его собственнаго административнаго производства. Возникають *производство импердиктное и stipulationes praetoriae*; и то и другое представляеть собою примѣненіе принудительныхъ *sponsiones*, только лишь нѣскольکو различными способами. Благодаря примѣненію этого цивильнаго средства, магистратъ облегчать себѣ и переводить дѣло на путь обыкновеннаго гражданского процесса. Этими онъ ставиль цивильную *legis actio* на службу своему административному процессу, заставляя судью (*judex*) продѣлывать значительную часть той работы, которая раньше лежала на немъ (проверка фактическихъ данныхъ). Если позволительно сравненіе, то мы сказали бы, что *sponsio* сыграла для претора роль привода къ машинѣ; заставляя стороны или сторону дать *sponsio*, преторъ вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ работать, вмѣсто себѣ, цивильную процессуальную машину, и притомъ работать такъ, чтобы произвести въ концѣ концовъ нѣкоторый желательный для магистрата результатъ, который раньше достигался только путемъ его личныхъ усилій, путемъ такъ сказать его непосредственнаго, ручнаго труда. Въ возникающемъ затѣмъ изъ *sponsio* гражданскомъ процессѣ, въ *legis actio*, дѣло снова *in iure* пройдетъ передъ трибуналомъ претора, но онъ явится уже здѣсь въ роли спокойнаго зрителя того, какъ работаетъ порабощенный имъ машина.

Слѣдующимъ событіемъ, имѣвшимъ громадное значеніе для развитія преторскихъ средствъ, является *процессуальная реформа закона Эджия*. Отдавъ въ руки претора составленіе исковой формулы, этотъ законъ тѣмъ самимъ открылъ для него рядъ новыхъ и притомъ очень удобныхъ приемовъ воздѣйствія. Таковъ прежде всего—отказъ въ цивильномъ искѣ, отказъ безусловный (*denegatio actionis*) или условный (*exceptio*). Такова, далѣе, *datio преторской формулы*, т. е. прямое предписаніе судѣ при наличности извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ приговорить отвѣтника къ такому или иному исполненію въ пользу истца. Благодаря этому послѣднему приему, устранилась дальнѣйшая необходимость въ описанномъ выше—дожельно такъ сложномъ и громоздкомъ механизмѣ, какими были импердикты и *stipulationes praetoriae*. Общая задача этого механизма—освободить маги-

страта отъ провѣрки фактовъ, перенести производствo о доказательствахъ на плечи судьи—достигалась теперь проще и прямѣе, непосредственнымъ наказаніемъ этому послѣднему.

Такъ развивались различныя формы преторскаго воздѣйствія; по понятію, что *появленіе въ процессъ этого развитія новыхъ, болѣе удобныхъ формъ должно было оказывать вытѣсняющее дѣйствіе на формы старыя и менѣе удобныя*. Интердикты и *stipulationes praetoriae* вытѣсняють личную *cognitio*, но затѣмъ сами по многихъ случаяхъ вытѣсняются и замѣняются преторскими исками. Въ классическую эпоху римскаго права эти послѣдніе (въ соединеніи съ *denegatio* и *exceptioes*) въ ряду преторскихъ средствъ занимають безусловно главное мѣсто, являясь преобладающей формой преторскаго вліянія. Однако, старыя формы не исчезаютъ изъ практики преторомъ совсѣмъ: интердикты и *stipulationes praetoriae* играютъ еще довольно замѣтную роль; личная *cognitio* истрѣбается также, хотя и очень рѣдко.

Мотивомъ для исторической замѣны однихъ формъ другими являлись, какъ видимъ, со стороны претора *чисто техническія соображенія о сравнительномъ удобствѣ и сравнительной простотѣ нѣкихъ или другихъ формъ*. Этотъ же принципъ чисто практическаго удобства остается опредѣляющимъ и для позднѣйшаго времени. Какую форму воздѣйствія выбрать для даннаго конкретнаго случая,—это для претора вопросъ практической цѣлесообразности. Какого-либо закона (гражданскаго или государственно-правоваго), который бы стоялъ надъ преторомъ и приказывалъ ему въ однихъ случаяхъ примѣнять одну форму, въ другихъ—другую, не существовало; точно также не существовало какихъ-либо различій и по сферамъ отношеній. Преторъ *de jure* въ любомъ случаѣ могъ воротиться даже къ самому старому порядку производствъ, т. е. къ личной *cognitio* и къ *executio jure imperii*. Если его что-либо въ этомъ отношеніи связывало, то лишь сила установившейся вѣками практики, сила традиціи.

Изложенная исторія преторскихъ средствъ обнаруживаетъ, дѣлѣе, неспориимо, что *преторское вліяніе въ области гражданскихъ отношеній юрардо старѣе закона Эбуція и формулярнаго процесса*, что еще до этого момента въ рукахъ претора находился довольно внушительный комплексъ средствъ, которыми онъ могъ воздѣйствовать по своему усмотрѣнію. И эти средства не оставались въ его рукахъ

только теоретическою, абстрактною возможностью, орудіемъ, лежащимъ безъ употребленія. Разъ мы находимъ орудія, стало быть, ими работали. Что интердикты, *stipulationes praetoriae* и *missio in possessionem* употреблялись и дѣйствовали еще до *lex Aebutia*—это, какъ мы видѣли, признается и несомнѣвающимъ ученіемъ. Но мы видѣли также, что эти средства примѣнялись, по вѣбъмъ нѣроятіямъ, уже тогда и въ цѣляхъ *restitutio*. Въ виду этого нужно признать довольно часто встрѣчающееся утвержденіе, что вмѣнательство претора „*juris civilis corrigendi gratia*“ стало возможнымъ только послѣ *lex Aebutia* ¹⁾, ошибочнымъ. Можетъ быть, что до этого закона онъ вмѣнялся съ этой послѣдней цѣлью еще рѣдко, но не подлежитъ сомнѣнію, что законъ Эбуція не увеличилъ *юридическихъ* полномочій магистрата ни на одну юту, что случаи матеріальныхъ корректуръ гражданскаго права могли встрѣчаться и раньше. Тѣмъ болѣе, что часто едвали возможно отграничить одну функцію преторскаго права отъ другой: восполненіе права, вѣдь, тоже есть въ извѣстномъ смыслѣ корректура, а корректура (напр., въ указанномъ выше случаѣ *capitis deminutio*) можетъ въ свою очередь казаться восполненіемъ. Но времени Цицерона мы видимъ преторскій эдиктъ уже въ полномъ дѣйствиіи, во вѣбъхъ его функціяхъ, т. е. *juris civilis adjuvandi, supplendi et corrigendi gratia*,—настолько, что онъ казался многимъ изъ современниковъ уже главнымъ источникомъ права ²⁾. Если бы наиболѣе существенныя полномочія были даны претурѣ только закономъ Эбуція (какъ-то думаютъ Puschke, Puntchart и Schultze) то мы едва-ли имѣли бы подобный результатъ за сравнительно небольшой періодъ времени, отдѣляющій Цицерона отъ *lex Aebutia*.

Тожѣ самое нужно сказать и относительно разнѣтія *преторскаго эдикта*. Однообразіе многихъ встрѣчающихся въ практикѣ случаевъ должно было уже довольно рано побудить преторовъ свое рѣшеніе относительно тѣхъ или другихъ вопросовъ объявлять во всеобщее свѣдѣніе. Преемники заимствовали этотъ практическій опытъ, и такимъ образомъ также довольно рано долженъ былъ установиться обычай при самомъ вступленіи въ должность издавать извѣстный комплексъ такихъ объявленій—*edictum perpetuum*. Опредѣлить хотя бы приблизительно время появленія подобныхъ годовыхъ эдиктовъ въ исторіи

¹⁾ Ср. Girard. Manuel. p. 39—40. Esmein. Röm. Rechtsgeschichte. § 71. S. 212.

²⁾ Ср. Krüger. Geschichte der Quellen. S. 33.

Рима едва-ли возможно. Въ эпоху Цицерона, какъ мы только-что упоминали, эдиктъ уже прочное, далнее явленіе: Ливій (25. 1) сообщаетъ объ эдиктѣ 539 г. ab n. e. На этомъ основаніи *Дернбургъ*²⁾ приходитъ къ заключенію, что обычай годовыхъ эдиктовъ развился скоро въ самый установленіемъ претуры. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что и edictum perpetuum значительно старѣе lex Aebutia³⁾.

Но, конечно, этотъ эдиктъ имѣлъ значеніе только *объявленія* той или иной преторской нормы, а не ея *установленія*; эдиктъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ является уже такъ сказать ex post facto, закрѣпляя и обобщая то, что выработалось въ преторской практикѣ путемъ конкретныхъ рѣшеній.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли, возникновеніе преторскаго права ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть связано съ закономъ Эбуціи; законъ этотъ лишь создалъ для претора новыя, болѣе удобныя формы воздѣйствій, но самое это воздѣйствіе возникло и развивалось уже гораздо раньше. *Ростъ преторскаго вліянія совершался не въ зависимости отъ какихъ-либо предоставляемыхъ претору новыхъ полномочій, а въ зависимости отъ естественнаго роста потребностей гражданской жизни.* Если даже преторъ до закона Эбуціи дѣлалъ въ этомъ отношеніи сравнительно немного, то лишь потому, что жизнь не требовала большаго; если онъ съ теченіемъ времени, въ особенности послѣ закона Эбуціи, сталъ болѣе активнымъ, то опять-таки лишь потому, что жизнь вышла изъ рамокъ стараго jus civile и стала все больше и больше взымать къ претору о содѣйствіи ея нараждающимся потребностямъ, за которыми не успѣвало угнаться тяжеловѣсное коммуніальное законодательство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ само собою падаетъ то основное положеніе господствующаго ученія, которое *Bekker* формулировалъ своею приведенною выше фразой: „aus dem Einfluss auf das Verfahren ist der Einfluss auf das Recht hervorgewachsen“.

---

²⁾ Untersuchungen über das Alter der einzelnen Satzungen des prätorischen Edikts in. Festgaben für Heffter. S. 95.

³⁾ Это, повидимому и господствующее ученіе. Ср. *Puchta*. Institutionen. Bd. I. § 81.—*Rudorff*. Röm. Rechtsgeschichte. Bd. I. § 71, *Jörs*. Röm. Rechtswissenschaft zur Zeit der Republik. S. 159, *Sohn*. Institutionen § 14, *Krüger*. Geschichte der Quellen. S. 32, *Girard*. Manuel p. 38 и др.

Мы видели, что преторское влияние возникло еще въ эпоху *legis actiones*, когда преторъ рѣшительно никакого влияния на процессы не имѣлъ. Мы видели, что старѣйшей формой этого влияния была личная *cognitio praetoris*, приводимая въ исполненіе мѣрами *imperium*, слѣдовательно, форма, ничего общаго съ гражданскими процессами (*legis actiones*) не имѣющая. Правда, съ теченіемъ времени (въ индигностяхъ, *stipulationes praetoriae*, *actiones praetoriae*) возникаютъ формы, представляющія собою извѣстную своеобразную комбинацію преторскаго приказанія (*imperium*) съ ординарными процессами, — но во всѣхъ этихъ формахъ преторъ не столько вліяетъ на процессы, сколько приспособляетъ его для своихъ цѣлей, пользуется имъ, какъ орудіемъ для достиженія тѣхъ результатовъ, которыхъ иначе онъ могъ бы достигнуть лишь путемъ личнаго разсѣдованія и личнаго распоряженія. Переходъ къ процессу *per formulas* далъ претору только возможность произвести это приспособленіе наиболѣе прямымъ способомъ.

Если, такимъ образомъ, преторское влияние, преторское право выросло не изъ участія магистрата въ ординарномъ процессѣ, если оно зародилось внѣ этого послѣдняго, то очевидно, что и правовой источникъ его, если, конечно, вообще предположить существованіе такого, надо искать въ какой-то другой области. Если та роль, которая была отведена магистрату въ древне-римскомъ гражданскомъ процессѣ, не давала ему возможности оказывать такое или иное влияние на исходъ спора и судьбу матеріальныхъ правоотношеній, и если тѣмъ не менѣе магистратъ уже тогда внѣ формъ обыкновеннаго процесса производилъ извѣстное влѣяніе на нихъ, — то очевидно, что къ этому побуждали его какія-то другія, *въ-судебная соображенія и въ-судебная цѣли*. Выступая со своими декретами, магистратъ, очевидно, дѣйствовать не какъ органъ судебный, а въ какой-то другой функціи; основаніе для такой своей дѣятельности онъ почерпалъ въ какой-то другой сторонѣ своей власти.

Въ какой именно, — этотъ вопросъ составитъ предметъ слѣдующей главы, главы о *матеріальномъ исчезненіи преторскаго права*.

Глава III.

Материальный генезис преторского права.

§ 9.

Jurisdictio et imperium.

Шаткость римской классической терминологии. Древнѣйшее представление о *jurisdictio*. *Jurisdictio et imperium* въ классической юриспруденціи. Зарождение преторскаго права надо искать въ идеѣ охраны общественнаго мира.

По поводу одного частнаго вопроса корифей классической юриспруденціи *Папиньянъ* говоритъ:

fr. 27 D. de O. et A. 44. 7 (libro vicensimo septimo quaestionum). Obligationes, quae non propriis viribus consistunt, neque officio iudicis neque praetoris imperio neque legis potestate confirmantur.

Согласно подчеркнутому выраженію, *Папиньянъ* сводитъ матеріальные источники права развитія къ тремъ категоріямъ: это будетъ или *potestas legis*, непосредственная сила закона, или власть магистрата—*praetoris imperium*,—или, наконецъ, судебная практика—*officium iudicis*, которая, конечно, исполняетъ первые два источника, примѣняя и толкуя ихъ нормы. Поскольку власть магистрата не является простою исполнительницею велѣній закона (*potestas legis*), поскольку она служитъ активнымъ факторомъ права развитія, она, какъ

мы видимъ, характеризуется здѣсь Папиныномъ, какъ *imperium*. Мы говорили выше о томъ, что не только интердикты, *stipulationes praetoriae* и т. п., какъ то учить нынѣшнее господствующее ученіе, но и все другія преторскія средства, даже *actiones praetoriae*, вытекаютъ изъ *imperium* магистрата. Въ приведенномъ только что изреченіи Папинына мы видимъ, конечно, лишь новое подтвержденіе нашей мысли. Господствующее ученіе, тѣмъ не менѣе, отпося лишь нѣкоторыя формы преторскаго воздѣйствія къ средствамъ *imperium*, все прочія считаетъ проиллюстриемъ т. н. *jurisdictio*. Въ виду этого оказывается необходимымъ, прежде нежели двинуться далѣе, остановиться внимательнѣе на вопросѣ о томъ, что такое *imperium* и что такое *jurisdictio*?

Пересматривая съ этой цѣлью источники, мы наталкиваемся на странное, повидимому, явленіе. Съ одной стороны, юристы классической эпохи какъ-будто имѣютъ нѣкоторое определенное представленіе о различіи между *imperium* и *jurisdictio*: такъ, они говорятъ о тѣхъ или другихъ актахъ преторской власти, что они „*magis imperii sunt, quam jurisdictiois*“¹⁾, и даже дѣлаютъ изъ этого извѣстные практическіе выводы²⁾. Они, далѣе, пытаются дать нѣкоторое теоретическое определеніе обѣихъ этихъ функцій власти, причемъ, какъ извѣстно, приходятъ уже къ трехчленному дѣленію: на *imperium merum, mixtum* и *jurisdictio*.

fr. 3. D. de jurid. 2. 1. Ulpianus l. 2 de officio quaestoris.—*Imperium aut merum aut mixtum est. Merum est imperium habere gladii potestatem ad animadvertendum facinorosos homines, quod etiam potestas appellatur. Mixtum est imperium, cui etiam iurisdictio inest, quod in danda bonorum possessione consistit. Jurisdictio est etiam iudicis dandi licentia.*

Съ другой стороны, у тѣхъ же юристовъ слоговъ и родомъ мы находимъ выраженія другаго рода, гдѣ *jurisdictio* опредѣляется уже такими общими чертами, что, повидимому, сливается съ *imperium*. Такъ, напр.:

¹⁾ Напр. *fr. 4. D. de iurisd. 2. 1. Jubere caveri praetoria stipulatione et in possessionem mittere imperii magis est, quam iurisdictiois.*

²⁾ *fr. 26. D. ad mun. 50. 1. Ea quae magis imperii sunt quam iurisdictiois magistratus municipales facere non possunt. Cp. fr. 26. 1. cod.*

fr. 1. D. eod. (2. 1). Ulpianus l. 1 regularum. Ius dicentis officium latissimum est: nam et bonorum possessionem dare potest et in possessionem mittere, pupillis non habentibus tutores constituere, iudices litigantibus dare.

Тѣ же самыя акты, о которыхъ говорится, что они *magis imperii sunt quam jurisdictionis*, оказываются уже входящими въ составъ *jurisdictio*. Въ видѣ частнаго приѣбра укажемъ на *cautio damni infecti*. Съ одной стороны, въ адиктѣ по этому поводу прямо говорится: „...si de ea re ex decreto meo eiusve, cuius de ea re *iurisdictio* fuit, quae mea est, cautum fuisset“ ³⁾, а, съ другой стороны, какъ разъ въ противоположность высказанному въ *fr. 26 D. 50. 1* общему правилу, право декретировать эту *cautio* предоставляется и муниципальнымъ магистратамъ ⁴⁾.

Далѣе, изъ только что цитированнаго *fr. 1. D. de iurisd.* мы, казалось, могли бы заключить, что *tutoris datio* входитъ въ составъ *jurisdictio*. Однако, въ *fr. 6. 2. D. de tutelis 26. 1* тотъ же Ульпіанъ говоритъ:

Tutoris datio neque imperii est neque iurisdictionis, sed ei soli competit, cui nominatim hoc dedit vel lex vel senatusconsultum vel princeps.

Затѣмъ—такіе акты, какъ участіе въ *manumissio*, *adoptio* и т. п., источниками называютъ терминомъ *iurisdictio voluntaria* ⁵⁾. И въ то же время Гай, описывая способы *adoptio*, говоритъ:

Adoptio autem duobus modis fit: aut populi auctoritate, aut imperio magistratus, veluti praetoris ⁶⁾.

Примѣровъ подобнаго рода можно было бы привести еще не мало, но уже и приведенныя цитаты убѣждаютъ въ достаточной мѣрѣ, что терминологія римскихъ писателей въ этомъ отношеніи страдаетъ болыною неустойчивостью ⁷⁾. Съ одной стороны, они какъ будто проник-

³⁾ *fr. 7 pr. D. h. t. 39. 2.*

⁴⁾ *fr. 1. D. eod.* Cum res damni infecti celeritatem desiderat et periculosa dilatio praetori videtur, si ex hac causa sibi *iurisdictionem* reservaret, magistratibus municipalibus delegandum hoc recte putavit.—Ср. *fr. 4 3. D. eod.*

⁵⁾ *fr. 2 pr. и § 1. D. de off. proconsulis. I. 16.*

⁶⁾ *Gai. I. 93, 99.*

⁷⁾ Ср. *Моммсен. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 118, прим. 1, S. 116.—Bethmann-Hollweg. Röm. Civilprocess. Bd. II. S. 91—92 и сл.—Mispoulet. Les institutions politiques des Romains. II. p. 457 и сл.*

путы мыслью о единствѣ и недѣлимости власти магистрата, а съ другой стороны, они уже подмѣчаютъ нѣкоторые различія въ функціяхъ этой власти и пытаются дать этимъ различіямъ извѣстное теоретическое выраженіе. Въ чемъ, однако, заключаются эти не столько сознаваемые, сколько чувствуемые римскими классическими юристами различія?

Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, на нашъ взглядъ, и въ новейшей литературѣ не нашелъ себѣ вполне яснаго и опредѣленнаго разрѣшенія. Уже въ вопросѣ о томъ, какіе акты преторской власти относятся къ *imperium*, какіе—къ *jurisdictio*, мы находимъ существенныя разногласія. Въ видѣ примѣра достаточно указать на то, что напр. интердикты относятся то къ той, то къ другой области, и что даже такой авторитетный писатель, какъ *Моммзенъ*, на этотъ счетъ выражается очень неясно⁹⁾.

Въ виду этого, полагаемъ, будетъ не безполезнымъ подойти и къ этому вопросу (объ *imperium* и *jurisdictio*) съ исторической точки зрѣнія.

Какъ извѣстно, римское государственное устройство своимъ общимъ управленнымъ пунктомъ имѣло *принципъ единой и нераздѣльной власти* своего магистрата, т. е. царя. „Das römische Staatswesen, говоритъ по этому поводу *Моммзенъ* ⁹⁾, ist ausgegangen von der Einheitlichkeit der Beamten Gewalt und hat diesen seinen Ursprung nie verleugnet. Es ist ein Fundamentalsatz des römischen Staatsrechts, dass der Begriff des Imperium dem Königtum, wie dem früheren Consulat in völliger Gleichheit zu Grunde liegt“ ¹⁰⁾. Принципъ раздѣленія властей древности вообще не былъ извѣстенъ. Царь явился и предводителемъ народа на войнѣ и блюстителемъ его жизни въ мирѣ; онъ заведывалъ и финансовымъ хозяйствомъ и принималъ участіе въ разрѣшеніи гражданскихъ споровъ (*legis actio*); онъ былъ и посредникомъ передъ богами и уголовнымъ судьей и т. д. и т. д. Словомъ, его власть простиралась на все, что было нужно для спокойнаго теченія гражданской жизни.

---

⁹⁾ Staatsrecht. Bd. I. S. 115, прим. 2. Говоря о томъ, что *jurisdictio „est etiam iudicis dandi licentia“*, *Моммзенъ* прибавляетъ: „Mehr der Form als der Sache nach ist von der eigentlichen actio unterschieden das interdictum“.

¹⁰⁾ Staatsrecht. Bd. I. S. 43.

¹¹⁾ Cp. *Herzog*. Geschichte und System der röm. Staatsverfassung. Bd. I. S. 63.

Въ такомъ же видѣ единой и нераздѣльной власти, власть царя перешла и къ консуламъ. Переворотъ, извѣстный подъ названіемъ установленія республики, является съ юридической точки зрѣнія только измѣненіемъ въ *личной организации носителей* этой единой и въ принципѣ полной государственной власти. „Libertatis originem inde magis, quia annuum imperium consulare factum est, quam quod deminutum quicquam sit ex regia potestate, numeres: omnia jura, omnia insignia primi consules temere“, говорить римскій историкъ¹¹⁾.

Носители этой власти, какъ извѣстно, назывались первоначально *praetores* и *judices*¹²⁾, и лишь впоследствии установилось наименованіе *consules*. Названія „*praetor*“ и „*judex*“ только отбѣняютъ двѣ наиболѣе отличающіяся другъ отъ друга стороны въ общей дѣятельности магистрата: первое (*praetor*)—дѣятельность военную, второе (*judex*)—дѣятельность мирную. Верно, говорить *Моммзенъ*, „dass man in ältester Zeit die Oberbeamten, wo sie in ihrer friedlichen und bürgerlichen Sphäre thätig waren, *judices* und nur im Felde *praetores* genannt hat“¹³⁾.

Здѣсь-то мы и видимъ первый зародышъ теоретическаго расчлененія принципиально единой и неделимой власти. Если магистратъ, обладающій всею полнотою власти, называется *judex*, когда онъ дѣйствуетъ въ области мирныхъ гражданскихъ отношеній, то очевидно, что и самая эта мирная дѣятельность, въ противоположность дѣятельности военной, опредѣляется какъ „*ius dicere*“, какъ *jurisdictio*. *Jurisdictio*, такимъ образомъ, есть то же *imperium*, но только направленное на внутреннія, мирныя дѣла. Но очевидно, что эта *jurisdictio* ничего общаго не имѣетъ съ юрисдикціей въ нашемъ привычномъ смыслѣ, т. е. съ дѣятельностью судебной.

Консулы принимаютъ участіе въ гражданскомъ процессѣ (*legis actio*), но мы видѣли уже, каково это участіе. Мы видѣли, что магистратъ въ этомъ процессѣ ничего не судить. Его участіе въ гражданскихъ тяжбахъ вымывается лишь желаніемъ предотвратить реальное столкновеніе спорящихъ, желаніемъ охранить общественный миръ отъ возможнаго потрясенія. Отсюда исходить все его распоряженія

¹¹⁾ Livius. 2. 1. 7, 8. Cp. Cicero de republ. 2, 32, 36; de leg. 3, 3, 8.

¹²⁾ *Mommsen* Staatsrecht. Bd II. S. 70—72. *Herzog*. I. cit. Bd I. S. 688. *Wilms*. Le droit public romain. p. 253.

¹³⁾ I. cit. S. 73

in jure—„mittite aumbo rem“, vindictiarum datio и т. д. Когда же эта общія цель достигнута, столкновение сторонъ устранено, когда возникаетъ вопросъ чисто судебный, вопросъ примѣненія права и закона,—тогда на сцену выступаютъ уже другія лица (понтифики, *judices privati* и т. д.).

Такимъ образомъ, *jurisdictio* въ эту эпоху есть дѣятельность, направленная на устройство и охраненіе внутренняго гражданскаго мира и порядка, дѣятельность, которую мы назвали бы *полицейской* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Власть магистрата въ этомъ отношеніи въ принципѣ, какъ и власть царя, неограниченна; она не ограничена ни въ смыслѣ выбора средствъ, ни въ смыслѣ рода дѣлъ: консулы въ любомъ случаѣ могутъ примѣнить любое средство и могутъ вмѣшаться во все, что, по его мнѣнію, грозитъ общественному миру. Только въ періодъ отношеній республики ввели нѣкоторыя существенныя ограниченія: это—законъ о *provocatio* и законы, ограничивающіе высоту штрафовъ (*lex Aternia Tarpeia*); но, за этими ограниченіями, власть магистрата остается вполне свободной.

Съ дальнейшимъ развитіемъ республики, какъ извѣстно, количество магистратуръ увеличивается, но учрежденіе новыхъ должностей не обозначаетъ принципиальнаго разложенія единой власти на отдѣльныя самостоятельныя компетенціи. Это относится, по крайней мѣрѣ, къ магистратамъ *summi imperio*¹⁴⁾. Фактически, конечно, каждая изъ этихъ магистратуръ специализуется въ томъ или другомъ кругѣ государственныхъ задачъ, но юридически, тѣмъ не менѣе, власть каждой изъ нихъ простирается на все. Отсюда, какъ извѣстно, вытекаетъ, съ одной стороны, возможность замѣны одной магистратуры представителемъ другой, а съ другой стороны—т. е. *jus intercessionis*.

Правило это относится прежде всего къ той магистратурѣ, которая ближе всего насъ интересуетъ—къ *претурѣ*. Мотивомъ для учрежденія претуры послужило, какъ извѣстно, то обстоятельство, что консулы, постоянно отвлекаемые своими военными дѣлами, не могли въ достаточной степени заботиться о внутреннихъ, гражданскихъ дѣлахъ¹⁵⁾.

¹⁴⁾ Herzog. l. cit. Bd. I. S. 641. „Festhaltung einer einheitlichen Auffassung der Amtsgewalt“.

¹⁵⁾ Cp. fr. 2. 27. D. de orig. iur. 1. 2. Cumque consules advocarentur bellis finitimis neque esset qui in civitate ius reddere posset, factum est, ut praetor quoque crearetur, qui urbanus appellatus est, quod in urbe ius redderet.—*Livius*. 6, 42 „con-

Эти-то внутреннїя дѣла и должны были составить преимущественную компетенцію преторовъ, преимущественную, но не исключительную. Преторъ такъ же, какъ и консулы, надѣленъ всею полнотою *imperium* и вѣдѣствіе этого является *коллегіей* консуловъ, хотя лишь коллегіей младшимъ—*collega minor*¹⁶⁾. Онъ имѣетъ даже военную власть, и мы дѣйствительно иногда въ римской исторіи видимъ преторовъ во главѣ легіоновъ¹⁷⁾. Главную обязанность преторовъ, однако, составляетъ забота о внутреннихъ, гражданскихъ дѣлахъ—*custodia urbis*¹⁸⁾; они созданы для того, „*ut jus in urbe dicerent*“, „*jus in urbe redderent*“¹⁹⁾. Имъ вѣрена, такимъ образомъ, *jurisdictio* въ только-что описанномъ широкомъ и общемъ смыслѣ, въ смыслѣ заботы объ охраненіи общественнаго мира и порядка; уже какъ *смыслѣ этой общей обязанности*, на преторовъ легла и обязанность участвовать въ гражданскихъ процессахъ, въ *legis actiones*.

Назначеніе преторовъ „*ut jus in urbe dicerent*“ обыкновенно, однако, понимается лишь въ этомъ послѣднемъ тѣсномъ смыслѣ дѣятельности судебной; говоря о претурѣ, на первый планъ обыкновенно выдвигаютъ гражданскую юрисдикцію, *Civiljurisdiction*: что же касается функций полицейскихъ, то о нихъ или умалчиваютъ или же вовсе отрицаютъ²⁰⁾. Такая обрисовка претуры намъ кажется совершенно невѣрной. Нельзя отрицать полицейской власти у консуловъ, но, вѣдь, мы только-что видѣли, что преторы являются въ принципѣ магистратурой такою же полною, какъ и консулатъ. И дѣйствительно мы находимъ увышніи и на чисто полицейскую дѣятельность преторовъ. Въ случаѣ отсутствія консуловъ, говорить *Моммсенъ*, „*der Stadtprätor hat in bedenklichen Zeiten gegen das Waffentragen in der Stadt einzuschreiten, die Ausweisung der Fremden anzuordnen, überhaupt die erforderlichen Massregeln gegen die Störer der öffentlichen Ruhe, namentlich wo die zunächst berufenen Beamten nicht durchdrangen, seinerseits zu treffen*“²¹⁾. Если случаи подобной чисто полицейской

---

cessum... a plebe nobilitati de praetore mio, qui ius in urbe diceret, ex patribus creandum“.

¹⁶⁾ *Herzog*. I. cit. Bd. I. S. 741

¹⁷⁾ *Mommsen*. I. cit. Bd. I. S. 100, *Herzog*. I. cit. Bd. I. S. 742.

¹⁸⁾ См. *Willems*. Le droit public romain. p. 277.

¹⁹⁾ См. цитатa примѣчаніи 15.

²⁰⁾ *Haupt*. A. *Pernice*. Zeitschr. d. Sav.-St. Bd. XVII. (Rom. Abth.). „Friede und Friedenswahrung in römisch-griechischem Rechte“. S. 194, прим. 5.

²¹⁾ *Staatsrecht*. Bd. II. S. 123.

дѣтельности преторовъ въ нормальное время сравнительно рѣдки. то это объясняется, во-первыхъ, постепеннымъ возрастаніемъ судебныхъ дѣлъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что полицейскія обязанности лежали и на другихъ магистратахъ, главнымъ образомъ—адилтахъ и *tres viri capitales*.

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что та *jurisdictio*, которая была возложена на претору, представляетъ собою компетенцію, гораздо болѣе широкую, чѣмъ простое участіе въ ритуальн. *legis actiones*. *Ius dicere* значитъ вообще давать распоряженія, регулировать гражданскую жизнь мѣрами власти, средствами *imperium*. Съ этой точки зрѣнія, конечно, не только такія приказы, какъ „*mittite ambo rem*“ и т. д. въ *legis actio*, но и всен. *missiones*, *cautiones* и пр. нѣ обыкновеннаго гражданского процесса могутъ быть характеризованы, какъ акты *jurisdictio*. Этими-то старымъ и кореннымъ представленіемъ римлянъ о *jurisdictio* объясняются всѣ тѣ, подобныя приведеннымъ раньше, мѣста источниковъ, гдѣ выраженіе „*jurisdictio*“ употребляется въ смыслѣ, равномъ *imperium* ²²⁾.

Дальнѣйшее развитіе римскаго правового строя, въ особенности установленіе процесса *per formulas*, прогрессирующее специализированіе претуры въ дѣлахъ судебныхъ и параллельное атрофированіе ея другихъ функций—все это, конечно, не могло не отозваться и на теоретическихъ представленіяхъ классическихъ юристовъ о дѣтельности претуры.

Съ переходомъ къ формулярному процессу преторъ былъ поставленъ въ болѣе близкое отношеніе къ проходящимъ черезъ его руки тяжбамъ. Въ эпоху *legis actiones* собственный процессъ проходилъ совершенно мимо претора; преторъ не имѣлъ никакого клинція не только на исходѣ дѣла, но даже и на его инструкцію: инструкцировали дѣло сами стороны, а рѣшалъ его *iudex*. Законъ Эбуція позволялъ на претора составленіе формулы, слѣд.,—именно юридическую постановку спора, и этимъ сдѣлать его, чего не было раньше, посредникомъ въ прииженіи цивильнаго закона, однимъ изъ органовъ, содѣйствіе которыхъ нужно для того, чтобы этотъ цивильный законъ осуществился въ данномъ конкретномъ случаѣ.

---

²²⁾ Особ. въ преторскомъ адилтѣ „*cuius de ea re iurisdictio fuit, quae mea est*.“ Смъ также fr. 1. De iurisd. 2 1. „*Ius dicentis officium latissimum est*“...

Всѣдствие этого, юридическая мысль классической эпохи, желавшая теоретически осмыслить *officium praetoris*, наталкивалась уже на слѣдующую противоположность въ области преторскихъ функций. Съ одной стороны, она видѣла акты, гдѣ преторъ дѣйствовалъ исключительно въ роли проводника и исполнителя гражданского закона, содѣйствуя своей инструкціей (формулой) цѣлямъ суда и судьи; съ другой стороны, она видѣла акты, гдѣ преторъ дѣйствовалъ свободно, своимъ усмотрѣніемъ, своимъ приказаніемъ, гдѣ его задачей являлась, вообще говоря, *coercitio*, и гдѣ его дѣйствія стояли внѣ всякаго отношенія къ обыкновенному гражданскому процессу. Для обозначенія этой противоположности мы употребили бы термины—функции судебныя, функции административныя: римскіе же юристы классической эпохи функции перваго рода стали обозначать старымъ терминомъ *jurisdictio*, употребляли этотъ терминъ, однако, уже въ значительномъ измѣненномъ смыслѣ, въ смыслъ дѣятельности правопримѣняющей (*gesetzausführende Thätigkeit*). Функции же втораго рода, функции административныя, они обозначали общимъ терминомъ *imperium*.

Такимъ образомъ, въ классическую эпоху понятія *imperium* и *jurisdictio* стали во второй разъ въ противоположеніе другъ другу; но смыслъ этого противоположенія уже существенно измѣнился. Раньше *jurisdictio*, какъ внутренняя дѣятельность магистрата *in urbe*, противопоставлялась *imperium*, какъ дѣятельности военной: теперь самая эта внутренняя дѣятельность разложилась на элементы, и *jurisdictio* стала противопоставляться *imperium*, какъ примѣненіе закона, какъ функция судебная—функции полицейской, административной.

Однако, при этомъ противоположеніи рѣзко отдѣлились другъ отъ друга лишь крайнія, полярныя формы дѣятельности носителей власти; между чисто полицейской *coercitio*—съ одной стороны, и чисто судебными, процессуальными актами—съ другой, историческимъ путемъ наслонилась еще цѣлая сложная формація актовъ смѣшаннаго характера, актовъ такихъ, которые имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ суду и процессу, которые такъ или иначе съ нимъ связаны, но которые представляютъ собою нѣчто большее, чѣмъ простое примѣненіе цивильнаго закона и которыхъ основаніе лежитъ въ общемъ *imperium* магистрата. Таковы, напр., *datio bonorum possessionis*, *missio in possessionem*, *cautiones praetoriae* и т. д. Оказывалось, поэтому, необходимымъ, расчленивъ общее содержаніе преторской власти, дать нѣ-

которое особое опредѣленіе и этихъ сѣдѣвшихъ актамъ. Такимъ путемъ и возникло трехчленное дѣленіе на *imperium strictum*, *imperium mixtum* и *jurisdictio*.

Указанная сѣдѣвшая область опредѣляется классическими юристами, какъ *imperium, cui etiam jurisdictio inest*; объ актахъ этого рода говорить, какъ мы видѣли, что они *magis imperii sunt quam jurisditionis*. Но какіе именно акты относятся сюда, этого юристы вообще не опредѣляютъ, ограничиваясь лишь присоединеніемъ примѣровъ. Въ виду этого понятно, что вопросъ о принадлежности сюда тѣхъ или другихъ формъ преторскаго воздѣйствія можетъ быть споренъ. Мы уже указывали, въ видѣ примѣра, на колебанія относительно интердиктовъ. Господствующее мнѣніе, однако, къ области *imperium mixtum* относитъ не только интердикты, *missio in possessionem*, *stipulationes praetoriae*, но и *restitutio in integrum*. Естественно возникаетъ вопросъ: не относятся ли сюда и *actiones praetoriae*?

Господствующее ученіе на этотъ вопросъ отвѣчаетъ отрицательно, усматривая въ дачѣ преторскаго иска лишь *judicis dandi licentia*. После всего того, что сказано о преторскихъ искахъ, мы съ этимъ согласиться не можемъ. Преторскій искъ выросъ генетически изъ другихъ формъ преторскаго воздѣйствія, сплосъ и рядомъ онъ замѣнялъ и замѣнялся собою интердикты, *cautiones* и т. д.,—словомъ, тѣ акты, которые неоспоримо относятся къ области *imperium mixtum*. Замѣтъ, въ числѣ актовъ *imperium mixtum* источники называютъ, напр., *datio bonorum possessionis*²³⁾; но, вѣдь, извѣстно, что эта *datio* разрѣшается обыкновенно въ цѣлый комплексъ съ вѣншей стороны чисто процессуальныхъ дѣйствій—дачи исковъ, экзекуцій и т. д., безъ всякой принаѣи какихъ-либо административныхъ мѣръ. То же самое нужно сказать и относительно *restitutio in integrum*, которая также неоспоримо источниками относится къ области *imperium mixtum*²⁴⁾; мы говорили уже, что *restitutio* также разрѣшается часто при помощи исковъ и экзекуцій, а иногда и при помощи одного только иска,

²³⁾ Ср. fr. 3. D. de iurisd. 2. 1. (цитировано выше).

²⁴⁾ fr. 26. D. ad mun. 50. 1. Ea, quae magis imperii sunt, quam inisdictionis, magistratus municipalis facere non potest. Magistratibus municipalibus non permittitur in integrum restituere aut bona rei servandae causa iubere possideri aut dotis servandae causa vel legatorum servandorum causa.

примечъ вопросъ о *restitutio* помѣщается въ общемъ производствѣ *in jure*. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *datio bonorum possessionis*, *restitutio in integrum* съ внѣшней, процессуальной стороны ничѣмъ не будутъ отличаться отъ *datio* всякаго преторскаго иска. Всякій преторскій искъ вытекаетъ изъ *imperium* магистрата, и потому всѣ они должны быть отнесены къ области *imperium mixtum*.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ изложенная исторія понятія *jurisdictio* еще разъ показываетъ намъ, насколько неосновательно было бы выводить преторское вліяніе въ области права изъ юрисдикціонной въ нашемъ смыслѣ, т. е. судебной дѣятельности претора. Въ моментъ учрежденія претуры участіе магистрата въ гражданскомъ процессѣ было вполне пассивное и чисто формальное. Отправной пунктъ преторскаго права надо, поэтому, искать въ задачахъ *jurisdictio* въ широкомъ смыслѣ слова. А эти задачи, какъ было указано, сводились въ общемъ къ *охранѣ внутренняго мира общества, къ охранѣ тираніи гражданского порядка*. Изъ этой идеи внутренняго мира вытекало самое участіе магистрата въ *legis actio*; изъ этой же идеи должно было вытекать и всякое иное вмѣшательство его въ гражданскія отношенія.

Таковъ выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ общаго разсмотрѣнія римскихъ магистратскихъ компетенцій: но это, конечно, лишь выводъ апріорный. Посмотримъ, однако, не найдемъ-ли мы подтвержденія этого вывода въ нѣкоторыхъ явленіяхъ преторскаго права.

---

§ 10.

Принципъ общественнаго порядка въ исторіи преторскаго права.

Зарожденіе преторскаго права: вопросъ о матеріальномъ происхожденіи интердиктовъ.—Слѣды принципа общественнаго порядка въ подлинныхъ преторскихъ институтахъ, особенно въ исторіи обязательствъ.—Послѣдующее расширеніе этого принципа и параллельная потеря имъ его первоначальной яркости.

Старѣйшею формою преторскаго права, какъ было указано, являются интердикты. Какимъ-же цѣли преслѣдовалъ преторъ, создавая ихъ, какія общія соображенія побуждали его къ внимательству подобнаго рода? Вопросъ этотъ не мало занималъ ученыхъ истекшаго столѣтія.

Господствовавшее прежде воззрѣніе, что интердикты являлись—въ противоположность *actiones*—*суммарнымъ процессомъ*, и именно этому обязаны своимъ происхожденіемъ,—это воззрѣніе въ XIX столѣтіи было единодушно отвергнуто¹⁾. Вмѣстѣ этого были предложены другія теоріи, которыя могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ.

I. По мнѣнію однихъ, интердикты уже при самомъ своемъ возникновеніи имѣли ту же цѣль, которую имѣло и все преторское право—именно *воспостановленіе нарушенной цѣломъ системы*. Преторъ уже очень рано долженъ былъ замѣтить, что система XII т. оставляла въ юридической нормировки цѣлую массу отношеній, которыя въ ней нуждались, оставляла беззащитными такіа интересы, которыя

---

¹⁾ См. *Puchta*. Institutionen. Bd. II. § 169, *Schmidt*. Interdiktenverfahren. S. 305.

защиты заслуживали. Восполнить это отсутствие гражданских нормъ, создать такую защиту справедливымъ интересамъ—и явилась задачей претора, задачей, которую до *lex Aebutia* онъ могъ выполнить только посредствомъ интердиктовъ. Эта мысль была высказана *Puchta* ²⁾, подробно *Schmidt*'омъ ³⁾ и некоторыми другими ⁴⁾.

Это учение, однако, оставляетъ вопросъ о причинахъ возникновения интердиктовъ собственно безъ объясненія. Допустимъ, что система законовъ XII таблицъ имѣла пробѣлы, не станемъ отрицать и того, что должна была ощущаться потребность въ болѣе свободномъ развитіи права, въ „*einer nicht erst durch die Volksschlüsse zu erwirkenden Entfaltung des Rechts*“ ⁵⁾. Но, спрашивается, почему именно преторъ взялъ въ свои руки это болѣе свободное развитіе права? Въ чемъ именно заключался тотъ юридическій пунктъ, опираясь на который преторъ могъ выступить въ этой законо-восполняющей роли?

Но и помимо этого,—едва-ли, но крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, появленіе интердиктовъ было вызвано отсутствіемъ соотвѣтствующей нормы права. Совершенно вѣрно говорить по этому поводу *Ifersche* ⁶⁾: „Слѣхъ норъ, какъ появились въ Римѣ *fana templa deorum*, *moenia*, *porta urbis*, всѣмъ было извѣстно и всѣмъ было признано, что никто не долженъ имъ причинить вредъ или захватывать для себя... Если значительное время спустя послѣ законовъ XII т. съ первоначальной сакральной и административной защитѣ подобныхъ объектовъ присоединилась еще защита посредствомъ популярнѣхъ интердиктовъ,—то указанная общая норма была, быть можетъ, въ некоторыхъ отношеніяхъ болѣе развитая, но отнюдь не вновь создана. Предположеніе, что изданіе интердикта противъ каждаго отдѣльнаго отиѣтчика каждый разъ должно было устанавливать закономъ обязанность для этого послѣднего не нарушать *res extra commercium*,—ставить вещи сверхъ дюмъ („*stellt die Dinge vollständig auf den Kopf*.“).

II. По мнѣнію другихъ, интердикты обязаны своимъ происхожденіемъ *интересамъ процесса*; они созданы для лучшаго осуществленія тѣхъ или другихъ нековъ. Къ этой категоріи ученыхъ принадле-

---

²⁾ Institutionen. I. cit.

³⁾ Interdiktenverfahren. S. 313.

⁴⁾ Haupt. Wille. Das interdictum uti possidetis. S. 26.

⁵⁾ Слова *Schmidt*'а. I. cit. S. 314.

⁶⁾ Die Interdicte. S. 15—16.

жить напр. только-что цитированный *Pfersche*, который утверждает, „dass bei der übergrossen Mehrzahl der Interdikte und auch bei den vermuthlich ältesten derselben der Ursprung und Zusammenhang mit der Civilrechtspflege, mit dem imperium mixtum, mit grösserer oder geringerer Wahrscheinlichkeit angenommen werden kann“ ⁷⁾). Сюда относится также *Bekker*, который проводит подобную мысль относительно интердиктов частных: „das Exhibiren und das Erlangen Behaupten Wiedererlangen des Besitzes sind processualische Akte, und der Prätor ist berufen zur Leitung der Prozesse“ ⁸⁾).

Однако, если подготовительный характер, служебная связь с какими-либо публичным процессом даже по отношению к *частным* интердиктам во многих случаях по меньшей мѣрѣ сомнительна ⁹⁾, то по отношенію къ интердиктамъ, касающимся *res publicae* или *res sacrae*, она уже прямо невѣроятна. Относительно этихъ послѣднихъ интердиктовъ даже представители указанного ученія не рѣшаются настаивать. Такъ, *Pfersche* предполагаетъ, что интердикты этого рода, вѣроятно, возникли уже тогда, когда понятіе интердикта вообще было выработано, и что они представляютъ, поэтому, лишь примѣненіе частно-правнаго средства къ отношеніямъ публичнаго характера ¹⁰⁾. Что же касается *Bekker'a*, то этотъ послѣдній ученый прямо признаетъ, что всѣ подобные интердикты выросли изъ полицейской точки зрѣнія; кромѣ веденія процессовъ (*Leitung der Prozesse*), говорить онъ, на обязанности претора лежала и охрана *res extra commercium* (*Behütung der nichtprivaten Sachen*) ¹¹⁾. Вслѣдствіе этого послѣднего утвержденія все ученіе *Bekker'a*, конечно, лишается теоретическаго единства и одной стороною примыкаетъ уже къ слѣдующей, третьей группѣ ученій.

III. Уже *Zimmer* высказалъ мысль, что интердикты обязаны своимъ возникновеніемъ *соображеніямъ охраны общественнаго мира, гражданскаго порядка*. Назначеніе интердиктовъ, говорить онъ, составляетъ не охрана частныхъ правоотношеній (это была задача *пековъ*),

⁷⁾ I. cit. S. 51.

⁸⁾ Die Aktionen. Bd. II. S. 60.

⁹⁾ См. по этому поводу вполне основательнымъ замѣчаніи *Ubbelohde*. Interdikte. Bd. II. S. 305—313. Его заключеніе: „Nach allem dem dürfte es gerechtfertigt sein, dass wir Bekkers Interdiktenprincip für einen völlig missglückten Einfall erklären“.

¹⁰⁾ I. cit. S. 52.

¹¹⁾ I. cit. S. 60.

а охрана *публичныхъ* (со включеніемъ религіозныхъ) интересовъ противъ нарушеній со стороны частныхъ лицъ,—та область, гдѣ нынѣ употребляются полицейскія мѣры,—и, кромѣ того, охрана чистого фактическихъ состояній ¹²⁾. Эта мысль была затѣмъ болѣе подробно развита *Leistomъ*. Интердикты, по его мнѣнію, имѣютъ своимъ содержаніемъ „entweder Gegenstände des polizeilichen Schutzes oder Familienverhältnisse oder endlich Besitzverhältnisse“ ¹³⁾. Во всѣхъ случаяхъ этого рода обыкновенныя гражданскія actiones были средствами недостаточными, ибо обыкновенная condemnatio не могла доставить необходимой здѣсь продолжительной охраны такого или иного состоянія; такую охрану могло дать только imperium магистрата ¹⁴⁾. Еще опредѣленіе высказывается *Bethmann-Hollweg*. Для тѣхъ случаевъ, говорить онъ, гдѣ вопросъ заключался въ предотвращеніи будущихъ или устраниеніи настоящихъ нарушеній *общественнаго порядка* (der öffentlichen Ordnung), legis actiones были непримѣнны. Мы въ настоящее время привыкли считать дѣла подобнаго рода компетенціей полиціи. Римляне, которые не знали раздѣленія суда и управленія, дали своимъ высшимъ магистратамъ—консуламъ и преторамъ—власть во всѣхъ такихъ случаяхъ на заявленію частнаго лица разрѣшать дѣло своимъ запрещеніемъ (interdictum) или приказаніемъ (decretum). Отсюда-то и пошли интердикты позднѣйшаго римскаго права ¹⁵⁾.

Какъ видимъ, во всѣхъ только-что приведенныхъ ученіяхъ этой группы въ большей или меньшей степени въ вопросѣ о возникновеніи интердиктовъ выдвигается на первый планъ *элементъ охраны общественнаго порядка*. Въ этой идеѣ стремятся найти первоначальную сферу примѣненія интердиктовъ и общую точку зрѣнія, лежащую въ основаніи ихъ. И теорія эта съ теченіемъ времени пріобрѣла себѣ многочисленныхъ сторонниковъ, такъ что въ настоящій моментъ она по справедливости можетъ считаться господствующей. Кромѣ упомянутыхъ писателей, ее принимаютъ напр. *Keller* ¹⁶⁾, *Rudorff* ¹⁷⁾, *Kuntze* ¹⁸⁾, *Sohm* ¹⁹⁾ и др.

¹²⁾ *Zimmern*. Geschichte des röm. Privatrechts. Bd. III (1829). S. 225.

¹³⁾ Die Bonorum possessio. Bd. I. S. 329.

¹⁴⁾ I. cit. S. 334.

¹⁵⁾ Der röm. Civilprocess. Bd. I. S. 202.

¹⁶⁾ Civilprocess. § 22.

¹⁷⁾ Röm. Rechtsgeschichte. § 53. S. 177. „als notwendiges Complement für den polizeilichen Schutz der öffentlichen Ordnung“. „um den Rechtsfrieden .. zu schützen“.

¹⁸⁾ Excursus. 2-te Aufl. S. 244.. „wo es sich um Wahrung der äusseren Ordnung, Aufrechterhaltung und Herstellung des gemeinen Friedens.. handelte.

¹⁹⁾ Institutionen. § 43.

Въ самое послѣднее время, однако, вопросъ этотъ былъ снова поставленъ на обсужденіе. Позднѣйшій спеціальный изслѣдователь интердиктовъ—*Ubbelohde*—рѣшительно возстаетъ противъ этого господствующаго ученія. Идея полицейскаго происхожденія интердиктовъ, говоритъ онъ²⁰⁾, разбивается о слѣдующія соображенія. Съ этой идеей, прежде всего, не вяжется постройка римской защиты владѣнія: съ точки зрѣнія господствующаго ученія долженъ былъ-бы пользоваться защитой всякій *detentor*, должно было-бы быть защищаемо владѣніе вещами *extra commercium*, а также владѣніе лица не полеспособнаго. Съ полицейской точки зрѣнія несомнѣнно, даже, то обстоятельство, что значительное количество интердиктовъ разрѣшаютъ споръ окончательно и затрагиваютъ вопросы о правѣ. Самъ *Ubbelohde* отказывается отъ мысли найти какой-либо общій принципъ для всѣхъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ примѣняются интердикты, и всецѣло присоединяется къ воззрѣнію *Puchta* и *Schmidt'a*: интердикты, говоритъ онъ²¹⁾, обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно тому обстоятельству, что въ эпоху *legis actiones* потребность въ защитѣ, не опирающейся на *jus civile*, могла быть удовлетворена только путемъ интердиктовъ.

Но эта послѣдняя попытка расшатать господствующее ученіе встрѣтила рѣшительный отпоръ въ статьѣ *A. Pernice „Friede und Friedenswahrung im römisch-griechischen Rechte“*²²⁾. Идея общественнаго мира, говоритъ Pernice, особенно полно была выражена въ германскомъ правѣ. Гражданскій миръ есть не самый правопорядокъ, а охраняемое этимъ правопорядкомъ спокойствіе цѣлаго общественнаго организма и каждого индивидуума въ отдѣльности²³⁾. Эта идея, однако, не есть спеціальное созданіе воззрѣній древне-германскихъ; она не чужда, въ частности, и міру греко-римскому, хотя она сказывается здѣсь нѣсколько слабѣе. Въ греческой и римской древности государство выросло изъ городского самоуправленія, а кто защищенъ стѣнами, говоритъ Pernice, тотъ не такъ нуждается въ защитѣ идеями („*wer durch Mauerne geschützt ist, dem liegt der Schutz durch Ideen überhaupt fern*“). Тѣмъ не менѣе, идея гражданского мира

²⁰⁾ *Interdicte*. Bd. II. S. 299 и сл. (1890).

²¹⁾ *I. cit.* S. 318—319.

²²⁾ В. *Zeitschr. d. Savigny-Stiftung*. Bd. XVII (1896). S. 167, въ особ. 191—204.

²³⁾ „Der Friede ist nicht die Rechtsordnung selbst, sondern die durch die Rechtsordnung verbürgte Ruhe des Ganzen und aller Einzelnen“.

присутствует и здѣсь, отражаясь въ нѣкоторыхъ явленіяхъ правового порядка. Во главі этихъ явленій *Reignice* ставить именно интердикты.

Въ противоположность *Ubbelohde*, который утверждать, что невозможно усмотрѣть въ интердиктахъ какой либо общій принципъ, *Reignice*, рассмотрѣвъ значительное количество ихъ, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Изъ эпоху болѣе древнюю интердикты являлись консульскими приказаніями, издаваемыми въ цѣляхъ охраны общественнаго мира— „*zur Wahrung des gemeinen Friedens*“. Они были тогда окончательными, рѣшительными повелѣніями, осуществлявшимися административнымъ порядкомъ, средствами *imperium*. И въ германскомъ правѣ ясно и несомненно признается связь между охраной общественнаго мира и административной властью начальства (*Banngewalt*). Этотъ общій принципъ интердиктовъ не измѣнился и въ болѣе позднее время, когда порядокъ ихъ осуществленія измѣнился. „Если мы желаемъ надлежащимъ образомъ понимать интердикты, мы должны исходить не изъ идеи правъ или интересовъ частныхъ лицъ, а изъ идеи общественнаго блага, идеи общественнаго мира. При такомъ воззрѣніи уничтожается сама собою цѣлая масса трудностей, съ которыми должно бороться ученіе объ интердиктахъ вообще и о владѣніи въ частности. А это самое главное. Противъ указанной общей мысли нельзя возражать тѣмъ, что тѣ или другія детали отдѣльныхъ интердиктовъ не соответствуютъ „полицейской“ точкѣ зрѣнія. Несомнѣнно, конечно, что впоследствии интердикты стали обыкновеннымъ средствомъ спора и процесса“.

Такимъ образомъ даже представители того взгляда, что преторское право выросло изъ юрисдикціонной, т. е. судебной дѣятельности претора, по отношенію къ старѣйшей формѣ преторскаго вліянія, къ интердиктамъ, не могли не признать его несостоятельности, не могли не увидѣть, что здѣсь дѣйствовали иные мотивы, иные соображенія. И дѣйствительно, достаточно, окинуть мысленнымъ взоромъ всю область интердиктовъ, чтобы увидѣть преобладаніе въ ней публично-правовой точки зрѣнія и публично-правовыхъ интересовъ. *Ne quid in loco sacro fiat, ne quid in loco publico vel itinere fiat, ne quid in flumine publico fiat, quo peius navigetur* или *quo aliter aqua fluat* и т. д.— все это такіе интердикты, которые въ самомъ своемъ назва-

ним отражаютъ принципы охраны общественнаго порядка по всей его полнотѣ. Что магистратъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ нарушенія неприкосновенности *locus sacra* или *publica*, это, конечно, само собою понятно, ибо охрана ихъ составляла искони его *officium*. Для внимательства въ подобнаго рода дѣла не нужно ни того, чтобы магистратъ предварительно рѣшилъ исполнять пробѣлы гражданского права, ни того, чтобы этого требовали интересы того или иного процесса. Всякій публичный непорядокъ долженъ быть устраненъ уже самъ по себѣ.

Конечно, при интердиктахъ мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ охрану общественнаго интереса въ формѣ *частнаго спора между двумя лицами*. Это, какъ мы говорили раньше, и является главнымъ основаниемъ для многихъ отрицать происхожденіе интердиктовъ изъ административной, полицейской *cognitio*. Казалось-бы, говорить, въ такомъ случаѣ магистратъ долженъ былъ бы вступаться въ дѣло *ex officio*; интердиктъ же надается, такъ же какъ и *actio datur*, лишь по требованію заинтересованной стороны²⁴⁾. При этомъ, однако, упускаютъ изъ виду, что интердиктъ есть лишь одна изъ формъ охраны *locus sacra* или *locus publica*, что магистратъ, конечно, могъ и *ex officio* устранить непорядокъ, замѣченный имъ лично. Если же онъ этого въ дѣйствительности не дѣлаетъ (или рѣдко дѣлаетъ), то мы встрѣчаемся здѣсь опять-таки не съ ограниченіемъ его власти, а съ правиломъ административной политики. Все подобныя интердикты суть, какъ извѣстно²⁵⁾, *interdicta popularia*, т. е. вчиненіе ихъ предоставляется *civilibet ex populo*. Велѣдвіе этого, охрана общественнаго порядка какъ бы поручается инициативѣ самихъ гражданъ. А такое возрѣніе на общественный интересъ сказывается и въ другихъ областяхъ римскаго права: какъ извѣстно, напр. даже уголовныя дѣла въ періодъ республики, по крайней мѣрѣ, начинались лишь въ случаѣ *accusatio* со стороны того или другаго частнаго лица²⁶⁾. Это общій характерный чертъ римскаго строя: общественнымъ интересомъ считается только то, что дѣйствительно возбуждаетъ интересъ отдѣльныхъ членовъ общества, что находитъ себѣ защитника непосредственно изъ среды этихъ послѣднихъ. Если бы намъ было угодно было привести здѣсь вульгарное сравненіе, то мы сказали бы, что подобно тому,

²⁴⁾ Ср. напр. *Ubbelohde*. *Interdikte*. Bd. I. S. 19.

²⁵⁾ См. *Ubbelohde*. I. cit. Bd. I. S. 53.

²⁶⁾ Ср. *Mommsen*. *Römisches Strafrecht*. S. 343.

какъ мы у входа въ наши публичные скверы и пр. выставлемъ дощечки съ надписью „охрана сквера поручается вниманію публики“, такъ у римлянъ подобная надпись стояла надъ вратами всего римскаго государства.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы указывали, что современные ученые склонны отрицать полицейскую сторону преторской власти, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что мы, будто-бы, не имѣемъ слѣдовъ ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи. Мы, однако, уже тамъ обращали вниманіе, что, напротивъ, такіе слѣды есть. Если значительное количество этихъ слѣдовъ ускользаетъ отъ взора современныхъ изслѣдователей, то лишь благодаря своеобразію приема преторской полиціи.

Если-бы на мѣстѣ нынѣшнихъ интердиктовъ относительно *loci sacra* или *publica* мы имѣли административную *cognitio* преторовъ, заключающуюся штрафы и т. п., тогда, конечно, мы несколько не сомнѣвались бы въ полицейской функціи преторы и говорили бы о многочисленныхъ слѣдахъ этой послѣдней. Но претору пришла въ голову мысль освободить себя отъ фактической стороны разбирательства путемъ принудительныхъ *sponsiones* (интердикты),—и вотъ иско-бразная форма заслонить уже отъ насъ реальную сущность.

Примыкнувъ къ мысли о преторѣ, какъ объ органѣ суда—даже, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ онъ былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ,—мы склонны теперь подчинить все въ преторской дѣятельности къ этой судебной функціи. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этой тенденціи является отмѣченная выше теорія процессуальнаго пропехожденія интердиктовъ (*Pfersche, Bekker*). Неудивительно поэтому, что, послѣ такого насильственнаго и прѣдвзятаго толкованія этихъ послѣднихъ, слѣдовъ преторской полиціи не оказывается: мы сами же уничтожили ихъ!

Но, скажутъ намъ, интердикты относительно *res sacrae* или *res publicae* представляютъ все-таки лишь одну часть интердиктовъ вообще; есть цѣлая масса и такихъ интердиктовъ, которые преслѣдуютъ частныя цѣли, защищаютъ частныя интересы. Однако, мы только-что слышали изъ достаточно авторитетныхъ устъ, что даже изъ области этихъ интердиктовъ преобладающимъ, основнымъ мотивомъ является мотивъ охраны общественнаго блага, общественнаго мира.

Во всякомъ случаѣ, большинство современныхъ изслѣдователей (и, по нашему мнѣнію, совершенно правильно) считаетъ интердикты относительно *res sacrae* и *publicae* интердиктами древнѣйшими²⁷⁾. А это имѣетъ для нашего вопроса весьма важное значеніе. Для насъ, конечно, прежде всего интересно опредѣлить область перваго зарожденія интердиктовъ, ту область, куда сперва направилось вниманіе магистраты и гдѣ проявилось его первое внимательство: тогда намъ легче будетъ опредѣлить и мотивы этого внимательства. Если даже по мнѣнію противниковъ „полицейской“ точки зрѣнія интердикты относительно *res sacrae* и *publicae* должны быть признаваемы за древнѣйшіе,—то отсюда, повидимому, мы можемъ сдѣлать только одинъ выводъ, и именно тотъ, что внимательство магистрата было вызвано прежде всего потребностями общественнаго порядка.

Нарушеніе неприкосновенности *locum sacrum*, *religiosum* или *publicum* представляетъ собой самый яркій, самый понятный, бросающійся въ глаза даже неразвитой администраціи случай общественнаго неупорядка. Неудивительно поэтому, если вниманіе власти прежде всего улавливаетъ именно случаи подобнаго рода, и она прежде всего сюда направляетъ свои вѣтры. *Здѣсь впервые зарождается понятіе общественнаго неупорядка, но, лишь заурядишись, оно развивается дальше своихъ примитивныхъ границъ и углубляется.* Власть начинаетъ мало по малу усматривать общественный неупорядокъ и тамъ, гдѣ онъ не бьетъ такъ рѣзко въ глаза, какъ въ случаяхъ рѣше указанныхъ.

Конечно, и пробѣлы гражданского права и даже, быть можетъ, тѣ или другіе процессуальныя соображенія могли играть здѣсь нѣкоторую роль, но всѣ эти случаи представляли для магистрата *именно виды гражданскаго неупорядка*, могущаго вызывать, быть можетъ, столкновенія между частными лицами и потому нуждающагося въ такомъ или иномъ регулированіи. Всѣ подобныя пробѣлы и потребности, послужившія причиной созданія интердиктовъ, разсматривались магистратомъ подъ угломъ зрѣнія общественнаго неупорядка, и этотъ уголъ зрѣнія, какъ мы увидѣли, сказывается еще въ позднѣйшемъ строеніи нѣкоторыхъ интердиктовъ.

Но было бы при этомъ совершенно неосновательно требовать, чтобы всѣ малѣйшія детали интердиктовъ, извѣстныя намъ изъ сочи-

---

²⁷⁾ (также противники господствующаго ученія: *Wittl*, Das Interdictum *Uti possidetis*. S. 13, *Schmidl*. l. cit. S. 159, *Uhlenhuth*. l. cit. Bd. II. S. 321 и сл.

нейш классическихъ юристовъ, сводились къ указанной основной и исторической идеѣ ихъ. *Perisse* въ этомъ отношеніи глубоко правъ. Здѣсь нужно принимать во вниманіе самыя разнообразныя обстоятельства.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что интердикты, какъ и другіе институты преторской практики, создавались постепенно, путемъ удовлетворенія представляющихся практическихъ потребностей, а не сразу на основаніи какихъ-либо общихъ логическихъ идей. Преторъ шелъ на встрѣчу жизни, слѣдовать за ея явленіями въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они ему представлялись, а не писать логическаго трактата объ интердиктахъ. Въ виду этого было возможно, что въ томъ или другомъ случаѣ онъ не доходилъ до того предѣла, до котораго онъ могъ дойти съ точки зрѣнія идеи общественнаго мира.

Сказанное относится прежде всего къ тому выраженію, которое дѣлаетъ *Ubbelohde* по поводу римскихъ интердиктивовъ о защитѣ владѣнія. Съ точки зрѣнія охраны общественнаго мира, говорить онъ, должно было бы защищаться всякое фактическое обладаніе вообще, *detentio*, владѣніе лица неволееспособнаго и т. д. На что можно связать слѣдующее.

Чѣмъ объясняется римское *in. n. производное a. m. d. n. i. c.* кредитора подъ залогъ, *sequesteraria* и т. д.? Въдѣ, все это съ точки зрѣнія *animus domini* суть только *detentor. s!* Какъ вяжется съ предположеніемъ волееспособности признанное въ концѣ концовъ римлянами владѣніе юридическихъ лицъ²⁸⁾? Все это вопросы, которые, какъ известно, и донынѣ еще дѣлаютъ римское ученіе о владѣніи областью до послѣдней степени спорною. Но всѣ эти трудности, какъ намъ кажется, въ значительной степени устранились-бы, если бы мы не забывали именно того обстоятельства, что и римскій институтъ владѣнія создавался постепенно, не по заранее составленному архитектурному плану, а по мѣрѣ представлявшихся потребностей. Здѣсь, конечно, прежде всего требовали себя защиты случаи владѣнія *suo nomine*; владѣлецъ *alieno nomine* былъ въ большинствѣ случаевъ защитенъ личною своею *auctoritas*. Но съ теченіемъ времени должна была сказаться недостаточность этого принципа, но крайній мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и вотъ дается защита кредитору и т. д. Воз-

²⁸⁾ Ср. fr. 1. 22. D. de acq. vel am. pos. 41. 2. Municipales per se nihil possidere possunt, quia universi consentire non possunt... fr. 2 eod. *Sed hoc iure utimur, ut et possidere et usurpare municipales possint.*

никасть загадочное для современной теории производное владѣніе ²⁹⁾. Подобнымъ же образомъ, подъ влияніемъ практическихъ соображеній и вопреки принятой римскими юристами теории неволееспособности юридическихъ лицъ допускается владѣніе этихъ послѣднихъ. Уже на этихъ примѣрахъ мы видимъ постепенное расширеніе защиты владѣній, постепенное приближеніе къ тому предѣлу, на который указываетъ *Ubbelohde*. Римское право, однако, до этого предѣла не дошло, но мы должны имѣть въ виду, что оно и во многихъ другихъ пунктахъ не сказало послѣднего слова въ той рѣчи, которую оно само начало: юридическое развитіе остановилось съ остановкой жизни въ самомъ правотворящемъ организмѣ.

Римъ передалъ, однако, свои неоконченныя задачи народамъ новаго міра. Часто эти наследники ничего не сдѣлали съ этими задачами, но, напр., въ вопросахъ владѣній мы со временъ реценціи замечаемъ все большее и большее расширеніе поессессорной защиты, дальнѣйшее шестіе явилъ въ томъ направленіи, которое намѣтили уже Римъ. И характернымъ явленіемъ въ этой области служить точка зрѣнія новаго Германскаго Уложенія. Это послѣднее, какъ извѣстно, объявляетъ основнымъ, лежащимъ принципомъ защиты владѣнія— *охрану общественнаго мира* (*„den Rechtsfrieden durch Aufrechterhaltung des äusseren Herrschaftsverhältnisses der Person zur Sache zu bewahren“* ³⁰⁾) и съ этой точки зрѣнія доходитъ до предоставленія защиты всякому обладанію, т. е. именно до того предѣла, который указывалъ *Ubbelohde*! Такъ, постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, несмотря на нескія теории, истинный принципъ владѣній пробивался въ реальныхъ явленіяхъ жизни!

Съ другой стороны, какъ по отношенію ко многимъ другимъ институтамъ, такъ и по отношенію къ интердиктамъ нужно имѣть въ виду, что мы знаемъ ихъ лишь по описаніямъ классическихъ юристовъ. Тотъ довольно долгій промежутокъ времени, который отдѣляетъ моментъ перваго появленія интердиктовъ отъ эпохи классической, не могъ, конечно, пройти безслѣдно для нихъ. Интердикты съ теченіемъ времени должны были все болѣе и болѣе принимать характеръ частнаго процесса, ихъ первоначальная природа должна была значи-

²⁹⁾ Ср. сюда *Pernice*. Цит. статьи. Стр. 201.

³⁰⁾ *Denkschrift*. S. 109. См. мою статью „Основные вопросы владѣнія въ Новомъ Германскомъ Уложеніи“. Вѣстникъ Права. 1899.

тельно потускнѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и различныя детали интердиктнаго права.

Однимъ словомъ, вообще нужно имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло съ институтомъ развивавшимся и въ процессѣ своего развитія подвергавшимся разнообразнымъ вліяніямъ.

Если мы примемъ все это во вниманіе, если мы, съ другой стороны, сопоставимъ все то, что говоритъ намъ современная наука по вопросу о происхожденіи интердиктовъ,—то, какъ намъ кажется, мы можемъ по всѣмъ правиламъ научной вѣроятности сдѣлать только одинъ выводъ. Въ эпоху *legis actiones* (т. е. именно въ ту эпоху, когда появились интердикты) въ гражданскихъ процессахъ магистратъ занималъ положеніе пассивное; область суда находилась внѣ его вліянія; но на немъ лежала общая обязанность заботиться объ охранѣ внутреннего мира и гражданского порядка (*jurisdictio*). Интердикты возникли изъ административной *cognitio* магистрата, и древнѣйшіе изъ нихъ касаются *loci sacri* и *loci publica*. Сближая объ эти послѣдкіи, мы естественно получаемъ выводъ, что интердикты возникли изъ административной функціи магистрата, и что этотъ послѣдній въ своихъ первыхъ мѣрипріятіяхъ руководился соображеніями общественнаго порядка.

Не въ такой степени, какъ въ интердиктахъ, можно прослѣдить принципы гражданского порядка въ другихъ преторскихъ средствахъ до-формулярной эпохи—въ *missio in possessionem* и *stipulationes praetoriae*. Тѣмъ не менѣе онъ есть и здѣсь, причемъ мы опять въ подтвержденіе можемъ сослаться на авторитетъ того же историка—*Peruice*, который въ другомъ своемъ сочиненіи²¹⁾ говоритъ объ общественной точкѣ зрѣнія претора по всей области *imperium mixtum*. Подобно тому, какъ при личной *cognitio*, такъ же точно и здѣсь преторъ „stellt sich auf den öffentlichen Standpunkt und hilft, wo ihm ein Verhältniss Schutz zu verdienen scheint“; *missiones in possessionem* относятся „aus dem Gesichtspunkte des öffentlichen Interesses“; при *stipulationes praetoriae* „überwiegen die öffentlichen Interessen so vollständig, dass es auf den Vermögenswerth der zu erzwingenden Leistung gar nicht ankommt“ и т. д.

---

²¹⁾ Iubeo. Bd. III. 1-te Abth. S. 178—180.

Чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться впередъ послѣдъ за различіемъ преторскихъ средствъ, тѣмъ меньше, конечно, мы можемъ ожидать найти во всемъ безконечномъ разнообразіи ихъ слѣды первоначальной точки зрѣнія, принципа общественнаго мира и порядка. Ставъ рязъ на эту точку зрѣнія, преторъ постепенно, подъ вліяніемъ требованій жизни, быть можетъ, даже незамѣтно для самого себя, переходя отъ случая къ случаю, расширялъ амплитуду этого принципа, захватывая своими нормами все большее и большее количество интересовъ и отношеній. Но само собою разумѣется, что при такомъ расширеніи сферы преторскаго вмѣнательства самый принципъ этого вмѣнательства терпѣлъ постепенно свою первоначальную яркость и опредѣленность, сливаясь, наконецъ, съ общимъ туманнымъ началомъ *aequitas*.

Процессъ этого постепеннаго расширенія преторскаго вліянія въ области гражданскихъ отношеній, процессъ постепеннаго роста преторскаго права мы теперь, конечно, едва-ли будемъ въ состояніи когда либо восстановить во всѣхъ деталяхъ. Наши источники изъ этого отношенія даютъ мало, да и, кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что здѣсь дѣло идетъ по большей части о процессахъ, незамѣтныхъ для глаза, скрытыхъ, такихъ, самое совершеніе которыхъ обнаруживается лишь на довольно значительномъ разстояніи отъ момента начала.

Тѣмъ не менѣе процессы эти кое-гдѣ могутъ быть вскрыты, и при этомъ мы наблюдаемъ нѣкоторые, чрезвычайно интересные именно для нашего вопроса явленія.

Для того, чтобы обнаружить вліяніе принципа общественнаго порядка на возникновеніе даже болѣе позднихъ продуктовъ преторскаго творчества, мы не станемъ ссылаться на различные общія изреченія римскихъ юристовъ, въ родѣ *jus praetorium est, quod praetores introduxerunt... propter utilitatem publicam*³²⁾; такіе выраженія могутъ говорить многое, но могутъ и ничего не говорить. Не станемъ, далѣе, останавливаться на такихъ преторскихъ созданіяхъ, которыя уже нѣтъ никакого сомнѣнія и очевидно для всѣхъ выражали язъ требованій общественнаго мира и порядка, какъ *actio vi bonorum raptorum*, *actio quod metus causa*, *actio doli*, искъ противъ *manus, caupo* и *stabularii*, *actio de effusis et dejectis* и т. д. Всѣ подобныя институты жедуживаютъ здѣсь только упоминанія.

³²⁾ fr. 7. 1. D. de iust. 1. 1. Papinianus l. 2 d. finitionum.

Мы хотѣли бы обратить здѣсь вниманіе на явленія другого рода, гдѣ конечный продуктъ развитія по своему окончательному характеру, повидимому, менѣе всего можетъ свидѣтельствовать въ пользу нашей гипотезы, и гдѣ она тѣмъ не менѣе получаетъ себѣ наиболѣе разительное подтвержденіе.

Изъ классическомъ римскомъ правѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ вполне выработанныхъ и вполне признанныхъ *договорныхъ отношеній* (*depositum, commodatum* и т. д.), которыя, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ интересами общественнаго мира, охраняли и воплощали въ себѣ исключительно частные интересы тѣхъ или другихъ отдѣльных лицъ. Кажется, какое дѣло всѣмъ постороннимъ лицамъ, что одно лицо отдало другому вещь на сохраненіе, въ безвозмездное пользованіе и т. д.; какой вредъ для гражданскаго мира можетъ причинить неисполненіе подобнаго обязательства? Однако, историческое изслѣдованіе процесса возникновенія этихъ обязательствъ показало, что вопросъ этотъ не стоитъ такъ просто, какъ это кажется на первый взглядъ.

Уже *Ihering* ³³⁾, натолкнувшись на вопросъ объ историческомъ развитіи указанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ обязательствъ, пришелъ къ тому заключенію, что, прежде нежели они приняли свой окончательный видъ, они разсматривались правомъ съ *деликтной* точки зрѣнія: неисполненіе обязательства считалось деликтомъ и давало поводъ къ неку съ штрафнымъ характеромъ, къ *actio poenalis*. „Bei ihnen allen, говоритъ Iерингъ, hat sich die Idee der obligatorischen Kraft des Verhältnisses erst durch den Gesichtspunkt des Delicts hindurch arbeiten müssen“ ³⁴⁾.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ области отдѣльныхъ правоотношеній внесли въ эту мысль Iеринга одну весьма существенную подробность. Оказалось именно, что вездѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ признаніе правоотношенія начиналось съ деликтной точки зрѣнія, оно начиналось въ тоже время съ *преторскаго иска*; признанію же контракта, какъ такового, является вездѣ болѣе позднимъ продуктомъ *цивильнаго обычнаго права*.

Наиболѣе способствующимъ явленію этого процесса исторіи *depositum* и *commodatum*. Дошедшее до насъ извѣстіе Гая ³⁵⁾, что при

³³⁾ Das Schuldmoment in röm. Privatrecht. (1867) S. 28 и сл.

³⁴⁾ I. cit. S. 36.

³⁵⁾ Gai. IV. 47.

этих контрактахъ возможенъ былъ еще въ классическую эпоху искъ въ двойномъ видѣ, какъ *actio in factum* и какъ *actio in ius concepta*, возбудило уже давно вниманіе изслѣдователей и привело болыпшество изъ нихъ къ тому убѣжденію, что въ этой двойственности формулъ мы имѣемъ остатки исторической двойственности исковъ. *Actio depositi* и *commodati in factum* древнѣе, чѣмъ *actio in ius*; первый искъ былъ созданъ преторомъ тогда, когда *depositum* и *commodatum* еще не сдѣлались исковыми правоотношеніями гражданского права (контрактами). причемъ преторъ рассматривалъ эти правоотношенія не съ точки зрѣнія договора, а съ точки зрѣнія простаго причиненія вреда однимъ изъ контрагентовъ другому (делитный характеръ). Впослѣдствіи путемъ обычнаго права выработался гражданскій искъ, но *actio in factum* продолжала существовать рядомъ ³⁶⁾.

Историческій процессъ развитія, замѣченный при *commodatum* и *depositum*, сталъ затѣмъ подѣляться и въ области различныхъ другихъ правоотношеній, для которыхъ въ классическую эпоху мы имѣемъ гражданскія *actiones bonae fidei*, напримѣръ—въ исторіи *negotiorum gestio* ³⁷⁾; это подало поводъ *Wlassak'u* высказать предположеніе, что этотъ процессъ является общимъ для всѣхъ *actiones bonae fidei* съ тѣмъ только различіемъ по сравненію съ *depositum* и *commodatum*, что тѣмъ первоначальныя *actiones in factum* исчезли впослѣдствіи окончательно ³⁸⁾.

Нѣкоторыя позднѣйшія изслѣдованія, повидимому, подтверждають это обобщеніе *Wlassak'a*. Такъ, напр., *Esmein* разобралъ вопросъ о первоначальной природѣ *actio rei uxoriae* ³⁹⁾, въ концѣ концовъ по соображеніямъ весьма основательнымъ ⁴⁰⁾ приходитъ также къ тому заключенію, что искъ этотъ на первыхъ порахъ былъ искомъ преторскимъ и искомъ пѣнальнымъ ⁴¹⁾. (Однако, наибольшее значеніе имѣеть

---

³⁶⁾ См. объ этомъ „Право и фактъ“, ч. I, стр. 95 и сл.

³⁷⁾ *Wlassak*. Zur Geschichte der Negotiorum Gestio. (1879).

³⁸⁾ Römische Processgesetze (1891). Bd. II. S. 302, прим. 10. „Gegen das Ende des Freistants haben die meisten Geschäftsklagen das Ius gentium eine Intentio mit dem Zusatz ex fide bona, welchen aber Cicero scheinend als etwas ziemlich Neues behandelt. Ursprünglich waren vermuthlich alle Iudicia dieser Art praetorisch und in factum concipirt“.

³⁹⁾ La nature originelle de l'action rei uxoriae въ Nouvelle revue historique de droit français et étranger. Année 17 (1893). p. 145—171.

⁴⁰⁾ Ср. *Derenburg*. Pandekten. Bd. III. §. 14, прим. 10. *Girard*. Mamel. p. 931.

⁴¹⁾ I. cit. p. 164.

въ этомъ отношеніи процессъ развитія т. н. *contractus innominati*, процессъ, совершившійся позже всего и потому оставившій большее количество слѣдовъ въ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ⁴²⁾.

Разбираясь въ этихъ слѣдахъ, мы явственно видимъ въ классическую эпоху два юридическихъ теченія: старое воззрѣніе не признаетъ еще въ случаяхъ т. н. безымянныхъ контрактовъ договора; оно разсматриваетъ ихъ подъ угломъ зрѣнія причиненія вреда однимъ лицомъ другому и потому считаетъ здѣсь возможнымъ только *преторскій искъ объ убыткахъ, actio in factum*, а при извѣстныхъ условіяхъ даже *actio doli* (деликтный характеръ). (Однако, рядомъ пробивается уже новое воззрѣніе, которое признаетъ здѣсь уже договоръ, *συνάλλαγμα*, дающій основаніе требовать не только возмѣщенія убытковъ (отрицательнаго договорнаго интереса), но и исполненія обязательства (положительный договорный интересъ); для осуществленія этого послѣдняго рекомендуется юристами гражданскій искъ *bonae fidei actio civilis incerti*. Во времени Юстиніана борьба этихъ воззрѣній закончилась въ смыслѣ побѣды втораго изъ нихъ, что и выразилось многочисленными интерполяціями въ титулѣ *de praescriptis verbis (actio in factum civilis)*).

Такимъ образомъ, въ области *contractus innominati* мы наблюдаемъ, какъ совершающійся на нашихъ глазахъ, тотъ же самый процессъ развитія, который мы относительно другихъ упомянутыхъ правоотношеній лишь возстановляемъ по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ косвеннымъ указаніямъ.

Мы не рискуемъ утверждать имѣствъ съ *Wlassak'*омъ, что подобный процессъ имѣлъ мѣсто *абсолютно при всякихъ actioes bonae fidei*; возможно было и непосредственное развитіе того или другаго правоотношенія путемъ обычнаго права, безъ предшествовавшаго участія въ этомъ развитіи претора съ его юрисдикціей⁴³⁾. Но, какъ кажется, мы можемъ теперь съ полнымъ основаніемъ утверждать другое: во *всякихъ такихъ случаяхъ, гдѣ преторъ раньше развивавшагося обычнаго права выступалъ на защиту того или иного отношенія, онъ разсматривалъ это отношеніе съ точки зрѣнія вреда и деликта*. Эту точку зрѣнія мы явственно видимъ даже въ то сравнительно позднее время,

⁴²⁾ См. объ этомъ „Право и фактъ“, ч. I. § 5.

⁴³⁾ Ср. напр. относительно *actio fiducia*, *actio pro socio* и т. д. — *Perkins. Taboo*. I. S. 424, 445 и сл. Эти спорные вопросы мы, конечно, здѣсь можемъ только оставить въ сторонѣ.

когда развивались послѣдніе изъ контрактовъ—*contractus innominati*, когда, слѣдовательно, для претора было уже много прецедентовъ, чтобы отрѣшиться отъ этой точки зрѣнія и стать на точку зрѣнія догоняровъ.

Чѣмъ же объясняется эта деликтная точка зрѣнія? По нашему мнѣнію, она является естественнымъ отраженіемъ того принципа общественнаго мира и порядка, который, какъ мы видѣли, служилъ искони руководящимъ мотивомъ для преторскаго вѣдѣтельства. Съ точки зрѣнія этого принципа преторъ не могъ терпѣть грабежа, насилія, мошенничества: все это дѣянія, не только нарушающія интересы частныхъ лицъ, но и въ большей или меньшей степени грозящія гражданскому миру всего общества, расшатывающія спокойствіе и правильное теченіе общественной жизни. Выступивъ навстрѣчу этимъ предимъ злоупотреблѣніямъ посредствомъ интердиктовъ (напр., *de vi cotidiana* и *de vi armata*), *actio vi bonorum raptorum*, *actio metus*, *actio doli* и т. д., преторъ, переходя отъ случая къ случаю, постепенно все болѣе и болѣе развивалъ въ этомъ направленіи свою энергію. Исторія постепеннаго расширенія понятія *dolus* и *malae fides* является въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительною.

По извѣстному опредѣленію Лабеоны⁴⁴⁾, *dolus malus* est „*omnis calliditas fallacia machinatio ad circumveniendum fallendum decipiendum alterum adhibita*“. Въ этомъ опредѣленіи какъ будто имѣется еще изъ виду сознательное желаніе обмануть кого-либо (умыселъ). Но границы этой сознательности чрезвычайно тонки и трудно уловимы. Если же мы примемъ во вниманіе отсутствіе для того или другаго случая иныхъ средствъ защиты, то мы легко можемъ понять, что преторъ, подъ вліяніемъ взымавшихъ къ нему потребностей, все болѣе и болѣе раздвигалъ эти границы, давалъ *actio doli* и тамъ, гдѣ о *собственно*мъ умыслѣ отвѣтчика и рѣчи не могло быть. Примеры такого примѣненія *actio doli* многочисленны⁴⁵⁾. Понятіе о *dolus* въ субъективномъ смыслѣ

---

⁴⁴⁾ fr. 1. 2. D. de dolo 4. 3.

⁴⁵⁾ Ср. напр. fr. 34. D. de dolo 4. 3. (см. въ этомъ *Jornburg*. Pandecten Bd II. § 126, прим. 5). fr. 5 3. D. de pr. v. 19. 5. Quod si faciam ut des et posteaquam feci cessas dolore, nulla erit civilis actio, et ideo de dolo dabitur fr. 3. 2. eod. in f. Sed si dedi tibi servum ut servum tuum manumitteres et manumisisti et is quem dedi evictus est, si sciens dedi, de dolo in me dandam actionem Julianus scribit, si ignorans, in factum [civilem].

такимъ образомъ постепенно переходило въ понятіе объ объективномъ гражданскомъ непорядкѣ.

Но разъ преторъ перешелъ на эту вторую точку зрѣнія, онъ естественно могъ примѣнить ее и къ договорамъ. Неисполненіе состоявшагося соглашенія причинило одному изъ контрагентовъ убытокъ; неисполненіе договора есть неисполненіе данного слова, есть поведеніе, противное *bona fides*, и причиненіе такимъ путемъ другому лицу убытковъ есть гражданскій непорядокъ. Правда, не въ такой степени, какъ въ случаяхъ прямого мошенничества, но все же неблаговидность, непорядокъ: если инфамирующая *actio doli* представляется здѣсь репрессіей слишкомъ сильной,—то можно достигнуть возмѣщенія убытковъ безъ *infamia*, посредствомъ болѣе общаго иска—*actio in factum*. Поэтому-то мы и видимъ этотъ искъ въ упомянутыхъ выше случаяхъ въ качествѣ старѣйшаго способа защиты. Но, давая этотъ искъ, преторъ имѣлъ въ виду не охранить обязательство, какъ такое, какъ нѣкоторое „*juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus rei solvendae*“, а лишь устранить происшедшій въ результатъ отъ соглашенія извѣстный гражданскій непорядокъ. Соглашеніе имѣло для претора значеніе простой причины убытковъ, возникнувшихъ для кого-нибудь, значеніе такого же *factum*, какъ, напр., выбрасываніе чужой вещи безъ извинительныхъ причинъ въ море ⁴⁶⁾, выпусканіе чужаго раба ⁴⁷⁾ или чужаго животнаго ⁴⁸⁾ на свободу и т. д.

Но, конечно, подобное средство защиты было достаточно лишь на первыхъ порахъ: лучше было получить хоть свои убытки или свою вещь назадъ, чѣмъ вовсе не получать ничего. Съ теченіемъ времени, однако, развивающійся оборотъ перестаетъ этимъ удовлетворяться: все болѣе и болѣе крѣпнеть сознаніе, что въ случаѣ договора мало возратить полученное или возмѣстить другой сторонѣ понесенные ею убытки: надо исполнить обѣщанное или уладить интересъ этого исполненія. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія создаются непосредственно въ обычномъ правѣ цивильныя *actiones bonae fidei*, которыя постепенно или вовсе вытѣсняютъ прежнія *actiones in factum*, или отбѣсняютъ ихъ на второй планъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже, быть можетъ, видоизмѣняя ихъ матеріальныя правила ⁴⁹⁾.

⁴⁶⁾ *Actio in factum* въ fr. 14 pr. D. de pr. v. 19. 5.

⁴⁷⁾ *Actio in factum* въ fr. 55. D. de acq. r. d. 41. 1.

⁴⁸⁾ *Actio in factum* въ fr. 7. 7. D. de dolo. 4. 3.

⁴⁹⁾ Напр. относительно „*quanti ea res est*“ въ *condemnatio*: вмѣсто отрица-

Такимъ образомъ указанная точка зрѣнія претора на договоры подтверждаетъ, думается намъ, нашу общую мысль о томъ, что вообще преторское вмѣшательство въ область гражданскихъ отношеній опредѣлилось интересами охраны гражданского мира и порядка. Эти интересы дали преторской власти первый толчокъ къ активнымъ, самостоятельнымъ распоряженіямъ (декретамъ, интердиктамъ); эти же интересы сказываются и въ позднѣйшемъ преторскомъ правѣ немалочисленными слѣдами.

Но эту мысль нашу не нужно понимать въ томъ смыслѣ, будто мы все преторское право, всю его сложную систему *въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ классическую эпоху*, считаемъ проникнутою „полицейской“ точкой зрѣнія. Мы стремились только опредѣлить *первыя, начальные* мотивы преторскаго вліянія, *первыя опорныя пункты* преторскаго права. И въ этомъ отношеніи мотивъ гражданского порядка, какъ намъ кажется, вышеизложеннымъ достаточно доказанъ. Считаемъ нужнымъ добавить, что даже къ этимъ начальнымъ моментамъ преторскаго вмѣшательства терминъ „полицейскій“ не будетъ приложимъ вполне: та *jurisdictio*, изъ которой вытекало это вмѣшательство магистрата, *jurisdictio* въ описаніи имѣетъ смыслъ заботы о внутреннемъ мирѣ и порядкѣ въ обществѣ есть, конечно, нѣчто болѣе широкое и болѣе высокое, чѣмъ „полиція“ въ нашемъ смыслѣ слова. Но къ этому вопросу мы вернемся ниже.

Зародившись (во времена еще до-преторскія) въ примѣненіи къ случаямъ очевиднаго, наиболѣе явснаго, нарушенія общественнаго мира и порядка, вмѣшательство магистрата постепенно шагъ за шагомъ расширило сферу своего вліянія, слѣдуя за измѣнившимися потребностями жизни и въ то же время, съ другой стороны, постепенно приучая народъ къ своему вліянію. Руководясь принципомъ охраны общественнаго порядка, преторъ мало по малу проникалъ во всѣ области гражданскихъ отношеній, дополнили и исправляли существующую систему. Ростъ преторскаго права заключался не въ томъ, что преторъ откуда-либо получалъ или самъ захватывалъ какія-нибудь не бывшія у него раньше полномочія, а въ естественномъ и постепенномъ расширеніи понятія гражданского неурядка, устранять который преторъ призванъ въ силу своей должности. Въ этомъ

расширеніи указанного понятія и заключается специфическое явленіе римскаго праворазвитія.

Но, какъ было сказано выше, принципъ гражданскаго порядка, постепенно расширяя сферу своего примѣненія, не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ не утрачивать значительную долю своей яркости и очевидности. Въ оцѣнкѣ каждаго представлявшагося ему факта, какъ гражданскаго непорядка, преторъ не могъ не припывать во вниманіе самыхъ разнообразныхъ не только фактическихъ, но и юридическихъ соображеній. Затѣмъ, институтъ, возникнувшій исключительно въ интересахъ охраны общественнаго порядка и первоначально сплошь ими проникнутый, съ теченіемъ времени подвергался лліянію различныхъ, уже исключительно частныхъ интересовъ, и, такимъ образомъ, въ позднѣйшее время является предъ нами уже безъ своей первоначальной, специфической окраски. Однимъ словомъ, нужно вообще относительно преторскаго права имѣть въ виду то, что было сказано *Pernice* относительно индигитонъ: преторское право классической эпохи во многихъ отношеніяхъ уже не то, чѣмъ оно было въ началѣ своего появленія.

---

§ 11.

Принципъ общественнаго порядка въ эдильскомъ правѣ.

Эдильская полиція и эдильская юрисдикція.—Вопросъ о развитіи эдильскихъ средствъ.—Мысль Геринга и Вассака о принципиальной противоположности между претурой и эдилитетомъ. Показая ошибочность этой мысли.

Высказывая въ предыдущемъ параграфѣ гипотезу о развитіи преторскаго права изъ принципа охраны общественнаго порядка находить себѣ новое подтвержденіе въ совершенно аналогичныхъ явленіяхъ права курульныхъ эдиловъ. Исторіи этого послѣдняго представляетъ полное повтореніе исторіи преторскихъ средствъ—съ тѣмъ лишь различіемъ, что дѣйствіе развивается здѣсь въ одной, болѣе ограниченной области и потому легче можетъ быть констатировано.

И, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи мы находимъ уже гораздо болѣе согласіе среди современныхъ ученыхъ. Что эдильскія нововведенія въ области сдѣлокъ купли-продажи являются результатомъ принадлежавшей эдиламъ рыночной полиціи—это истина среди современныхъ ученыхъ общепризнанная. „Эдиктъ курульныхъ эдиловъ, говоритъ *Ferriss* ¹⁾, представляетъ собою лишь часть обширной полицейской дѣятельности ихъ въ сферѣ рыночнаго оборота. Содержащаяся въ эдиктѣ юрисдикція является лишь продолженіемъ и развитіемъ администраціи (*die darin enthaltene Gerichtsharkeit ist nur eine Fortsetzung und Fortbildung der Verwaltung*).

---

¹⁾ Iubeo. Bd. II. Abth. II (2-te Aufl. 1900). S. 51.

Такимъ образомъ, основное положеніе о томъ, что право курульныхъ эдиловъ находится въ *институционной связи съ ихъ полицейской функцией*, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; могутъ быть спорны лишь детали этого генезиса. Какимъ именно образомъ изъ надзора за общественнымъ порядкомъ на улицахъ, площадяхъ, рынкахъ могли развиться чисто гражданскія нормы относительно договора купли продажи?

Господствующее ученіе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Выстъ съ полиціей рынковъ эдиламъ была передана и извѣстная специальная юрисдикція въ области сдѣлокъ, заключаемыхъ на рынкѣ²⁾. „Продажа рабовъ и скота, говоритъ подробно *Моммзенъ*, совершается обыкновенно въ опредѣленныхъ, специально для этой цѣли отведенныхъ общественныхъ мѣстахъ; въ Римѣ первоначально такимъ мѣстомъ было *forum boarium*. Это обстоятельство и послужило, безъ сомнѣнія, первымъ поводомъ къ тому, что и совершающіяся здѣсь сдѣлки были поручены особому надзору эдиловъ. Надзоръ этотъ имѣлъ не только полицейскій характеръ; всѣ заключаемыя на рынкѣ сдѣлки, даже когда онѣ подлежали дѣйствию гражданского права и разрѣшались въ обыкновенныхъ формахъ гражданского процесса (*judicium inter privatos*), находились уже въ вѣдѣніи не преторовъ, а эдиловъ; эти послѣдніе регулировали возникающіе изъ нихъ процессы, назначали судью, давали ему инструкцію и т. д.“³⁾. То же самое имѣло мѣсто и въ другомъ родѣ дѣлъ. На обязанности эдиловъ лежало также наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не держалъ въ людныхъ мѣстахъ опасныхъ животныхъ; выстъ съ тѣмъ и гражданскіе процессы по поводу *damnum iniuria datum* въ такихъ случаяхъ подлежатъ не вѣдѣнію претора, а вѣдѣнію эдила⁴⁾.

Вслѣдствіе этого мыслимы были и конфликты между преторами и эдилами по вопросу о компетенціи. „Эдикты эдиловъ, говоритъ по этому поводу *Bechmann*⁵⁾, представляли собою сингулярныя постано-

---

²⁾ Ср. напр. *Keller*. Civilprocess. § 2, который, перечисляя магистратовъ *in jure*, говоритъ: „daeben stand den Aedilen eine mit der Markt- und Sicherheitspolizei zusammenhängende Special-Jurisdiction zu“—*Girard*. Manuel. p. 551.—*Ouy*. Institutions juridiques des Romains p. 607 и сл.—*Hanssack*. Die Haftung des Verkäufers für die Beschaffenheit der Waare (1884). Bd. I. S. 19—80.

³⁾ Staatsrecht. Bd. II. S. 470—471.

⁴⁾ *ibid.* S. 478.

⁵⁾ Der Kauf nach gemeinem Recht (1876). S. 411—412.—Ср. также *Wlassak*. Zur Geschichte der Negotiorum Gestio. S. 168.

вленія относительно извѣстнаго круга сдѣлокъ купли-продажи. Граница примѣненія этихъ сингулярныхъ нормъ опредѣлялась съ одной стороны характеромъ объектовъ, съ другой стороны—характеромъ условий, изъ которыхъ сдѣлка заключалась. Не на меншую продажу рабовъ и скота распространилось дѣйствіе эдильскаго эдикта, ибо и юрисдикціи эдиловъ охватывала эти сдѣлки не безусловно: лишь поскольку онѣ принадлежали къ *рыночному обороту*, онѣ подлежали полиціи и суду эдиловъ. Болѣе точныхъ признаковъ для опредѣленія эдильской компетенціи мы не знаемъ, и въ частности не знаемъ, имѣло-ли здѣсь рѣшающее значеніе мѣсто заключенія сдѣлки или же, быть можетъ, лицо продавца (профессіональные торговцы рабами). Иѣроятно, въ всякомъ случаѣ, что столкновенія преторской и эдильской компетенціи встрѣчались въ Римѣ такъ же нерѣдко, какъ у насъ столкновенія между судами общими и торговыми⁴.

Итакъ, первое, что мы встрѣчаемъ въ исторіи *jus aedilicium*, есть *связь между полиціей и юрисдикціей*: по римскимъ воззрѣніямъ между обѣими не только не существуетъ какого-либо антагонизма, но существуетъ, напротивъ, самая тѣсная зависимость. Эдиламъ поручается полиціи общественныхъ мѣстъ и рынковъ, а эта послѣдняя, по римскимъ воззрѣніямъ—естественно, тянетъ за собой юрисдикцію по всѣмъ дѣламъ, имѣющимъ въ этихъ мѣстахъ и рынкахъ свое *forum originis*. Такое воззрѣніе станетъ намъ вполнѣ понятно послѣ того, что мы говорили выше о той роли, которую игралъ вообще римскій магистратъ въ древне-римскомъ гражданскомъ процессѣ. Мы видѣли, что онъ въ гражданскіе споры вмѣшивается лишь, какъ стражъ общественнаго мира и порядка; въ гражданскій процессъ его вводятъ соображенія полицейскія. И, наоборотъ, охрана общественнаго мира кажется невозможной безъ права слѣдить за жирнымъ теченіемъ и разрѣшеніемъ частныхъ споровъ. Эта точка зрѣнія, затѣмненная въ преторской юрисдикціи долгимъ историческимъ процессомъ со всеми его осложненіями, совершенно ясна въ компетенціи курульных эдиловъ.

Но затѣмъ самъ собою возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: можетъ быть, эдильскія реформы въ области купли-продажи выросли затѣмъ уже изъ этого регулированія гражданскихъ процессовъ и при случаѣ этого регулированія? Такой вѣдь именно ходъ развитія предполагаетъ господствующее ученіе по отношенію къ реформамъ преторскаго права.

Все предыдущее изслѣдованіе должно было показать, что это ошибочно, что преторское право зародилось внѣ всякой связи съ цивилизационными процессами и цивилизационными процессами; полное подтвержденіе этой мысли мы находимъ и въ исторіи развитія адилскихъ средствъ.

Курульные адилы, какъ извѣстно, были учреждены одновременно съ претурой, т. е. еще въ эпоху полного господства процесса *per legis actiones*. А мы уже говорили выше, что участіе въ этого рода цивилизационныхъ процессахъ не давало магистрату никакой возможности оказать такое или иное вліяніе на исходъ иска. Между тѣмъ, мы имѣемъ указанія на нѣкоторую дѣятельность адилловъ въ области рыночнаго оборота еще до закона Эбуция: *edictiones aediliciae* упоминаются еще у Плавта ⁶⁾. Конечно, въ это время эти *edictiones* не могли имѣть еще того содержанія, которое имѣли адилы курульных адилловъ впоследствии; объ *actio redhibitoria* и *quantum minoris*, конечно, не можетъ быть рѣчи. Дѣятельность адилловъ должна была выражаться въ какихъ-то другихъ формахъ; но въ какихъ именно?

Какъ извѣстно, первоначальнымъ зерномъ адилскаго адикта послужило распоряженіе адилловъ о томъ, чтобы продавцы работъ в секота объявляли при продажѣ о всѣхъ недостаткахъ продаваемого объекта (*vitia pronuntiare*) ⁷⁾. Что-же грозило продавцамъ на случай неисполненія этого распоряженія? По классическому праву—искъ покупателя; „однако, говорить *Bechmann* ⁸⁾, мы имѣемъ слѣды болѣе ранняго порядка вещей: адилы принуждали продавца дать покупщику *stipulatio garantitum* (*Garantiestipulation*) ⁹⁾. Эти *stipulatio*, отсюда, продолжаться даме *Bechmann*, не могли быть, подобно *stipulationes praetoriae*, принуждены тремя и тремя власти: для этого адиламъ не доставало *imperium*; въ случаѣ отказа дать *stipulatio*, противъ продавца давался искъ о возвращеніи покупной цѣны подъ условіемъ *redhibitio* со стороны покупателя ⁹⁾. Такимъ образомъ, дѣло въ концѣ

⁶⁾ *Captivi*. IV. 823. *Miles*. III. 727. *Rudens*. II. 379 — См. *Bechmann*. I. cit. S. 396. Свидѣтельство Плавта, впрочемъ, нѣкоторою степенью недостаточнымъ, предполагая, что Плавтъ имѣлъ дѣло въ виду греческихъ *ἀγορεύειν*: ср. *Monmsen*. *Staatsrecht*. II. S. 470, прим. 2. *Girard*. *Manuel* p. 562, прим. 2. Противъ этого см. *Bechmann*. I. cit., *Dernburg*. *Untersuchungen über das Alter der einzelnen Satzungen des präl. Edikts in Festgaben für Heffner*. S. 136, *Wlassak*. *Neg. Gestio*. S. 174, прим. 36, *Voigt*. *Röm. Rechtsgeschichte*. Bd. I. S. 220, прим. 10, *Cuy. Institutions juridiques*. p. 612—613.

⁷⁾ Ср. *Bechmann*. I. cit. S. 399.

⁸⁾ I. cit. S. 401.

⁹⁾ I. cit. S. 403.

концовъ опять-таки сводится къ иску, котораго до *lex Aebutia* предположить нельзя, а послѣдствіе этого и *stipulatio* гарантіи съ точки зрѣніи *Verbindungs* не можетъ считаться до-формулярнымъ предше-
ственникомъ *actio redhibitoria*.

Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно-ли у эдиловъ не было власти, чтобы заставить то или другое частное лицо повиноваться своимъ распоряженіямъ? Уже а priori это представляется нелѣпнымъ: тогда вся полицейская дѣятельность эдиловъ была бы немыслимой. И дѣйствительно, въ источникахъ мы встрѣчаемъ не мало примѣровъ, вполне убѣждающихъ, что эдилы имѣли *jus coercitionis* со всѣми его атрибутами, т. е. *multae dictio* и *pignoris capio*¹⁰⁾. *Coercitio*, говорятъ Моммзенъ, всегда связана съ административной юстиціей: всякій магистратъ, который способенъ устанавливать такое или иное отношеніе частнаго лица къ обществу—*несомнѣнно эдилъ*, цензоры и августовскіе *curatores aquarum*—можетъ прибѣгать къ *multae* и *pignoris capio*¹¹⁾.

Конечно, эдилы не имѣли *imperium* въ томъ смыслѣ и въ томъ объемѣ, въ какомъ эта власть принадлежала консуламъ и преторамъ, но въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ предѣлахъ (городскаго и рыночнаго благоустройства) они, безъ сомнѣній, обладали властью распоряжаться и всѣми средствами, нужными для того, чтобы приводить свои распоряженія въ исполненіе. Въ этомъ смыслѣ ихъ власть даже можетъ быть названа *ограниченнымъ imperium*. Источникамъ, по крайней мѣрѣ, такое представленіе объ *imperium* въ ограниченномъ смыслѣ не чуждо; это доказываетъ, напр., fr. 5. l. D. de off. eius cui mandata est iurisdictio. l. 21: „Mandata iurisdictione privato etiam *imperium*, quod non est verum, videtur mandari, quia iurisdictione sine modica *coercitione* nulla est.“ Здѣсь юристи (Павелъ) употребляетъ выраженіе *imperium* и *coercitio*, какъ нѣчто равнозначущее.

Если же такъ, если эдилы имѣли *jus coercitionis*, тогда развитіе эдильскаго права представляется въ совершенно такомъ же видѣ, какъ и развитіе права преторскаго. На первыхъ порахъ эдилы приводили свои приказанія въ исполненіе средствами *coercitio*¹²⁾, и, въ

¹⁰⁾ Ср. *Mommsen. Staatsrecht* Bd. II. S. 470, 476 сл., 492.—*Herzog. Röm. Staatsverfassung* Bd. I. S. 807 и сл.—*Willem. Droit public romain*. p. 301.

¹¹⁾ I. cit. Bd. I. S. 139

¹²⁾ Подобный ходъ развитія предполагаетъ, повидимому, и *Bethmann-Hollweg* который (*Civilprocess*. Bd. II. S. 14, прим. 9) говоритъ, что раньше дѣла этого рода разрѣшались „*polizeilich* (sua potestate)“.

родно, такимъ путемъ даже достигалось тогда уничтоженіе заключенной на рынкѣ сдѣлки: если покупатель готовъ былъ *rem redhibere*, то адилъ приказывалъ продавцу возратить полученную цѣну, угрожая на случай неисполненія штрафомъ. Этими-то, по нашему мнѣнію, и объясняется, во-первыхъ, то обстоятельство, что даже классическіе юристы говорятъ объ *actiones aediliciae*, какъ объ *actiones poenales*¹³⁾, а, во-вторыхъ, известная *condemnatio dupli* при *actio redhibitoria*¹⁴⁾, „die sonst ganz unverständlich ist“¹⁵⁾: она является прямымъ отголоскомъ первоначальныхъ *multae*.

Иногда, вмѣсто личной *causae cognitio*, адилъ могъ прибѣгать и къ тѣмъ „*Garantiestipulationen*“, о которыхъ говоритъ *Rechtman*; но, конечно, эти *stipulationes aediliciae* не были пустымъ звукомъ: адилъ могъ заставить дать *stipulatio*, если не угрозой *missio in possessionem*, то угрозой тѣхъ же средствъ *coercitio*. Представляя собою способъ избавиться отъ фактическаго разслѣдованія спора, эти *stipulationes*, вѣроятно, сдѣлались мало по малу обычнымъ средствомъ адильскаго вліянія въ послѣднія времена легисакціоннаго процесса.

Водворенію формулярнаго произволства должно было и на юрисдикцію адилловъ оказать то же самое вліяніе, какое мы замѣчаемъ въ области преторскихъ средствъ: личная *causae cognitio* и *stipulatio garantii* могли быть теперь замѣнены болѣе удобнымъ средствомъ — *actio aedilicia*; и дѣйствительно, въ адильскомъ эдиктѣ появляется общіеаніе „*iudicium dabimus*“¹⁶⁾.

Какъ видимъ, исторія *ius aedilicium* на всѣхъ пунктахъ представляетъ полную параллель исторіи *ius praetorium*: одинъ и тотъ же отираемый пунктъ, одна и та же эволюція средствъ, одинъ и тотъ же конечный результатъ развитія. Сопоставленіе данныхъ объ историческихъ процессахъ въ одной области съ данными о нихъ въ другой въ высокой степени облегчаетъ пониманіе обѣихъ: что не такъ ясно въ одной области, освѣщается параллельными явленіями въ другой.

Исторія развитія адильскихъ средствъ представляется сама по себѣ, какъ мы видѣли, очень туманной: что предшествовало *actio redhibitoria* до закона Эбуция, на этотъ вопросъ мы едва-ли были бы въ

¹³⁾ Ср. fr. 23. 4. D. de aed. ed. 21. 1.

¹⁴⁾ fr. 45. D. eod. 21. 1.

¹⁵⁾ Слова *Pernice*. Iubeo. Bd. II. Abth. II (2 te Aufl.). S. 52—53.

¹⁶⁾ fr. 1. 1. D. eod. 21. 1.

состоянии дать какой-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, если бы здѣсь не приходила на помощь исторія преторскихъ средствъ. Процессъ историческаго развитія этихъ послѣднихъ намъ болѣе извѣстенъ, и, благодаря ему, мы можемъ правильно оцѣнить тѣ немногіе намѣски, которые даютъ намъ источники относительно права эдиловъ.

Съ другой стороны, чрезвычайное распространеніе преторскаго права на всѣ сферы гражданскихъ правоотношеній закрыло отъ глазъ современныхъ изслѣдователей его начальный, отправной пунктъ; но здѣсь приходитъ на помощь исторія эдильскаго права и своей параллелью сообщаетъ тѣмъ даннымъ, которые мы находимъ въ исторіи претуры, новый вѣсъ и новую убѣдительность.

Другими словами, если исторія преторскаго права помогаетъ уясненію *формальной* генезиса эдильскихъ средствъ, то исторія *jus aedilicium* помогаетъ съ своей стороны уясненію *матеріальнаго* генезиса преторскаго права. Если бы современные изслѣдователи не закрывали для себя возможности использовать надлежащимъ образомъ эти историческія параллели произвольными утвержденіями, что преторъ не имѣетъ полицейскихъ функций, а эдилы—*imperium*,—то многіе темныя вопросы римской правовой исторіи были бы давно разрѣшены. Но подобныя научныя предубѣжденія, не смотря на свою почти очевидную призрачность, обладаютъ способностью стоять иногда долго и твердо!

Лерингъ, характеризуя въ своемъ „*Zweck im Recht*“¹⁷⁾ дѣятельность различныхъ римскихъ магистратовъ, выделяетъ претуру и эдилитетъ, какъ магистратуры, по своимъ общимъ тенденціямъ прямо противоположныя: для преторовъ, говоритъ онъ, на первомъ планѣ стоялъ индивидуумъ и его интересы, для эдиловъ, напротивъ,—общество (*Gesellschaft*) и его благо.

Къ этой характеристикѣ Леринга вполне присоединяется и *Wlassak*¹⁸⁾. „Справедливость воззрѣнія Леринга относительно призванія эдиловъ охранять интересы общества, а не отдѣльных индивидуумовъ, говоритъ *Wlassak*, разительнѣйшимъ образомъ доказывается персоничальнымъ характеромъ эдильскихъ исковъ. Изъ цѣлаго ряда свидѣ-

¹⁷⁾ *Zweck im Recht*. Bd. I. 2 te Aufl. (1884). S. 510—511.

¹⁸⁾ *Zur Geschichte der Neg. Gestio*. S. 175—177.—Относительно претора—стр. 177: „*Prätor war kein Polizeimagistrat, vielmehr in erster Linie berufen das Einzelinteresse zu schützen*“.

тѣлѣствіе источниковъ опредѣленно повѣствуетъ, что адилы имѣли въ виду не столько помочь отдѣльнымъ понесшимъ убытки покупщикамъ, сколько оказать давленіе на продавцовъ, находящихся всегда въ лучшемъ положеніи и опытныхъ во всякаго рода дѣлахъ; предотвратить противоположную общественнымъ интересамъ эксплуатацію со стороны профессиональных дѣльцовъ, и этимъ способствовать общественному благу (Gemeinwohl). Въ fr. 1. 2. D. h. t. (21. 1) Ульпіанъ опредѣленно заявляетъ, что цѣлью эдильскаго эдикта было „ut occurratur fallaciis vendentium et emptoribus succurratur, quicumque decepti a venditoribus fuerint“. Вспомогательная точка зрѣнія эдильскаго можетъ быть изложена такъ: какъ рыночное начальство, она издаетъ подчиненнымъ ихъ юрисдикціи рыночнымъ торговцамъ приказаніе объявлять покупщикамъ о тѣхъ или другихъ недостаткахъ въ продаваемыхъ мансіріа и јumenta. Виновный въ неисполненіи этого приказанія подлежалъ штрафу. То обстоятельство, что осуществленіе этого штрафа было предоставлено покупщику, следовательно,—частному лицу, не должно насъ смущать: въ римской почвѣ—стоитъ только вспомнить *actiones populares*—это было само собою понятно. Если покупщикъ въслѣдствіе неисполненія указаннаго приказанія понесъ убытокъ, то эдильскіе иски такой передачей ему штрафа возмѣщали его вредъ; но убытокъ покупщика не являлся необходимымъ предположеніемъ для этихъ исковъ: ср. fr. 44. 2. D. h. t. 21. 1. „etsi nihil emptoris interest sanum esse“. И въ всякомъ случаѣ возмѣщеніе убытка покупщику было не главною цѣлью эдикта, а лишь средствомъ для достиженія цѣли“.

„Напротивъ, продолжаетъ *Wlassak*, преторъ не былъ магистратомъ полицейскимъ; его первымъ назначеніемъ была защита *частныхъ* интересовъ; въслѣдствіе этого въ его задачу не входило вмѣшиваться въ область частной автономіи такимъ энергичнымъ образомъ, какъ это дѣлали адилы въ качествѣ рыночнаго начальства“. Поэтому-то и эдильскіе иски, перейдя въ позднѣйшее время въ руки преторовъ, должны были сбросить съ себя свой интрафной характеръ и сдѣлаться обыкновенными контрактными исками...

Приведенныя воззрѣнія Теринго и Влассака представляютъ собою яркій примѣръ ошибки, доведенной до конца, до своихъ логическихъ послѣдствій. Съ одной стороны, характеристика *эдиловъ и эдильскихъ средствъ*, сдѣланная Терингомъ и Влассакомъ, содержитъ въ себѣ зна-

чительное преувеличение. Несомненно, эта характеристика вѣрна для начальныхъ моментовъ эдильской дѣятельности, но для эпохи болѣе поздней она уже сильная натяжка. *Actiones aediliciae*, возникнувъ действительно изъ штрафовъ, съ теченіемъ времени мало по малу все болѣе и болѣе превращались въ обыкновенное средство защиты частныхъ интересовъ, которые вовсе не такъ ужъ стояли на второмъ планѣ, какъ то рисуетъ Власакъ. И это превращеніе совершалось путемъ естественной эволюціи, а не изслѣдствіе того, что эдильская юрисдикція перешла потомъ въ руки преторовъ.

Съ другой стороны, совершенно ошибочна характеристика *претуры*. На чемъ построено утвержденіе, что для претора было невозможно такое же энергичное вмѣшательство въ сферу частной автономіи, какое мы видимъ въ *actio redhibitoria* и т. д.? Простой бѣглый обзоръ преторскихъ институтовъ на каждомъ шагѣ доказываетъ противоположное: энергичность преторскаго вмѣшательства обнаруживаютъ не только всевозможныя *denegationes*, *restitutiones* и т. д., но даже и тѣ самыя *actiones populares*, на которыя ссылается Власакъ. Вездѣ мы видимъ энергію, даже гораздо бѣзпечную, чѣмъ у эдиловъ.

Далѣе, на чемъ покоится предположеніе о принципиальной противоположности между признаніемъ эдиловъ и призваніемъ преторовъ? Если первоначальной задачей эдиловъ была охрана общественнаго блага путемъ защиты публики отъ эксплуатаціи со стороны профессиональныхъ торговцевъ и если изъ этого выводится общее заключеніе о призваніи эдиловъ, — то для констатированія подобнаго же призванія преторовъ мы имѣемъ еще болѣе данныхъ. Не говори уже о такихъ средствахъ, какъ *actio vi bonorum raptorum*, *actio metus*, *doli* и т. д., полную параллель эдильскому эдикту, даже съ еще болѣе выраженной тенденціей, представляетъ, напр., эдиктъ о *navis*, *caupones*, *stabularii*, о которомъ прямо говорится, что цѣлью его было „ut innotesceret praetor curam agere reprimendae improbitatis hoc genus hominum“¹⁹⁾.

Затѣмъ, та характеристика *actiones aediliciae*, которую мы читаемъ у Власака, вполне совпадаетъ съ характеристикой, которую даетъ Pernice древнѣйшимъ преторскимъ средствамъ, въ особенности интердиктамъ: „um sie zu verstehen, darf man daher nicht von den Ansprüchen und den „Interessen“ der Einzelnen ausgehen, sondern der

¹⁹⁾ fr. 3. 1. D. h. t. 4. 9.

Prätor hatte dabei das Wohl der Gesamtheit im Auge, und dies Wohl ist der gemeine Friede!“

И тамъ, и здѣсь имѣнительство власти начинается съ однимъ пунктъ, зарождается изъ одного и того же источника, в этомъ общимъ источникомъ служить забота объ охранѣ общественнаго порядка. Какъ объ эдилѣ, такъ и о преторѣ въ одинаковой степени можно сказать, что первые шаги ихъ дѣятельности опредѣлялись соображеніями въ полномъ смыслѣ слова полицейскими, ибо общественный непорядокъ рѣзче всего проявляется въ нарушеніи порядка въ мѣстахъ публичныхъ и свещенныхъ, въ нарушеніи правильной жизни на рынкахъ. Но, затѣмъ, какъ въ юрисдикціи эдиловъ, такъ и въ юрисдикціи преторовъ мы замѣчаемъ постепенное расширение принципа общественнаго порядка. Охранять общественный порядокъ значить, по римскимъ воззрѣніямъ, защищать и интересы частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ такого или иного явленія, признаннаго общественнымъ непорядкомъ. Если нарушение фактическаго обладанія вещами путемъ произвола и насилія признано противнымъ общественному порядку, общественному миру,—то, конечно, охранить общественный порядокъ здѣсь можно только охраняя владѣльцевъ. Если различны „махиначіи“ продавцовъ на рынкѣ признаны общественнымъ непорядкомъ, то и защита покупателей отъ вредныхъ послѣдствій этихъ machinationes будетъ также борьбой противъ непорядка. И т. д., и т. д. Одно съ другимъ тѣсно связано, одинъ шагъ въ этомъ направленіи влечетъ за собою другой, и при отсутствіи въ римскомъ государственномъ правѣ точныхъ юридическихъ ограниченій и предписаній предѣлы магистратскаго влѣдѣнія должны были, конечно, раздвигаться все далѣе и далѣе. Юридическій маятникъ, показатель границъ принципа общественнаго порядка, въ постоянномъ упражненіи раскачивался все болѣе и болѣе, незаметно въ теченіе столѣтій сдѣлалъ эдилъ полнымъ хозяиномъ рыночнаго оборота, а претора—хозяиномъ всего гражданскаго права.

Но, конечно, средства, созданныя первоначально въ исключительныхъ соображеніяхъ репрессіи общественнаго непорядка и имевшія поэтому много характеръ этой репрессіи, съ теченіемъ времени, подвергались вліянію интересовъ чисто частныхъ, мало по малу утрачивали свой первоначальный характеръ и приближались къ обыкновеннымъ средствамъ гражданской защиты. Средства, имѣвшія на первыхъ порахъ характеръ чистаго наказанія, постепенно превращались

въ средства гражданскаго удовлетворенія. И это явленіе можетъ быть констатировано совершенно одинаково—какъ въ исторіи эдильскаго права, такъ и въ исторіи права преторскаго: о первоначальномъ деликтномъ характерѣ многихъ преторскихъ исковъ, вытекающихъ, по-видимому, изъ договора, мы говорили въ предыдущемъ параграфѣ. Исторіи эдильскихъ исковъ представляетъ то же явленіе въ правѣ курульныхъ эдиловъ.

Однимъ словомъ, вездѣ полная аналогія и ни одного пункта различія. Говоря короче, можно сказать: *для претора его рынокъ былъ все государство, а для эдила его рынокъ былъ его государство.*

Глава IV.

Юридическая природа *jus honorarium*.

§ 12.

Взгляд современной литературы.

Характеристика римскаго правовоззрѣнія, сдѣланная Виппшейдомъ. Возраженія Мутера. Мысль Бруаса. Ученіе Поккера и его несостоятельность.

Мы рассмотрѣли генезисъ *jus honorarium*, его формальное и матеріальное развитіе; посмотримъ теперь, что представляетъ съ юридической точки зрѣнія конечный продуктъ этого развитія, то, что извѣстно подъ именемъ *преторскаго права*. Считаемъ лишнимъ останавливаться на томъ, что все сказанное объ этомъ послѣднемъ будетъ въ полной мѣрѣ приложимо и къ *jus aedilicium*.

Но прежде всего посмотримъ, что говорить по этому вопросу современная литература.

Уже давно вниманіе исследователей римскаго права было возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ, что римскіе юристы вездѣ выдвигаютъ на первый планъ *actiones*: тамъ, гдѣ мы говоримъ о *правахъ*, они говорятъ объ *искахъ*; тамъ, гдѣ мы сказали-бы: „я имѣю *право* требовать того-то и того-то“, они говорятъ „*actio competiti*“, „*actio datus*“ и т. д. Чѣмъ объясняется такаа—для нашихъ понятій—странная точка зрѣнія?

Опираясь на этот фактъ, *Windscheid* ¹⁾ пришелъ къ тому заключенію, что, очевидно, между нашимъ современнымъ и римскимъ правовоззрѣніемъ существуетъ принципиальная противоположность. „Для современного правосознанія, говоритъ онъ, право есть нѣчто первоначальное, а искъ—нѣчто послѣдующее; право есть нѣчто производящее, а искъ—нѣчто производное; правопорядокъ—есть система правъ“ ²⁾. Совершенно иначе съ римской точки зрѣнія: здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ искъ, *actio*, право же является чѣмъ-то вторымъ и производнымъ. „Die Rechtsordnung ist nicht die Ordnung der Rechte, sondern die Ordnung der gerichtlich verfolgbaren Ansprüche... Sie giebt dadurch Rechte, dass sie gerichtliche Verfolgung bewilligt. Die Actio ist nichts Abgeleitetes, sie ist Etwas Ursprüngliches und Selbstständiges“; для римлянъ не *actio* является послѣдствіемъ права, а, напротивъ, право есть послѣдствие и продуктъ *actio*.

И эта характеристика, по мнѣнію *Windscheid*'а, применима одинаково какъ къ праву гражданскому, такъ и къ праву преторскому. И гражданскіе иски не являются простыми послѣдствіемъ, простою функціей права. Преторъ и по отношенію къ нимъ занимаетъ совершенно свободное, самостоятельное положеніе, онъ можетъ ихъ дать или не дать, признать или не признать. „Erkannte er ihn also durch Verleihung einer Actio an, so hatte man die Actio zwar auf Grund des geltend gemachten Rechts, aber, wenn man genau sprechen wollte, nicht durch das Recht, man hatte sie durch die Thätigkeit des Prätors, der sie auch hätte verweigern Können“ ³⁾.

Ученіе *Windscheid*'а встрѣтило себѣ тотчасъ же горячаго противника въ лицѣ *Muther*'а. Въ своей критикѣ перваго сочиненія *Windscheid*'а ⁴⁾ *Muther* совершенно отрицаетъ какую-либо противоположность между правосознаніемъ нашимъ и римскимъ. Достаточно, говоритъ онъ, окинуть взоромъ *actiones*, т. е. исковыя формулы, и мы убѣдимся, что неадѣ въ нихъ именно право истины является основаніемъ и предположеніемъ *condemnatio*. Это сразу видно въ формулахъ гражданскихъ исковъ: „*si paret illam rem A' A' esse*“ ..., „*si pa-*

---

¹⁾ Die Actio des röm. Civilrechts (1856).—Die Actio. Abwehr gegen Muther (1857).—Pandekten. Bd. I § 44.

²⁾ Die Actio. S. 3.

³⁾ Actio. Abwehr. S. 20.

⁴⁾ Zur Lehre von der röm. Actio. Kritik des Windscheidschen Buchs (1857). S. 20 и сл.

ret N^m N^m A^o A^o X dare oportere⁵ и т. д. Но и по отношенію къ преторскимъ искамъ характеристика Windscheid'a не можетъ быть признана правильной. Если преторъ обѣщаетъ дать искъ при извѣстныхъ условіяхъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ этихъ условій является то, чтобы отвѣтчикъ не удовлетворилъ истца еще до процесса. Очевидно, такимъ образомъ, что право и обязанность существовали еще до иска, до actio. „Der Prätor giebt somit einen Anspruch nicht durch die Actio, sondern der Anspruch ist vor der Actio da, was auch daraus hervorgeht, dass wenn der in Anspruch Genommene freiwillig und ohne mit einer Actio belangt zu sein zahlt, er sicher nicht mit einer condictio indebiti zurückfordern kann“. Своимъ эдиктомъ преторъ творить права, и эти права совершенно такія же, какъ и тѣ, которыя основаны на jus civile. Возвръщеніе Windscheid'a не вѣрно даже и для того случая, когда преторъ даетъ искъ, еще не установленный въ эдиктѣ: и здѣсь тоже искъ является послѣдствіемъ и выраженіемъ права, ибо надъ положительнымъ—писаннымъ и неписаннымъ—правомъ стоять другое право—*„ein höheres, einheitliches, wahres Recht“*; и это высшее право есть *„die Idee der Gerechtigkeit“*⁶).

Совершенно мимоходомъ—въ своей статьѣ „Zur Geschichte der Cession“⁶)—коснулся изложеннаго спора и Bruns и высказалъ при этомъ мысль, что при рѣшеніи поднятаго вопроса надо различать jus civile и jus honorarium. Характеристика Виндшейда—право существуетъ потому, что существуетъ искъ, а не наоборотъ—можетъ быть признана вѣрною для права преторскаго, но она совершенно невѣрна для права гражданского. Такъ какъ преторъ не имѣлъ законодательной власти, то онъ могъ создавать права лишь непрямымъ путемъ—давая actiones; вслѣдствіе этого преторское право представляется дѣйствительно системой исковъ, а не системой правъ. Напротивъ, jus civile есть истинная система правъ, а не система исковъ. Законы XII таблицъ и позднѣйшія leges говорятъ прямо dare debeto, dare damnas esto, ita jus esto, jus potestas esto, familiam habeto и т. д. и т. д. Ясно, что они создаютъ права непосредственно, actio же является лишь послѣдствіемъ права, его производной функцией.

---

⁵) I. cit. S. 31—32.

⁶) Въ „Symbolae Bethmanno-Hollwegio oblatae“ (1868). S. 50—51. (Перепечатано въ Kleinere Schriften).

Bekker во введеніи къ своимъ „*Aktionen*“, введеніи, посвященномъ Брунсу, обращаясь къ этому послѣднему по поводу его воззрѣнія на различіе между правомъ цивильнымъ и преторскимъ, упрекаетъ его въ томъ, что и онъ остановился на чисто виѣшнемъ различіи¹⁾. Между тѣмъ, по мнѣнію *Bekker*'а, дѣйствительно существуетъ разница между правосознаніемъ нашимъ и римскимъ, и притомъ разница внутренняя. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ мы видимъ право, римское воззрѣніе усматриваетъ *дуализмъ actio и Anspruch. actio и res de qua agitur или quod venit in iudicium*²⁾.

Субъективное право есть то, что признается и защищается правомъ объективнымъ. Однако, признавать и защищать—не одно и то же: можно что-либо признавать, хотя бы оно и не имѣло защиты. Признаніе зависитъ отъ народнаго правуюбѣжденія (*Volksüberzeugung*), защита же находится въ рукахъ государства и его органовъ,—въ Римѣ въ рукахъ претора. Отъ воли этого послѣдняго зависитъ дать или не дать *iudicium*, и лишь послѣ того, какъ *iudicium* дано, въ лицѣ *iudex*'а можетъ осуществиться народное правуюбѣжденіе. Вслѣдствіе этого *actio* есть то, что имѣетъ силу передъ преторомъ, есть право на полученіе *iudicium*; напротивъ, *Anspruch* есть то, что будетъ признано *in iudicio*, т. е. право на то или другое исполненіе со стороны отиѣтчика³⁾.

При такомъ раздвоеніи вопросовъ, продолжаетъ *Bekker*, сама собою возникаетъ возможность несовпаденія между *actio* и *Anspruch*: могутъ существовать *Ansprüche*, не имѣющіе иска. Въ этомъ-то раздвоеніи и заключается коренное различіе между правопорядкомъ римскимъ и нашимъ: у насъ эти вопросы не раздѣляются, у насъ нѣтъ претора, который держать-бы иски у себя на запорѣ; у насъ все подлежитъ разсмотрѣнію судьи, который тому, что онъ признаетъ, даетъ, конечно, и защиту.

И въ этомъ отношеніи не существуетъ никакой разницы между правомъ цивильнымъ и преторскимъ. Съ одной стороны, преторъ и по отношенію къ цивильнымъ искамъ является полнымъ хозяиномъ, можетъ ихъ дать и не дать; съ другой стороны, преторское право является въ такой же степени, какъ и *jus civile*, продуктомъ народ-

¹⁾ *Aktionen*. Bd. I. S. 10.

²⁾ I. cit. S. 5, 7, Bd. II. S. 244.—Ср. также его же статью въ *Krit. Vierteljahrsschrift*. Bd. V. S. 407.

³⁾ I. cit. Bd. I. S. 5, 15, *Krit. Vierteljahrsschr.* S. 403.

наго правоубѣжденія, ибо преторъ есть лишь послушный органъ этого послѣдняго ¹⁰⁾).

Однако, и изложенное ученіе Bekker'a не разъяснило надлежащимъ образомъ поднятаго вопроса о томъ, есть-ли какая-нибудь разница между нашимъ и римскимъ представленіемъ о правѣ; даже болѣе—ученіе Bekker'a заводитъ насъ въ цѣлый лабиринтъ недомѣній.

1) Если преторъ дѣйствительно есть только ибрийный органъ народнаго правоубѣжденія, то возможность несовпаденія *actio* и *Anspruch* остается непошатной. При такой роли претора не только признаніе *Anspruch*, но и признаніе *actio* должно было въ концѣ концовъ зависѣть отъ того же народнаго правоубѣжденія; если это послѣднее признаетъ что-либо *in judicio*, то совершенно непонятно, почему оно не можетъ доставить ему признанія и передъ своимъ послушнымъ органомъ—преторомъ, почему *Anspruch* не можетъ повлечь за собой *actio*.

2) По мнѣнію Bekker'a, народное правоубѣжденіе можетъ создавать непосредственно только *Ansprüche*, *actiones* же даются и создаются только преторомъ. Между тѣмъ это не вѣрно: народное правоубѣжденіе путемъ обычнаго права оказалось въ состояніи создать помимо претора такіе *actiones*, какъ *actio empti-venditi*, *locati-conducti* и т. д.; почему же въ другихъ случаяхъ оно только признавало, но не защищало?

3) Согласно ученію Bekker'a, *Anspruch* есть то, что получило бы себѣ признаніе *in judicio*, если-бы *actio* была дана. Относительно цивильнаго *heres* (разъ *bonorum possessio* дана другому лицу) источники, какъ извѣстно, говорятъ, что онъ *ipso jure potest intendere rem suam esse* или *dari sibi oportere*. *Ipsa jure potest intendere* значить, конечно, только то, что, если-бы *heres* получилъ отъ претора *actio*, то судья *in judicio* остался бы только признать его претензію основательной; такимъ образомъ, его *privum jus* оказывается по терминологіи Bekker'a—*Anspruch*. Однако, съ другой стороны, и претензія *bonorum possessor'a* (разъ ему данъ искъ) находитъ себѣ признаніе *in judicio*, слѣдовательно, и она есть *Anspruch*. Мы получаемъ, такимъ образомъ, два *Ansprüche*, которые вполне противорѣчатъ другъ другу!

---

¹⁰⁾ I. cit. Bd. II. S. 263—275

4) Наконецъ, еще одно. По ученію Bekker'a, народное правоубѣжденіе осуществляется in iudicio, гдѣ ему подлежитъ рѣшеніе вопроса о бытіи или небытіи Anspruch. Однако, возьмемъ формулу: „si p. illum patronum ab illo liberto contra edictum illius praetoris in ius vocatum esse .... condemnatus“: есть-ли здѣсь какой-либо просторъ для народнаго правоубѣжденія? Напротивъ, извѣстный просторъ предоставляется формула „si p. N=N^m A° A° C dare oportere .. condemnatus“, и тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что какъ разъ здѣсь, гдѣ народное правоубѣжденіе могло бы отвергнуть претензію гражданского heres, оно должно было ее признавать, вслѣдствіе чего необходима была преторская denegatio!..

Въ виду всѣхъ этихъ недоумѣній неудивительно, если и ученію Bekker'a не суждено было утвердиться въ наукѣ, и возникнувшій было вопросъ о правовоззрѣніи нашего и римскомъ былъ снова брошенъ, какъ бесполезный. Господствующее нынѣ ученіе этой темой болѣе не занимается; какого-либо принципиальнаго различія между порядкомъ римскимъ и нашимъ оно не находитъ. Если же римляне говорятъ объ actio тамъ, гдѣ мы сказали-бы „право“,—то это объясняется отчасти практическимъ духомъ римлянъ, отчасти—историческимъ возникновеніемъ у нихъ многихъ институтовъ изъ предоставленія actiones. Точно также господствующее ученіе не признаетъ какой-либо разницы и въ юридическомъ строеніи права гражданского и преторскаго; даже самъ Bruns въслѣдствіи отъ высказанной имъ мысли отказался ¹¹⁾).

А между тѣмъ поднятый Виндшейдомъ вопросъ отнюдь не является такимъ празднымъ; правильная разработка этого вопроса привела бы къ успенію многихъ явленій римскаго права, о которыхъ мы находимъ теперь только общія фразы да смутныя представленія.

---

¹¹⁾ Ср. Holtzendorff's Encyklopädie. Das heutige röm. Recht. § 24 въ концѣ.

§ 13.

Юридическая природа права гражданского и преторского.

Юридическая характеристика *jus civile: actio* есть лишь функция права. *Jus honorarium: actio* въ случаяхъ въ адиктъ непредусмотрѣнныхъ; зарожденіе и развитіе адикта; его вліяніе на частныя правоотношенія. Заключение: въ системѣ преторскаго права *jus* является послѣдствіемъ *actio*.

Нормы объективнаго права, опредѣляя отношенія каждаго индивидуума къ вещамъ и къ другимъ лицамъ, предоставляютъ ему извѣстныя *права* въ субъективномъ смыслѣ. Для защиты этихъ правъ каждое лицо можетъ обратиться въ извѣстномъ порядкѣ къ государственной власти, и такое воззваніе къ государственной власти называется *искомъ*. Такимъ образомъ, искъ есть не что иное, какъ извѣстный способъ осуществленія нашего права, или, употребляя терминологию Виндшайда, право, дѣйствительно, есть нечто производящее, первичное, межъ тѣмъ какъ искъ—нѣчто производное, вторичное.

Такое, въ общихъ чертахъ, наше нынѣшнее представленіе о соотношеніи между правомъ и искомъ¹⁾. Посмотримъ теперь, каково оно было въ правѣ римскомъ.

Обозрѣніе *legis actiones* показало намъ, что формы древнѣйшаго римскаго процесса носятъ еще на себѣ явственныя черты самоуправства. Лицо, полагающее, что вещь принадлежитъ ему или что долгъ ему не уплаченъ, въ принципѣ вовсе не обращается къ государственной власти съ просьбой о приговорѣ или о помощи; оно покушается

---

¹⁾ Ср. напр. *Merkel. Jurist. Encyklopädie*. 2-te Auf. 1900. S. 69.

собственною силою осуществить свое предполагаемое право. Оно говорить „*quandos non solvisti*“ и накладывает на должника руну, „*hanc rem meam esse aio*“—и накладывает *vindicta*. Оно ничего от государственной власти не желает и ни о чем ее не просит. Государственная власть вмешивается въ это самоуправство сама, предотвращает возможную реальную борьбу сторонъ, но—и только: она ничего не судит и ни къ чему не приговариваетъ. До суда и приговора дѣло можетъ вовсе и не дойти, а если дойдетъ—то судить будетъ не государственная власть, а лица, ничего общаго съ ней не имѣющія.

Такимъ образомъ, даже для этой эпохи объ искѣ, какъ объ обращеніи къ государственной власти съ просьбой о защитѣ нарушеннаго права, въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ болѣе—для эпохи еще болѣе древней, эпохи чистой мести и чистаго самоуправления, гдѣ государственная власть стояла совсѣмъ въ сторонѣ.

И тѣмъ не менѣе, даже въ эту эпоху мы видимъ *сознаніе права*: мечь отличается отъ преступленія, самоуправное осуществленіе правъ отъ грабежа и насилія. Наложеніе руки на неисправнаго должника, захватъ вещей, какъ своей, и т. д. мыслятся и имѣющимъ образомъ документируются, какъ акты *осуществленія правъ*, а не какъ акты ихъ нарушенія. Нѣтъ еще закона, нѣтъ еще суда, а право уже чувствуется и живетъ. „Эта вещь принадлежитъ мнѣ“, „ты долженъ заплатить долгъ“—такія представленія старѣе закона и суда; они являются непосредственнымъ продуктомъ пародной психологій, поставленной въ извѣстныя матеріальныя условія, психическимъ проявленіемъ инстинкта общественнаго самосохраненія.

Вмѣшательство государственной власти сначала регламентируетъ самоуправство, а потомъ и вовсе его отменяетъ, возлагая охрану правъ на своихъ органовъ; осуществленіе правъ собственною силою мало по малу превращается въ воззваніе къ государственной власти, въ искъ.

Въ Римѣ этотъ процессъ совершался медленно, въ теченіе почти всей его исторіи: процессы *per legis actiones* и *per formulas* являлись лишь большими періодами въ порядкѣ этого постепеннаго превращенія, и наиболѣе полного приближенія въ нашимъ представленіямъ о судѣ и процессѣ римское право достигло лишь въ *extraordinaria cognitio* эпохи послѣ—Діоклетіановской.

Такимъ образомъ, въ области *цивильнаго правопорядка* право старѣе иска, *jus* старѣе *actio*.

Но если мы даже возьмемъ слово искъ, *actio* въ *болѣе широкомъ смыслѣ* изъясненной *формы защиты правъ*, то самое строеніе *цивильных* исковъ покажетъ намъ, что они предполагаютъ *частное право* истца, какъ свое основаніе, что они зиждутся на этомъ правѣ и изъ него вытекаютъ. Въ процессѣ *per legis actiones* истецъ начиналъ съ утвержденій: „*hanc rem meam esse ex jure Quiritium*“, „*te mihi C dare oportere*“, „*jus mihi esse eundi agendi*“ и т. д. Свою процессуальную претензію истецъ опиралъ, такимъ образомъ, на *jus*, на нѣкоторое правоотношеніе, уже существующее между нимъ и вещью, между нимъ и отвѣтчикомъ. Это правоотношеніе существуетъ уже въ силу закона (обычай); истецъ, являясь передъ трибуналъ магистрата, не проситъ его объ установленіи или созданіи правоотношеній, онъ желаетъ лишь предоставленія законной дороги для осуществленія уже принадлежащаго ему права. Это послѣднее не нуждается въ какой-либо творческой дѣятельности со стороны магистрата; истецъ обращается къ нему во имя закона и какъ къ органу, подчиненному закону.

Если мы нашу нынѣшнюю систему опредѣляемъ, какъ систему правъ, а не какъ систему исковъ,—то, очевидно, такимъ же образомъ мы должны характеризовать и систему римскаго *цивильнаго права*. *Müller* и *Bruns* оказываются поэтому въ описанномъ выше спорѣ совершенно правыми. Право является здѣсь элементомъ непосредственнымъ, первичнымъ, производящимъ, искъ же—элементомъ вторичнымъ, производнымъ.

Измѣнилось-ли соотношеніе между *цивильнымъ jus* и *actio* съ переходомъ въ процессу формулярному? Въ этомъ процессѣ преторъ получилъ возможность отказывать даже въ *цивильномъ искѣ* (*denegatio actionis*), стать дѣйствительно „хозяйникомъ“ *цивильнаго права*. Если, говорить Виндшейдъ, преторъ могъ и въ *цивильномъ искѣ* отказать, значитъ, и *цивильное право* существуетъ только потому, что въ искѣ не отказано, что искъ данъ, значитъ и *цивильное право* зависитъ отъ *actio*.

Мы уже видѣли выше (см. анализъ формулярнаго процесса), насколько это пестро. Преторъ можетъ, конечно, въ искѣ отказать, но если онъ искъ даетъ, то этимъ онъ ничего не творитъ, ничего не создаетъ: право истца существовало помимо его дѣятельности; давалъ

искъ, преторъ только признаетъ то, что уже существуетъ непосредственно въ силу закона. Предъявляя гражданскій искъ, истецъ ждетъ отъ претора не какого-либо творчества, а лишь исполненія, не активности, а пассивности. Искъ опирается на право истца такъ же, какъ и въ эпоху *legis actiones*.

Активность претора обнаруживается не въ предоставленіи гражданского иска, а въ его *denegatio*; здѣсь преторъ переходитъ къ творчеству, хотя къ творчеству отрицательному. Отказывая въ искѣ, преторъ отрѣзываетъ праву путь процессуальнаго осуществленія, не поражая, однако, самого права, ибо этого онъ и сдѣлать не въ состояніи (*praetor jus tollere non potest*). Право продолжаетъ существовать въ своей юридической неприкосновенности; оно можетъ завтра же снова предстать передъ преторомъ и снова потребовать своего признанія. Возраженія претора могутъ измѣниться, отвѣтчикъ можетъ упустить свои возраженія—и право, парализованное вчера, сегодня можетъ, такъ сказать, прорваться *in iudicium* и здѣсь будетъ признано въ полной мѣрѣ. Таково значеніе выраженія „*ipso jure potest intendere*“ *rem suam esse* или *dari sibi oportere*; таковъ характеръ т. н. *nudum jus Quiritium*.

Denegatio actionis парализуетъ право—но только на этотъ разъ; она не можетъ служить основаніемъ *exceptio rei judicatae*, и потому, отказавъ въ искѣ разъ, преторъ не можетъ считать свое дѣло законченнымъ, а отвѣтчикъ не можетъ считать себя навсегда обезпеченнымъ. И преторъ и отвѣтчикъ должны оставаться на стражѣ, чтобы отразить всякую новую попытку ширѣ отбитаго врага,—пока онъ самъ не погибнетъ своею естественною, гражданскою смертію.

Nudum jus лучше всего характеризуетъ гражданскую систему именно какъ систему права, а не систему исковъ; съ точки зрѣнія Виндгейда это *nudum jus* было бы плохо понятно.

Такова система *jus civile*; посмотримъ теперь, что представляетъ собою система *jus honorarium*.

На первый взглядъ, какихъ либо различій въ юридическомъ строеніи этой послѣдней не существуетъ. Преторскій эдиктъ устанавливаетъ извѣстныя нормы и этимъ самымъ, поидиному, создаетъ правоотношенія, которыя затѣмъ уже осуществляются путемъ *actio*. Эдиктъ, какъ извѣстно, характеризуется Цицерономъ, какъ *lex animi*, и этимъ какъ-бы опредѣляется его значеніе, аналогичное закону. Гай (I. 2), перечисляя источники права, также говоритъ: „*constant autem*

jura ex legibus, plebiscitis, senatusconsultis, constitutionibus principum, edictis eorum, qui jus edicendi habent, responsis prudentium"²⁾).

Однако, посмотримъ внимательно. Не подлежитъ сомнѣнiю, что и при существованiи эдикта власть претора имъ не исчерпывалась: онъ могъ давать иски и необъявленные въ эдиктѣ; это доказываютъ намъ тѣ многочисленныя *actiones in factum*, которыя даются преторомъ въ самыхъ различныхъ случаяхъ еще по свидѣтельству классическихкихъ юристовъ. Вслѣдствiе этого мы съ полнымъ правомъ можемъ предполагать, что и многiе изъ интердиктовъ, исковъ и т. д., объявленныхъ впоследствии въ эдиктѣ, первоначально появились именно въ видѣ такихъ отдѣльных, спорадическихъ актовъ преторскаго вѣдѣнiя³⁾. Понятно, поэтому, что анализъ юридической природы преторскаго права мы должны начинать не съ эдикта, а съ этихъ отдѣльных случаевъ. Что же мы находимъ въ этихъ случаяхъ съ юридической точки зрѣнiя?

Какъ мы видѣли выше, *Muther* и здѣсь хочетъ видѣть въ даваемомъ искѣ лишь осуществленiе уже принадлежащаго истцу права, ибо, говорить онъ, надъ положительнымъ, писаннымъ правомъ стоитъ высшее право—идея справедливости. Но если мы не будемъ смѣшивать права со справедливостью, если мы будемъ стоять на юридической точкѣ зрѣнiя, въ силу которой *aequitas*, *Idee der Gerechtigkeit* не есть форма положительнаго права,—то мы должны будемъ признать, что о какомъ либо *положительномъ правѣ* истца въ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи.

Но, можетъ быть, возможна иная постановка вопроса. Кромѣ закона, положительное право, какъ извѣстно, выражается еще въ *обычаѣ*: можетъ быть, въ этихъ случаяхъ истецъ, желая получить, напр., *actio in factum*, осуществляетъ свое *обычное право*? Мы думаемъ, что и въ такой постановкѣ вопросъ можетъ получить лишь отвѣтъ отрицательный. Мы имѣемъ въ Римѣ институты обычнаго права (*actio empti-venditi* и т. д.), но вездѣ въ нихъ это послѣднее создаетъ *цивильныя* правоотношенiя и *цивильные* иски. Если бы истецъ дѣйствительно могъ опереться на обычное право, то онъ заявилъ-бы прямо „*dari mihi oportet*“ и т. и., а въ дѣлѣ особаго, новаго иска,

¹⁾ Ср. *Muther*. I. cit. S. 24.

²⁾ См. объ этомъ „Право и факты“, ч. I стр. 131, 140.—*Schulze*. *Privatrecht und Process*. S. 368—369.

actio in factum, не было бы необходимости. Напротив, изъ самого духа этихъ actiones in factum явствуетъ, что онѣ представляютъ для истца нѣкоторую особенную помощь претора, безъ которой истецъ остался-бы вовсе беззащитнымъ. Залыли желаніе получить этотъ искъ, проситель, сознавая, что правовыхъ средствъ у него нѣтъ, изываетъ именно къ этой особенной помощи власти⁴⁾.

Въ вопросѣ объ этихъ actiones in factum преторъ совершенно ничѣмъ не связанъ, даже не связанъ своимъ собственнымъ обѣщаніемъ „judicium dabo“, ибо такого обѣщанія нѣтъ. Истецъ не имѣетъ никакого права по отношенію къ отиѣтчику; между нимъ и этимъ послѣднимъ не существуетъ пока никакой юридической связи, которую онъ (истецъ) могъ бы „натянуть“ (intendere). Есть только объективный комплексъ фактовъ, объективное положеніе вещей, которое нарушаетъ интересъ истца, и это-то *factum* излагаетъ онъ претору въ обоснованіе своей просьбы о помощи.

Преторъ, конечно, подвергнетъ это *factum* своей критической оцѣнкѣ,—съ какой точки зрѣнія, объ этомъ говорили всѣ предшествующія глава. Мы видѣли тамъ, что *принципіально* для претора въ этой оцѣнкѣ рѣшающее значеніе имѣли не какія-либо права и интересы частныхъ лицъ, а *соображенія общественнаго порядка*, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ эти соображенія замѣтны рѣзче и ярче.

Рѣшивъ, что въ изложенныхъ просителемъ обстоятельствахъ дѣла заключается элементъ общественнаго непорядка, преторъ въ древнѣйшее время издавалъ противъ отиѣтчика личное приказаніе (cognitio), позже—интердиктъ и т. д., еще позже actio in factum. И вотъ только теперь устанавливалась между истцомъ и отиѣтчикомъ извѣстная юридическая связь, извѣстное правоотношеніе. устанавливалась матеріально въ силу преторскаго imperium (tuitio praetoris), формально—въ силу даанъ иска, actio.

Такимъ образомъ, относительно этихъ непредусмотрѣнныхъ въ эдиктѣ случаевъ мы безспорно должны признать справедливость формулы Виндшайда: *здесь не actio дается потому, что существуетъ право, а право возникаетъ потому, что дается actio*. Искъ лиллется здѣсь не пристыимъ осуществленіемъ права, а гораздо болѣе этого—творцомъ и корнемъ права. Не будеть дано иска, и въ рукахъ про-

---

⁴⁾ Такой характеръ этихъ actiones in factum обнаруживается и въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя иногда употребляютъ источники, говоря о нихъ: „per actionem in factum consulitur“, „succurritur“—напр. fr. 63. D. 31. fr. 9. 4. D. 10. 4.

сителя не останется ничего, не останется даже *nullum ius*, ибо вѣтъ иска правоотношеніе не существуетъ вовеѣ.

Такъ обстоило дѣло въ случаяхъ, въ эдиктѣ непредусмотрѣнныхъ; посмотримъ теперь, какое значеніе въ этомъ отношеніи имѣтъ эдиктъ.

Повтореніе въ преторской практикѣ случаевъ, вызывавшихъ описанное выше экстраординарное вмѣшательство власти, естественно должно было навести магистрата, имѣющаго *ius edicendi*, на мысль—защитить и объявить заранѣе ю всеобщее свѣдѣніе, какъ онъ относится къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Такое объявленіе устраняетъ недоразумѣніи и сомнѣніи частныхъ лицъ и, конечно, ведетъ къ уменьшенію количества неосновательныхъ претензій и неосновательныхъ споровъ. Давъ разъ-другой описанную *actio in factum*, преторъ естественно долженъ былъ прійти къ обобщенію, что и вообще при равныхъ условіяхъ слѣдуетъ давать этотъ искъ; это обобщеніе онъ (или его преемникъ) и выражаетъ въ заявленіи: при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ „*judicium dabo*“.

Такова общія изрѣченная исторія возникновеніи и развитія преторскаго эдикта⁵⁾; но какое вліяніе оказывала она на отношенія между частными лицами?

Мы говорили только что, что, если дѣло шло о случаѣ, въ эдиктѣ непредусмотрѣнномъ, то дать или не дать искъ и т. д. исполнѣ зависѣло отъ воли претора; лицо заинтересованное никакими правъ въ этомъ отношеніи не имѣло. Но вотъ описаннымъ выше путемъ въ эдиктѣ появляется статья, гласящая: при такихъ-то условіяхъ *judicium dabo*. Вслѣдствіе этого лицо заинтересованное, которое раньше имѣло только простую вѣроятность, простую надежду получить искъ, теперь пріобрѣтаетъ увѣренность въ этомъ, пріобрѣтаетъ даже нѣкоторое право—но *лишь право требовать отъ претора исполненія своего должностнаго обѣщанія*. Частнаго правоотношенія между нимъ и отвѣтчикомъ, которое бы истецъ могъ привести въ основаніе своей претензіи, и теперь не существуетъ; истецъ будетъ опираться и теперь на извѣстное *factum*, но къ этому *factum* теперь присоединилось уже официальное обѣщаніе претора, и исполненія этого обѣщанія истецъ требуетъ. Но очевидно, что это право истца требовать отъ претора исполненія его должностнаго обѣщанія имѣетъ не частноправовой, а исполнѣ публичный характеръ.

⁵⁾ Ср. „Право и фактъ“, т. I стр. 140.

Однако, *юридической обязанности* для претора действительно исполнить данное обещание на первых порах не существует. Первоначально, как известно, преторъ формально вовсе не былъ связанъ своимъ эдиктомъ: послѣдній представлялъ собою только программу, планъ его должностной дѣятельности, но именно только планъ, отъ котораго отступленія были иногда возможны. Причиной для такихъ отступленій могли явиться не только какія-нибудь особенныя условія конкретного случая, но даже и чистый произволъ, противъ котораго частное лицо не имѣло другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыми вообще контролировалось въ Римѣ должностное поведение магистратовъ⁶⁾.

При такихъ условіяхъ даже то право частного лица, которое вытекало для него изъ эдикта, право требовать отъ претора исполненія обещанія „*judicium dabo*“, какъ видимъ, имѣло все еще довольно проблематическій характеръ.

Существенное измѣненіе вноситъ сюда *lex Cornelia* (687—67 г.), законъ, которымъ предписывалось „*ut praetores ex edictis suis perpetuis jns dicerent*“. Вслѣдствіе этого для преторовъ возникла уже формальная связанность своимъ собственнымъ эдиктомъ: исполнить данное въ немъ обещаніе является теперь для претора не только дѣломъ его административной корректности и административнаго такта, а и прямой юридической обязанностью. Выбѣтъ съ тѣмъ, конечно, значительно измѣняется и положеніе истца: его право на полученіе *judicium* гарантировано теперь отъ возможныхъ прежде случайностей, поставлено на прочную юридическую почву.

Эта прочность, однако, существуетъ только на одинъ годъ, на время служенія магистрата, издавшаго данный эдиктъ; нѣтъ никакихъ гарантій того, что въ слѣдующемъ эдиктѣ не будетъ иначе, что обещаніе „*judicium dabo*“ не исчезнетъ изъ эдикта опять. Эта шаткость, впрочемъ, въ значительной степени ослаблялась тѣмъ, что мало по малу основныя нормы стали переходить изъ эдикта въ эдиктъ, образуя собою, какъ известно, т. е. *edictum traditionis*. Но въ этомъ переходѣ эдиктовъ заключалась все-таки только гарантія *фактическая*; *юридическую* же законченность преторскому праву придало только реформа Адріана (*edictum perpetuum Hadriani*).

Но и въ своемъ законченномъ видѣ преторское право носитъ на себѣ печать своего происхожденія.

⁶⁾ Ср. сюда *Schultze*. I. cit. S. 364 и сл.

Какъ мы говорили выше, цивильная (какъ и наша цивилизир.) система представляетъ собою систему правъ: законъ создаетъ извѣстные правоотношенія, которые затѣмъ и осуществляются путемъ иска. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ непосредственно въ силу закона между истцомъ и отвѣтчикомъ существуетъ извѣстное частное правоотношеніе; во имя этого правоотношенія истецъ обращается къ органамъ власти и требуетъ отъ нихъ такого или иного властнаго распоряженія по адресу отвѣтника (выскапіи). Отношеніе истца къ органамъ власти и отношеніе этихъ послѣднихъ къ отвѣтчику являются, конечно, отношеніями публичнаго порядка, но эти отношенія возникаютъ потому, что существуетъ нѣкоторое частно-правовое отношеніе между истцомъ и отвѣтникомъ; они представляютъ собою, т. е., *юридическую проекцію* этого послѣдняго.

Ничто совершенно обратное мы видимъ въ области *jus honorarium*. Мы говорили выше, что въ случаяхъ, въ адмѣтъ непредусмотрѣнныхъ, правоотношеніе между истцомъ и отвѣтникомъ возникаетъ только послѣ дачи иска; до этого момента истецъ юридически ни на что рассчитывать не можетъ; между ними и отвѣтникомъ существуетъ только отношеніе, но не правоотношеніе.

Разъ, однако, въ адмѣтъ появляется преторское обѣщаніе „*judicium dabo*“, и для истца возникаетъ право требовать исполненія этого обѣщанія,—то, само собою разумѣется, это не остается безъ вліянія и на отношенія между истцомъ и отвѣтникомъ *еще до дачи иска*. Отношеніе между ними уже приобретаетъ извѣстную степень юридической регулярованности; можно уже говорить о правѣ истца, обязанности отвѣтника; говори короче—отношеніе приобретаетъ характеръ правоотношенія. Однако, это правоотношеніе—совершенно другого порядка, чѣмъ правоотношенія цивильнаго права.

Прочная юридическая регулярованность явилась здѣсь результатомъ съ одной стороны—преторскаго добровольнаго обѣщанія „*judicium dabo*“, а съ другой стороны—тѣхъ юридическихъ предписаній, которые обязываютъ претора исполнить свое обѣщаніе. Обращаясь къ претору, истецъ будетъ опираться не на то, что между ними и отвѣтникомъ существуетъ какое либо правоотношеніе, а на то, что наступили такіа-то и такіа-то условія, при которыхъ преторъ обѣщалъ давать искъ, и что преторъ обязанъ исполнить теперь это обѣщаніе. Онъ будетъ ссылаться не на свое частное отношеніе къ отвѣтчику, а на самоограниченіе преторской власти, которое заключено въ

эдиктъ. Другими словами, обращеніе истца къ претору будетъ имѣть здѣсь самостоятельное публично-правовое основаніе; частно-правовая же сторона отношенія—отношеніе истца къ отвѣтчику—является лишь результатомъ этого послѣдняго.

„Quae dolo malo facta esse dicentur, si de his rebus alia actio non erit et justa causa esse videbitur, iudicium dabo“, говорятъ преторскій эдиктъ¹⁾. Представимъ себѣ теперь, что произошелъ случай *dolus*; для потерпѣвшаго единственнымъ основаніемъ обратиться къ претору служить это „*iudicium dabo*“, не будь котораго—и потерпѣвшій вовсе не могъ бы ни на что рассчитывать. Теперь же (въ силу *lex Cornelia* и т. д.) онъ имѣетъ (публичное) право требовать отъ претора дачи иска. *Вслѣдствіе* этого еще до полученія иска между нимъ и отвѣтникомъ устанавливается извѣстная юридическая связь, но эта связь есть лишь отголосокъ будущаго иска, антиципация исковыхъ отношеній, послѣдствіе публичнаго права истца къ претору и публично-правовой власти претора по отношенію къ отвѣтчику.

Такимъ образомъ, если мы сказали раньше, что по нашимъ современнымъ представленіямъ и съ точки зрѣнія римской гражданской системы публично-правовое отношеніе истца къ органамъ власти и этихъ послѣднихъ къ отвѣтчику является проекціей частно-правоваго отношенія истца къ отвѣтчику,—то въ преторскомъ правѣ наоборотъ: *частно-правовое отношеніе между истцомъ и отвѣтникомъ является проекціей публичныхъ отношеній истца къ претору и претора къ отвѣтчику.*

Въ болѣе простой формѣ эта мысль, конечно, можетъ быть выражена и словами Виндшейда: въ преторскомъ правѣ не *actio* существуетъ потому, что существуетъ право, а наоборотъ—право возникаетъ и существуетъ потому, что дается *actio*. Виндшейдъ распространялъ эту юридическую характеристику и на *jus civile*, вслѣдствіе чего, конечно, его ученіе не могло имѣть успѣха. Съ другой стороны, противоположная характеристика Мутера, распространенная на преторское право, приводитъ къ „*Idee der Gerechtigkeit*“. Мы видимъ, послѣ всего сказаннаго, насколько былъ правъ *Bruns*, смутно предчувствовавшій глубокое юридическое различіе въ самой структурѣ гражданского и преторскаго права.

Общая ошибка господствующаго нинѣ ученія повторяется и въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ.

¹⁾ fr. 1. 1. D. h. t. 4. 3.

Извѣстно, напримѣръ, ученіе *Bekker'a* о существѣ римскаго обязательства⁹⁾. Римское „obligari“, „obligatum esse“, по его мнѣнію, обозначаетъ не что иное, какъ лишь „actione teneri“. Obligatio, говорить онъ, въ своемъ обыкновенномъ, техническомъ значеніи представляетъ состояніе связанности, которое возникаетъ изъ множности actio противъ должника: „die actio ist das bindende, das obligirende Etwas: „actione teneri“ und „obligatum esse“ sind identisch“. Оба выраженія обозначаютъ одно и то же—именно, что одно лицо можетъ быть принуждено въ интересахъ другаго къ принятію иска („zur passiven Klagübernahme“—*cogitur iudicium suscipere*). Поэтому современное понятіе обязательства не совпадаетъ съ римскимъ: въ нашемъ современномъ понятіи заключается нѣчто, что въ римскомъ классическомъ правѣ вовсе не содержалось. По нашему представленію, обязательство есть право одного лица (кредитора) противъ другаго (должника) на извѣстное *исполненіе* (*Leistung*); конечно, въ этомъ заключается и эвентуальная возможность публично-правоваго (государственнаго) принужденія. Въ римскомъ понятіи обязательства, въ „actione teneri“, содержится, напротивъ, только эта *возможность принужденія*—„liegt nur das Gezwungenwerdenkönnen, das Müssen, nicht die Verpflichtung zur Leistung, das Sollen“.

Послѣ всего сказаннаго только-что считаемъ излишнимъ залого доказывать, что то, въ чемъ *Bekker* усматриваетъ различіе между нашимъ современнымъ представленіемъ объ обязательствахъ и римскимъ, есть именно различіе между обязательствомъ гражданскимъ и преторскимъ. Если мы гражданское „N^o N^o X mihi dare oportet“ называемъ обязательствомъ, то очевидно, что это „obligatum esse“ отнюдь не печерпывается „actione teneri“: последнее можетъ исчезнуть (*actio denegatur, exceptio perimitur*), но самое „dare oportet“ остается („ipso jure potest intendere dari sibi oportere“). Напротивъ, obligatio juris praetorii въ юридической сущности своей есть именно только пѣкоторое „*Gezwungenwerdenkönnen*“.

---

⁹⁾ Aktionen. Bd. I. S. 4 и сл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы прослѣдили роль римской магистратуры въ юридической жизни древняго Рима: бросимъ теперь послѣдній ретроспективный взглядъ.

Мы видѣли, что въ древнѣйшее время только-что зарождающаяся государственная власть, созданная, главнымъ образомъ, для высшей обороны общины и занятая этой обороной, частными отношеніями отдѣльных членовъ общества между собой совершенно оставляла внѣ своего надзора и контроля. Нанесеніе ранъ, личная обида, воровство, задержаніе чужой вещи, неуплата долга и т. д., и т. д. — все это разсматривалось, какъ нѣчто касающееся только лицъ заинтересованныхъ, какъ дѣло чисто частное, и государственная власть сюда не вмешивалась. Местъ и самоуправное возстановленіе нарушенныхъ правъ, замѣняемая иногда мировою сдѣлкой или третейскимъ судомъ, были единственными регуляторами и единственною санкціей примитивнаго правопорядка.

Но этотъ строй въ своемъ чистомъ видѣ на разсвѣтѣ римской исторіи уже не существуетъ, хотя еще долго сохраняются его многочисленные слѣды и пережитки. Хотя местъ еще допускается, напр., въ случаяхъ членовредительства, но *raggicidium* уже признано дѣлимымъ, противнымъ не только частнымъ интересамъ, но и интересамъ всего общества, и влекаетъ на виновника наказаніе публичное. Самоуправное осуществленіе гражданскихъ правъ, въ виду возможности физическихъ столкновеній между спорящими, также привлекаетъ къ себѣ вниманіе власти: она вмешивается въ это осуществленіе, пре-

дотирацять готовую возникнуть борьбу, по разрѣшеніи спора на себя не беретъ, принуждалъ лишь спорящихъ заключить договоръ о третейскомъ судѣ. Въ этомъ заключается общій, верховный принципъ древне-римскихъ *legis actiones*.

Государственная власть, такимъ образомъ, начинаетъ уже обращать вниманіе на внутреннее устройство гражданского быта общины, на поддержаніе общественнаго порядка. Этимъ принципомъ опредѣляется, какъ только-что сказано, даже самое участіе органовъ власти въ гражданскомъ процессѣ. Не разрѣшеніе гражданскихъ споровъ, не охрана частныхъ правъ сама по себѣ интересуется государственную власть; какъ будетъ разрѣшенъ споръ и будетъ-ли возстановлено поправное право,—эти вопросы ее не интересуютъ; для нея важно только, чтобы споръ не перешелъ въ борьбу, не повлекъ за собой столкновений, разжигающихъ страсти, расшатывающихъ общественный порядокъ и тѣмъ ослабляющихъ плодотворную силу и энергію, необходимую для защиты отъ вѣшнихъ враговъ. Государственная власть даже въ гражданскомъ процессѣ преслѣдуетъ цѣли т. е. полицейскія.

Однако, общественный миръ и порядокъ можетъ быть нарушенъ не только при осуществленіи гражданскихъ правъ, и потому не только здѣсь можетъ потребоваться вмѣшательство власти. Такъ, прежде всего необходима охрана неприкосновенности *loci sacri* и *loci publici*, охрана безпрепятственнаго пользованія общественной рѣкой, ея берегами, общественными улицами и дорогами и т. д., и т. д. И государственная власть, дѣйствительно, беретъ на себя эту охрану, устраняя всякій замѣченный ею или указанный ей неупорядокъ своими личными приказаніями, подкрѣпленнымъ угрозой штрафовъ и другихъ средствъ *coercitio*.

Уже во многихъ случаяхъ указаннаго рода не могли не примѣшиваться и частные интересы отдѣльных лицъ; поставивъ себѣ задачей устранить общественный неупорядокъ, магистратъ, конечно, не могъ не защищать одновременно и эти частные интересы. Такимъ образомъ, естественно и незамѣтно зарождается защита частныхъ интересовъ административными средствами власти.

Съ постепеннымъ усложненіемъ общественной жизни расширяется и область такого вмѣшательства. Призванный—по принципіальному римскому воззрѣнію—самой своей должностью заботиться объ охранѣ общественнаго мира и порядка, магистратъ мало по малу

все шире и шире захватывает общественную жизнь. Условных границ между нынешним правом частным и публичным для него не существует; он идет туда, куда зовет его житейское неустройство и где его не стесняемый рамками мир может открыть тот или другой элемент общественного неурядка. И понятно, что в течение столетий его влияние могло оказаться во всех областях гражданских отношений.

Историческая смена магистратур—царь, консулы, преторы и эдилы—являлась в этом отношении простою преемственностью: консулы продолжали деятельность царей, преторы и эдилы—деятельность консулов; принципиальный характер деятельности оставался один и тот же.

Точно также не изменился характер этой деятельности и историческая смена, или лучше сказать—историческое усложнение средств или форм влияния. Личная *cognitio*, *interdicta*, *stipulationes praetoriae*, *missiones*, наконец, *actiones praetoriae* и т. д. представляют собою лишь несколько различное по формам проявление одной и той же сущности.

В результате этого постепенного исторического процесса возникает тот дуализм правовых систем, та своеобразная комбинация *jus civile* и *jus honorarium*, которая составляет любопытнейшее явление в правовой истории вообще и которая имеет с тем для современного понимания представлять большие трудности. Рядом с обыкновенным, нам понятным правом (*jus civile*) возникает и действует другое право, для нас совершенно чуждое, право т. е. некоего второго ранга (*jus honorarium*). Коллизия их между собой создает многочисленные юридические фигуры (*quodam jus* и т. д.), в наших юридическом строю совершенно невозможны, но для римлян совершенно понятны.

Весь этот процесс развития совершился не какими-либо фактическими или юридическими скачками, а путем постепенной, для глаз современников, быть может, незамеченной эволюции. Маленький в начале истории комочек административных мероприятий, катясь все дальше и дальше, превратился к концу ее в большую юридическую лапшу. На всем протяжении римской истории мы не встречаем никаких законов, которые бы давали магистратуре в этом отношении каких-либо новые права и полномочия.

Въ изложенномъ заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и простой отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ началѣ настоящаго труда, имъ вопросъ о *исудирственно-правовомъ основаніи* для преторскаго вышнательства въ области гражданского права.

Jus honorariumъ выросло не изъ терпимаго народомъ захвата претурой функций, еі de jure не принадлежащихъ, не изъ права толкованія законовъ, не изъ lex Aebutia, не изъ участія въ гражданскомъ судѣ. Оно выросло просто и естественно изъ самой обязанности римскаго магистрата заботиться объ охранѣ внутренняго общественнаго порядка. Въ этомъ заключалось его officium, и это officiumъ уже само по себѣ уполномочивало его ко всякимъ изъпрятіямъ въ указанномъ смыслѣ.

Какъ извѣстно, исторія Рима началась въ тяжелой вѣднней обстановкѣ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, маленькая римская община должна была напрягать всѣ свои силы, чтобы съ успѣхомъ отстаивать свое существованіе. Въ этой постоянной борьбѣ и напряженіи были заложены основы и римскаго характера и римскаго государственнаго устройства.

Въ тяжелой школѣ выработался, съ одной стороны, духъ личной инициативы и несокрушимая твердость воли, а съ другой стороны—беззабѣтный патриотизмъ и способность почти безграничнаго самопожертвенія интересамъ общаго блага. Эти же черты отпечатались римскій народъ и въ своей конституціи.

Внутри своего дома, своей familia римскій гражданинъ—безграничный владыка; какъ устроить порядокъ въ этомъ своемъ домѣ, ему никто и ничто не указъ: общественное мнѣніе и boni mores являются для него только чисто фактическими рамками, которыя онъ вправе переступить, если того требуетъ благо этого дома, какъ онъ его понимаетъ. Обычаи предковъ, конечно, тверды и священны, но они имѣютъ для paterfamilias значеніе порядка въ *нормальныхъ* условіяхъ; въ случаяхъ экстренныхъ для него вышнихъ законовъ является общій цѣль этихъ mores—охрана порядка и блага familia. Подчинялся въ нормальномъ теченіи жизни исконнымъ нормамъ семейнаго быта, въ условіяхъ исключительныхъ онъ можетъ пролить свою личную волю, стать выше этихъ традиціонныхъ нормъ.

Такъ представлялъ себѣ римлянинъ власть и ея задачи, и это воззрѣніе онъ перенесъ на власть государственную. Государство—это большая familia, и способы управленія имъ не могутъ быть иными,

чѣмъ тѣ, которые практикуются въ тѣсныхъ предѣлахъ дома. Во главѣ государства стоитъ царь, и этотъ царь, конечно, долженъ быть снабженъ всею тою властью, которую имѣетъ каждый гражданинъ въ своемъ домѣ ¹⁾).

Конечно, въ государствѣ для сношеній отдѣльных patresfamilias между собой существуютъ различныя исконныя обычаи—mos majorum; они опредѣляютъ, что кому принадлежитъ и т. д.; но они не могутъ имѣть для царя нѣаго значенія, чѣмъ то, которое имѣютъ семейныя нормы для каждаго отдѣльнаго домовладыки. При нормальныхъ условіяхъ жизнь опредѣляется ими, но въ случаяхъ исключительныхъ, если того требуетъ общее благо, царь можетъ повелѣть и иное. Это отступающее отъ правилъ обычаи приказаніе не уничтожаетъ, конечно, самаго обычая, а лишь отстраняетъ его примѣненіе для даннаго конкретнаго случая. Такое суспендированіе обычной нормы, вытекало въ данномъ случаѣ изъ потребностей общаго блага, общественнаго порядка, составляетъ должностное право носителя государственной власти. Безграничный повелитель у себя въ домѣ, привыкшій къ полному повиновенію своихъ sui, римскій гражданинъ подчинился этому приказанію не только „за страхъ, но и за совесть“, не потому, что онъ не въ силахъ бороться съ превышеніемъ власти, а потому, что это отнюдь не превышеніе, а общее право власти, для него выполнѣ естественное и понятное.

Такое представленіе о власти было перенесено и на республиканскія магистратуры: уже выше было отмѣчено, что установленіе республики не обозначаетъ собою появленія новыхъ государственно-правовыхъ категорій, что реформа въ сущности сводилась лишь къ новой *личной* организаціи носителей принципиально полной и нераздѣльной власти. *Юридическихъ* ограниченій и періодъ республики знаетъ немного. Конечно, всѣ тѣ условія, въ которыхъ была поставлена дѣятельность республиканскаго магистрата (годичность, коллегіальность, intercessio и т. д.), должны были въ сильной степени ослабить въ немъ охоту къ отступленіямъ отъ закона и традицій, но описанное патріархальное воззрѣніе на права государственной власти не исчезло, и тамъ, гдѣ магистратъ чувствовалъ за собой общественное мнѣніе, онъ могъ, опираясь на свое право, по прежнему при-

---

¹⁾ Ср. *Моммсенъ*. Римскія исторія. Рус. пер. Невѣдомскаго. Т. I. Стр. 61 и сл., *Girard. Manuel*. p. 12—13.

бѣгнуть къ суспендированію нормы закона въ примѣненіи къ тому или другому конкретному случаю.

Нѣтъ поэтому необходимости для объясненія всевозможныхъ *restitutiones*, *denegationes* и т. д. прибѣгать къ рискованной гипотезѣ превышенія власти: что магистратъ въ подобныхъ случаяхъ выходитъ изъ предѣловъ своего права—на это мы не имѣемъ ни малѣйшихъ намековъ въ источникахъ. Напротивъ, формулы эдикта „*non animadvertam*“, „*ratum non habeo*“, „*iudicium dabo*“ и т. п. звучатъ полнымъ сознаниемъ права. Эдиктъ, напр., конечно, хорошо знаетъ, что въ силу гражданского права продавецъ не обязанъ отвѣчать за недостатки вещи иначе, какъ въ случаѣ *scientia*; возлагать на него отвѣтственность выше этой мѣрки и кассировать законно заключенный договоръ—было бы, конечно, съ нашей точки зрѣнія дѣломъ незаконнымъ; мы, однако, видѣли выше, что это не останавливаетъ эдикта: руководствуясь соображеніями общественнаго порядка онъ приказываетъ возратить покупную цѣну, законно приобретенную, а въ случаѣ упорства—даже въ двойномъ размѣрѣ. Онъ не касается при этомъ самой нормы гражданского права; она, какъ таковая, продолжаетъ существовать, и лишь для данного случая оказывается въ примѣненіи.

Непримѣненіе гражданской нормы въ практикѣ магистрата можетъ мало по малу приобрести т. ск. *хроническій характеръ*: какъ норма права, она продолжаетъ существовать, и отмѣнить ее магистратъ не въ состояніи, но средствами своего *imperium* онъ дѣлаетъ ее по всѣмъ конкретнымъ случаямъ непримѣлимой, *sine effectu*. Для лицъ, которыхъ обязаны только примѣнить право, напр., для *iudices*, она сохраняетъ свою полную юридическую обязательность, и потому нужно, чтобы магистратъ въ каждомъ конкретномъ дѣлѣ далъ судѣ соотвѣствующее приказаніе. Въ случаяхъ хроническаго непримѣненія гражданской нормы и возникаетъ *nullum ius*.

Какъ было только-что сказано, весь этотъ римскій юридическій строй для насъ трудно понятенъ. Въ виду этого да будетъ позволено мнѣ привести одинъ гипотетическій примѣръ, который, быть можетъ, будетъ способствовать уясненію—конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ,—описаннаго выше теоретически римскаго правопорядка.

Положимъ, что въ нашемъ нынѣшнемъ государствѣ со всѣми его атрибутами какая-нибудь мѣстность въ силу тѣхъ или другихъ

причинъ, напр., вслѣдствіе крайняго раздраженія рабочихъ противъ фабрикантовъ, приходится въ состояніи сильнаго безпорядка, волненій и т. п. Обычныя мѣры администраціи оказываются безсильными возстановить спокойствіе, вслѣдствіе чего въ эту мѣстность назначается отъ правительства какой-нибудь чрезвычайный комиссаръ съ почти неограниченными полномочіями (ему запрещается, напр., только договаривать къ смертной казни—*provocatio ad populum*,—да къ штрафамъ выше известной мѣры—*lex Aternia* и т. д.). Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, комиссаръ этотъ видитъ, что спокойствіе не можетъ быть возстановлено иначе, какъ путемъ удовлетворенія нѣкоторыхъ претензій рабочихъ и неудовлетворенія нѣкоторыхъ—юридически вполне правильныхъ—претензій фабрикантовъ. Положимъ, напр., что по контрактамъ съ рабочими фабриканты имѣютъ право изымать съ нихъ за прогулы и пр. извѣстные штрафы. Взысканіе этихъ штрафовъ служить одной изъ причинъ волненій и безпорядковъ, и комиссаръ рѣшаетъ подобныя изысканія приостановить. Измѣнить общую норму закона, въ силу которой контракты должны быть исполняемы въ точности, комиссаръ не можетъ, но онъ можетъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ приостановить юридически вполне правильный искъ фабриканта (*actionem denegare*), находитъ осуществленіе этого иска въ настоящее время противнымъ интересамъ общественнаго порядка. Черезъ нѣсколько времени, когда все пойдетъ въ нормальную колею, искъ подобнаго рода будутъ снова допущены, даже, быть можетъ, искъ о старыхъ штрафахъ; но въ настоящее время комиссаръ, не отрицая юридической законности требованій, парализуетъ ихъ исковую осуществимость. Самое право фабриканта на полученіе штрафной суммы не исчезаетъ (для этого нѣтъ законныхъ основаній), но въ данный моментъ это право остается *sine effectu*, является „голымъ правомъ“—*nudum ius*.

Предположимъ далѣе, что нашъ комиссаръ счелъ целесообразнымъ о такомъ своемъ рѣшеніи объявить публично: при такихъ-то условіяхъ иска о изысканіи штрафа не дамъ; въ такомъ случаѣ мы получили бы римскій эдиктъ.

Наконецъ, представимъ себѣ, что подобныя чрезвычайныя полномочія были даны на одинъ годъ, но и по истеченіи этого года дѣло успокоенія мѣстности не кажется законченнымъ: порядокъ водворился, но есть опасеніе, что съ возвращеніемъ къ обычному строю волненія возобновятся. Назначается новый комиссаръ съ такими же самыми

полномочіями снова на одинъ годъ. Этотъ новый комиссаръ отчасти измѣняетъ программу своего предшественника, отчасти же ее принимаетъ—и въ томъ числѣ принимаетъ правило относительно недопущенія исковъ о штрафнхъ. Дѣйствіе этого правила фабрикантовъ на получение штрафныхъ денегъ остается нидимъ еще на одинъ годъ.

Стать бы такой способъ управленія хроническимъ (возобновляющимся изъ года въ годъ)—и мы получили бы въ концѣ концовъ всѣ типическія черты римскаго юридическаго дуализма: съ одной стороны—*jus civile* и законъ, съ другой стороны—*jus honorarium* и эдиктъ; мы говорили бы о *nuda jura*, о правахъ, которыя *tuitioe tantum praetoris continentur*, объ „*ipso jure deberi jure honorario non deberi*“ и т. д., и т. д.

Подобныя полномочія власти, подобное отношеніе магистрата къ закону мы въ нашемъ нынѣшнемъ государствѣ можемъ представить себѣ лишь какъ нѣчто совершенно исключительное и временное. Въ Римѣ же такой порядокъ вещей, ведя свое начало отъ глубокой патріархальной старины, былъ порядкомъ нормальнымъ и постояннымъ.

Но—могутъ возразить намъ—исторія Рима вообще была богата народными волненіями по различнымъ поводамъ: борьба патриціевъ съ плебеями, богатыхъ съ бѣдными сплывъ и ридомъ обострилась до очень опасныхъ эпизодовъ; припомнимъ, напр., хотя бы волненія по поводу задолженности. Если-бы, дѣйствительно, такова была задача и таковы были полномочія носителей римской государственной власти, какъ это только что обрисовано нами, то именно здѣсь, въ этихъ волненіяхъ, должна была бы наиболее ярко проявиться упорядочивающая дѣятельность магистратовъ. А этого мы не видимъ; всѣ наиболее рѣзкія столкновенія общественныхъ классовъ заключаются и разрѣшаются не мѣрами магистратовъ, а такими или такими законодательными постановленіями (*leges Valeriae et Horatiae, Licinia Sextinae* и т. д.).

Это возраженіе однако, несколько не затрагиваетъ существа вопроса. Магистратъ имѣетъ право въ нужныхъ случаяхъ воспользоваться на свой рискъ всею полнотою своей власти; но захочетъ-ли онъ, дѣйствительно, въ каждомъ конкретномъ случаѣ взять на себя этотъ рискъ—это другой вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ и отъ степени важности дѣла и отъ личной рѣшимости даннаго магистрата. Неудивительно, что въ случаяхъ только-что указанныхъ, гдѣ дѣло шло о самыхъ основныхъ принципахъ римскаго гражданского

строю, магистраты не рисковали раздѣлять столкновенія своей личной властью, предоставляя улаженіе положенія самому народу и даже вызывая народъ на такое активное участіе (созывая народное собраніе). И въ нашемъ гипотетическомъ примѣрѣ если-бы напр., подѣ влияніемъ волненій всѣ бѣдные должники потребовали сложенія долговъ или раздѣла между ними общественной земли,—возможно, что нашъ комиссаръ не рѣшился бы на это собственною властью, а испросилъ бы указанія, а можетъ быть даже закона свыше.

Принятіе подобныхъ мѣръ въ острыхъ случаяхъ часто влекло бы за собой не водвореніе общественнаго порядка, а наоборотъ—еще большее расшатываніе его. Поистинѣ поэтому, что магистратъ дѣйствовалъ самостоятельно только тогда, когда онъ чувствовалъ подѣ собой болѣе твердую почву, когда вопросъ не имѣлъ острого политическаго характера. Такъ, мы видимъ весьма оживленную дѣятельность претора именно въ смыслѣ подпоренія общественнаго порядка въ смутную эпоху гражданскихъ войнъ послѣдняго столѣтія республики (*actio doli, quod metus causa, edictum de nautis cauponibus* etc.), дѣятельность эдиловъ въ области рыночнаго порядка и т. д.

Когда въ настоящее время заходить рѣчь о роли суда и судьи, когда подымается вопросъ о различныхъ проблемахъ судейской дѣятельности, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ ссылки на римскую претору. Такъ напр., *O. Vilow* въ своей живой и интересной брошюрѣ „*Gesetz und Richteramt*“ (1885), коснувшись историческаго соотношенія между закономъ и судомъ, говоритъ: „Вездѣ государственная власть свое призваніе—упорядочивать общежитіе—осуществляла долгое время исключительно путемъ суда. Столѣтія должны были пройти, прежде нежели государство доросло до права, регулируемаго закономъ. Стремленіе къ познанію абстрактныхъ юридическихъ истинъ не свойственно юнымъ народамъ. Право есть продуктъ опыта, продуктъ горькой необходимости, которая отъ случая къ случаю вставала улаживать столкновенія челоукаческаго эгоизма и страстей инстинктивнымъ приговоромъ государственной власти“. Въ видѣ примѣра жгѣмъ *Vilow* приводитъ и римскаго претора. „Когда, говоритъ онъ, послѣ законовъ XII т. обнаружилась потребность въ болѣе глубокихъ измѣненіяхъ права, то эти измѣненія въ огромномъ большинствѣ случаевъ были произведены не путемъ законовъ, а путемъ твор-

ческой работы судовъ. Судебный магистратъ—преторъ—работаетъ надъ этой задачей почти половину тысячелѣтія, и изъ этой работы вырастаетъ судебное право—*jus honorarium*, которое не удовлетворяется простымъ осуществленіемъ или дополненіемъ права законодательнаго, но даже выступать съ положеніями противозаконными, проводи ихъ въ жизнь отъ случая къ случаю. Только ежегодное объявленіе этихъ положеній заранѣе составляетъ гарантію противъ чрезвычайной неравномѣрности и произвола²⁾.

Точно также ссылаются на претору, когда по поводу современныхъ кодификацій возникаетъ вопросъ о широтѣ судейскаго усмотрѣнія. Такъ напр., *Endemann*, характеризуя свободу судейскаго усмотрѣнія въ новомъ Германскомъ уложеніи, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Все это напоминаетъ о работѣ римскаго претора. И на немъ лежала задача осуществленія закона въ процессуальномъ и матеріальномъ отношеніи; и тогда приходилось рѣшать социальныя проблемы и удовлетворять требованіямъ социальной справедливости; и онъ это исполнитъ“³⁾.

Все наше изслѣдованіе показываетъ, насколько подобныя ссылки неосновательны. Въ какую бы сторону мы ни рѣшали вопросы, касающіеся широты и задачъ судейской дѣятельности, мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ права сослаться при этомъ на претору, ибо ея дѣятельность, ея участіе въ юридической жизни римскаго народа опредѣлялось не принципами суда, а принципами администраціи, и притомъ администраціи совершенно особенной.

Ни одинъ сопредеишій законъ не предоставитъ, конечно, суду права, рѣшать дѣла вопреки закону, а тѣмъ болѣе практически отмѣнять правовыя нормы откровенными заявленіями въ какихъ нибудь судебныхъ админтахъ. Это значило бы уничтожить юридическую силу самаго закона, и ставить судъ въ положеніе, прямо противорѣчащее его основному назначенію въ государственномъ механизмѣ. И въ Римѣ мы имѣемъ примѣры довольно широкой, но уже чисто судебной дѣятельности: это юридическая дѣятельность понтификовъ, частныхъ судей (*judices privati*) и т. д.: но дѣятельность эта, несмотря даже на ея значительное творческое вліяніе, опредѣлялась совсѣмъ

---

²⁾ l. cit. S. 17—19.

³⁾ Einführung in das Studium des bürgerl. Gesetzbuchs. Bd. I (3-te Aufl. 1897). S. 43, прим. 4.

не тѣми принципами, которые лежали въ основѣ дѣятельности преторовъ. Дѣятельность судьи сводилась и тамъ къ уясненію смысла правовой нормы, выраженной въ законѣ или въ обычай или, наконецъ, въ преторской формулѣ, сводилась, вообще говоря, къ *interpretatio*; но права идти противъ закона и такимъ путемъ „рѣшать социальные проблемы“ онъ никогда не имѣлъ. Даже въ классическую эпоху, много времени спустя послѣ установленія *bonorum possessio*, напр., судья долженъ былъ *in iudicio* признавать отвергнутымъ и преторскимъ эдиктомъ и народнымъ сознаниемъ претензіи гражданского *heres*—только потому, что сама норма гражданского права оставалась законнымъ образомъ не отмѣненной: мы знаемъ, что въ виду этого необходима была каждый разъ преторская *denegatio actionis*. Уже на этомъ примѣрѣ мы видимъ неотклонную зависимость судьи отъ вѣдѣній закона; что-либо свое судья можетъ внести только тамъ, гдѣ законъ оставляетъ ему извѣстный просторъ въ пониманіи того или иного выраженія.

Для преторы никакихъ подобныхъ рамокъ не существовало: онъ могъ идти и дѣйствительно шелъ часто прямо противъ яснаго смысла закона, не прикрываясь ничѣмъ и не подводя свои постановленія, хотя бы даже путемъ очевидныхъ натяжекъ подъ ту или иную норму гражданского права. Даже самая грубая натяжка содержитъ въ себѣ принципиальное призваніе закона, принципиальное подчиненіе ему. Преторъ, однако, даже о такой маскѣ не заботится; она ему не пужна, ибо онъ не судья, предназначенный для простаго примѣненія закона, а магистратъ, блюдуцій за сохраненіемъ общественнаго мира и порядка, и въ этомъ отношеніи не ограниченный даже закономъ.

Источникъ преторскихъ реформъ въ области гражданского права заключается, такимъ образомъ, не въ особенностяхъ римской судебной дѣятельности, а въ особенностяхъ римскаго государственнаго права, и въ частности въ особенномъ характерѣ римскихъ магистратуръ. Особенности эти блестящимъ образомъ были очерчены уже *Лерингомъ*, и намъ остается только напомнить эту характеристику.

„Черезъ всѣ наши учрежденія, говоритъ *Лерингъ* ^(*), красной нитью проходитъ духъ недоувѣрія; полная власть всадъ ищетъ намъ опасеній, и мы успокаиваемся только тогда, когда отнимемъ у нея возможность злоупотребленія. Эта боязнь личности и предпочтеніе

---

^(*) Geist des röm. Rechts. Bd. II. 1-te Abth. § 35 (3-te Aufl. S. 246 и сл.).

мертвого правила является характерной чертой нашего времени, пропихивающей не только отношенія публичнаго права. Возьмемъ наше чиновничество. Какъ оно поддано тѣлестю законовъ, распоряженій, инструкцій, которыя должны указывать чиновнику, какъ слѣдуетъ, его самый малѣйшій шагъ! Даже тамъ, гдѣ мертвый законъ оставлять пробѣлъ и этикъ даетъ случай проявиться личному усмотрѣнію, наше недоверіе отнимаетъ эту возможность, предписывая чиновнику исполнять разрѣшеніе свѣше... Нелѣпѣйшимъ, но послѣдовательнымъ проявленіемъ этой политики боязни было бы постановленіе военачальника, находящагося передъ фронтомъ врага, подѣ контроль отдѣленной военной канцеляріи, предписаніе ему каждый разъ испрашивать разрѣшеніе на бой и одобреніе боеваго плана“.

„Римскія система представляетъ полную противоположность. Римляне знали, что могущественное государство пугдается и въ могущественныхъ органахъ, что государство со связанными членами не въ состояніи создать ничего великаго; ни боязнь передъ возможностью злоупотребленія, ни любовь къ свободѣ не мѣшали имъ снабдить своихъ магистратовъ полною властью. Привычные къ энергическому проявленію силы во всѣхъ отношеніяхъ, они менѣе всего, конечно, могли бы терпѣть слабость и безсиліе во главѣ государства. Не робкаго и безпритязательнаго, а повелительнаго и царскаго поведенія желалъ римскій народъ отъ своего начальства; сила и величіе самого государства должно было отражаться въ этомъ послѣднемъ. Съ этой цѣлью ему было предоставлено все необходимое могущество, и Полибій могъ справедливо сказать, что римское государство, если имѣть въ виду его магистратовъ, производитъ впечатлѣніе монархіи. Полнота власти, которою были снабжены римскіе магистраты искони, сохранилась неприкосновенною съ IV вѣка до самаго конца республики; римская демократія не стремилась, какъ у насъ, ослабить силу правительства и авторитетъ чиновничества въ имени интересѣ народнаго суверенитета“.

„Въ высокой степени замѣчательная независимость и самостоятельность магистрата по отношенію къ народу. Народъ создавалъ себѣ въ магистратѣ не слугу, не нѣчто низшее (minister), а гонодина, т. е. нѣчто высшее (magister). То обстоятельство, что онъ избирается народомъ и по сложеніи должности можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности передъ народомъ, на самую власть не оказываетъ никакого вліянія. Какъ только магистратъ вступалъ въ должность, его

отношеніе къ народу совершенно измѣнилось: до сихъ поръ онъ смотрѣлъ на народъ снизу вверхъ, теперь онъ смотритъ на него сверху внизъ. Воля народа теперь ничего не можетъ отнять у него и не можетъ помѣшать ему при отправленіи должности дѣйствовать совершенно по своему убѣжденію. Воля народа представляеть собою лишь транзиторный моментъ; она исчерпывается въ актѣ избранія и затѣмъ на цѣлый годъ отступаетъ назадъ. Конечно, магистраты обращаютъ вниманіе на волю и желанія народа, но въ сущности не болѣе того, чѣмъ это дѣлаетъ въ монархическомъ государствѣ князь. Тамъ, гдѣ они были другаго убѣжденія, они ничуть не останавливались передъ народнымъ убѣжденіемъ, и въ источникахъ мы имѣемъ выраженія, которые дышатъ почти абсолютистическимъ образомъ мыслей^а.

„Римскія, какъ граждански-правовыя, такъ и публично-правовыя отношенія власти представляются широкими, эластичными формами, которыя предоставляютъ личности свободу движенія и только въ личности ихъ носителя получаютъ свое настоящее содержаніе. Они лишены полною противоположностью тому, что мы имѣемъ въ настоящее время, полною противоположностью тѣмъ механизмамъ, которые—по нашему взгляду—должны быть независимы отъ личности субъекта, должны быть всегда одинаковыми, неизмѣнными, должны не подчиняться личности, а подчинять личность себѣ. Римскія отношенія господства и власти находятся, напротивъ, въ прямой зависимости отъ индивидуальности ихъ субъекта; они достаточно эластичны, чтобы не ссызывать сильный характеръ, но они тотчасъ же сморщиваются, какъ платье въ сказкѣ, когда попадаютъ на плечи величій незначительной. Въ силу абстрактнаго припа власть той или другой магистратуры является всегда одинаковой, но въ дѣйствительности мѣра этой власти опредѣляется всегда моральною силой ея носителя. Слабый, робкій характеръ, владѣя этой властью, не рѣшался пользоваться ею по всей ея могуществѣ; понятно, что она въ рукахъ такого магистрата утрачивала свое значеніе, подчинялась даже тамъ, гдѣ въ этомъ не было необходимости, побѣждала столкновений, а если даже и рисковала на нихъ, то оказывалась побѣжденной. Но появились въ той же роли чловѣкъ цѣльный, желѣзный характеръ, истинный повелитель—и какъ возмывалась тогда та же должность, до какой степени достоинства, силы, величія достигала она! Возстановлялись права, которыми предшественники не рѣшались пользоваться въ теченіе столѣтій, выдвигались новыя требованія, возобнов-

лился и усиливался блескъ должности, и еще долго потомъ преемники пользуются выгодами этого одного должностнаго года“...

Къ этой характеристикѣ римскихъ магистратуръ прибавить нечего. Общій духъ и общія достоинства римскаго правоплаго строи уловлены Терингомъ чрезвычайно вѣрно. Но правильная оцѣнка достоинствъ римской системы соединилась у Теринга съ нѣкоторымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ нашей нѣтълиней системѣ, проникнутой стремленіемъ къ самому строгому господству закона. Между тѣмъ и тамъ и здѣсь необходимо отношеніе болѣе объективное.

Конечно, римская система предоставляла почти полный просторъ личности каждаго даннаго магистрата. Не связанный никакими предписаніями, теоретически не связанный даже закономъ, магистратъ могъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ устанавливать такой порядокъ, который соотвѣтствовалъ его убѣжденіямъ, его представленіямъ о правдѣ и справедливости. При такихъ условіяхъ правовой строй утрачивалъ всѣ неудобства, неизбежно вытекающія изъ господства абстрактныхъ привилегій закона, приобреталъ чрезвычайную гибкость, податливость и эластичность. Въ каждую данную эпоху каждый конкретный случай могъ быть нормированъ сообразно его особеннымъ условіямъ, и бѣдствіе „*summum jus summa injuria*“ теоретически для такого правопорядка не существовало. Съ другой стороны, эта эластичность юрисдикціи чрезвычайно способствовала историческому движенію права. Всякая нарождающаяся потребность благодаря возможности конкретных рѣшеній почти немедленно находила себѣ подлежащее удовлетвореніе, не ожидая того момента, когда она дойдетъ до общаго народнаго сознанія и когда она получитъ въ законѣ общее теоретическое разурьшеніе, что, конечно, совершается довольно медленно. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ римскій правопорядокъ имѣлъ неоспоримыя преимущества предъ нашими современными. „Можно съ увѣренностью сказать, что при нашемъ государственномъ устройствѣ, при необходимости создавать особый законъ для всякаго мельчайшаго измѣненія въ области граждански-правовыхъ отношеній, римское право никогда не достигло бы той удивительной стройности и выработанности, которую мы въ немъ находимъ“⁵⁾.

---

⁵⁾ См. „Право и Фактъ“. Ч. I. Стр. 144.

Но есть и обратная сторона медали.

Право имѣть своею общою задачей установить *правила поведения* для всѣхъ отдѣльных членовъ общества. Въ римскомъ правовомъ порядкѣ съ его теоретической возможностью для магистрата не считаться съ закономъ, эти правила поведения въ концѣ концовъ, конечно, зависятъ отъ воли и усмотрѣнія магистрата, т. е. отдѣльнаго лица. А въ этомъ заключается, очевидно, если не самое рабство, то, по крайней мѣрѣ, возможность рабства.

Право имѣть, далѣе, своею задачей установить общій компромиссъ между сталкивающимися *интересами* индивидуумовъ. Предоставленіе магистрату оцѣнивать эти сталкивающиеся интересы по своему свободному усмотрѣнію включаетъ въ себѣ неоспоримый рискъ ввести въ юрисдикцію субъективность, партійность, „классовыя точки зрѣнія“ и т. подобныя вещи, которыя вмѣсто успокоенія могутъ вызвать только раздраженіе.

Вообще, отсутствіе неизбѣжныхъ, абстрактныхъ, для всѣхъ извѣстныхъ нормъ въ высокой степени противорѣчить интересамъ прочнаго гражданского (экономическаго) оборота: возможность не получить иска, когда на него имѣешь право, возможность, что заключенный мною договоръ будетъ признанъ недействительнымъ, когда на него рассчитываешь по всѣмъ правиламъ закона, и т. д., и т. д.— все это, конечно, не можетъ не служить великимъ тормазомъ для живаго экономическаго движенія, въ особенности когда это послѣднее дѣлается все интенсивнѣе и интенсивнѣе.

Если при всемъ томъ римское общество не только жило, но долго и процвѣтало подъ господствомъ такого юридическаго строя, то причиной этому было, во-первыхъ, то обстоятельство, что римскій экономическій оборотъ въ первые вѣка былъ довольно неразвитъ, а, во-вторыхъ и главнѣе всего то, что Римъ жилъ, по крайней мѣрѣ, въ первую половину республики необычайно интенсивною и открытою общественною жизнью. Полная публичность всѣхъ дѣйствій магистратовъ, живое общественное мнѣніе, проникающее къ каждому римлянина чувствомъ личной свободы и достоинства—все это исключало *фактически* возможность эгоистическаго произвола—съ одной стороны и рабскаго подчиненія—съ другой.

Когда, однако, съ теченіемъ времени римскія общественная жизнь утратила эти черты, то и римскій правовой порядокъ обнаруживаетъ тенденцію къ измѣненію своего основнаго характера. Вы-

раженіємъ этой тенденціи являются *lex Cornelia*, концентрація (посредствомъ *appellatio*) высшей юрисдикціи въ рукахъ императора, Адріановская редакція эдикта. Всѣ эти историческія явленія, какъ справедливо замѣчаетъ *Schultze*⁶⁾, представляютъ собою постепенную борьбу и постепенную побѣду абстрактнаго права надъ правомъ, уступавливымъ для каждаго конкретнаго случая.

Мы—народы новаго міра и новой культуры—далеко не можемъ похвалиться ни свойствами римскаго характера, ни римской общественной жизнью; своей исторической судьбой мы пріучены дорожить „мертвымъ правиломъ“, какъ одной изъ гарантій нашей независимости отъ личнаго произвола, пріучены цѣнить начало *строгой законности*, даже со всѣми его неудобствами. И можно сказать въ заключеніе, что чѣмъ ниже уровень культуры и общественности народа, тѣмъ это начало законности для него цѣннѣе и необходимѣе.

---

⁶⁾ Privatrecht und Process. S. 417—419.

Покровский Иосиф Алексеевич
Право и факт в римском праве

Часть II
Генезис преторского права

Репринтное издание 1902 г.

12+

Ответственный редактор *Е. Романова*
Верстальщик *Д. Ананьева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Direct-media — полный цикл издательских услуг

- Редактура, корректура
- Присвоение ISBN
- Передача в Российскую книжную палату
- Присвоение DOI
- Печатный тираж
- Верстка
- Дизайн обложки
- Продвижение
- Поддержка
- Кратчайшие сроки подготовки издания

www.directmedia.ru — магазин электронных и аудиокниг. В нашем каталоге вы найдете тысячи нон-фикшн-книг, которые помогут в учебе и жизни: мировые бестселлеры по саморазвитию, учебники, научную и научно-популярную литературу, обучающие курсы для взрослых и детей. Мы сотрудничаем с ведущими издательствами, а также выпускаем собственные электронные и печатные книги, которые ставим на полки ведущих магазинов и маркетплейсов — OZON, Wildberries, Лабиринт и других.

